

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ ПМР

ГОУ ДПО «Институт развития образования и повышения квалификации»

Научно-исследовательская лаборатория
«Инновационная школа Приднестровья»

**ХРЕСТОМАТИЯ
ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

*Пособие для воспитателей ОДО
в четырех частях*

Часть IV

(Подготовительная к школе группа — от шести до семи лет)

Тирасполь
2018

Составитель

А.Ю. Сударикова, старший научный сотрудник НИЛ «Инновационная школа Приднестровья», старший преподаватель кафедры дошкольного и начального образования, ведущий методист ГОУ ДПО «Институт развития образования и повышения квалификации», г. Тирасполь.

Рецензенты:

Г.Н. Николаева, старший преподаватель высшей категории кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь;

Т.И. Лапикова, преподаватель дисциплин профессионального цикла высшей квалификационной категории ГОУ СПО «Бендерский педагогический колледж»;

Л.А. Насонова, преподаватель дисциплин профессионального цикла высшей квалификационной категории ГОУ СПО «Бендерский педагогический колледж»;

В.С. Онуфер, заведующий высшей квалификационной категории МДОУ № 48 ЦРР «Мечта» г. Тирасполя, руководитель методического объединения заведующих ОДО;

Н.М. Тарасова, заведующий высшей квалификационной категории МДОУ «Рыбницкий детский сад № 3», г. Рыбница.

Х91 **Хрестоматия** для детей дошкольного возраста: пособие для воспитателей ОДО в четырех частях. Часть IV (подготовительная к школе группа — от шести до семи лет) / сост. А.Ю. Сударикова. — Тирасполь: ИРОиПК, 2018. — 258 с.

ББК 81.2-93я70

© ИРОиПК, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Хрестоматия является пособием, предназначена воспитателям для организации воспитательно-образовательного процесса в организациях дошкольного образования Приднестровской Молдавской Республики. Содержание хрестоматии разработано в соответствии с Примерной основной образовательной программой Приднестровской Молдавской Республики (Приказ Министерства просвещения Приднестровской Молдавской Республики от 19 марта 2018 года № 252 «О введении в действие решений Коллегии МП ПМР от 27.02.18 г. (см. приложение 4)).

Примерная основная образовательная программа разработана в соответствии с Законами Приднестровской Молдавской Республики «Об образовании» от 27.06.03 г. № 292-3-III (САЗ 03-26) в текущей редакции, «О дошкольном образовании» от 25.07.2008 года № 499-3-IV (САЗ 08-29) в текущей редакции, требованиями государственного образовательного стандарта дошкольного образования Приднестровской Молдавской Республики (Приказ Министерства просвещения Приднестровской Молдавской Республики от 16 мая 2017 года № 588, регистрационный № 7903 от 18 июля 2017 года «Об утверждении Государственного образовательного стандарта дошкольного образования Приднестровской Молдавской Республики»), Санитарно-эпидемиологическими требованиями к устройству, содержанию и организации режима работы дошкольных образовательных организаций (СанПиН МЗ ПМР 2.4.1.3049-15).

Хрестоматия включает в себя содержание раздела «Чтение художественной литературы» Примерной основной образовательной программы Приднестровской Молдавской Республики — художественные произведения, которые рекомендованы к использованию в непосредственно образовательной деятельности, в специально-организованных видах деятельности и в самостоятельной деятельности детей подготовительной к школе группы (от шести до семи лет).

В хрестоматию включены произведения русского, зарубежного фольклора, произведения поэтов и писателей России, зарубежных писателей, республиканский компонент (произведения приднестровских авторов), произведения молдавских, украинских поэтов и писателей, а также дополнительная литература, рекомендуемая педагогам и родителям для детей подготовительной к школе группы (от шести до семи лет) в организации дошкольного образования и семье.

Песенки

Лиса рожью шла,
Лиса грош нашла.
Лиса мыльце купила,
Лиса рыльце умыла.

Волк шел стороной,
Лиса улицей,
Волк пел петухом,
Лиса курицей.

Волк саночки купил,
Лису в санки посадил.
Не доехав до села,
Лиса выскочила.

Чигарики-чок-чигары!
Комарики, мухи, комары!
Чигарики-чигарок,
Повалился комарок
Со дуба на пенье,
На сыро коренье
Прилетели мухи,
Мухи-горюхи,

Подхватили комарочка,
Доносили до дубочка.
Посадили на дубок,
Под зеленый листок:
— Сиди... отсиживайся!

Зима пришла,
В сани коней запрягла,
В путь-дорожку вывела.
Лед на речке вымела,

С берегом связала,
К земле приковала.
Снег заледенила,
Милых ребят,
Красных девчат
На ледянки усадила,
На салазки уложила.
Лихо с горы прокатила!

Идет Матушка-весна,
отворяйте ворота!
Первый Март пришел,
всех детей повел.
А за ним — и Апрель
отворил окно и дверь.
А уж как пришел месяц Май,
сколько хочешь гуляй!

Идет Матушка-весна
по полям-лесам одна.
Первый раз прощается,
Второй раз запрещается,
А на третий раз
не пропустим вас!

Когда солнышко взойдет,
Роса на землю падет,
Пастух выйдет на лужок,
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играет,
Выговаривает:
— Вы гоните-ка скотину
На широкую долину,
На широкую долину,
На большую луговину.

Коляда, коляда!
А бывает коляда
Накануне Рождества!
Коляда пришла —
Рождество принесла.

Коляда, коляда,
Ты подай пирога,
Или хлеба ломтину,
Или денег полтину,
Или курочку с хохлом,
Петушка с гребешком!
Отворяйте, хозяева, сундучки,
Вынимайте пяточки!
По копеечке давайте
Колядовщикам!

Как пошла коляда
Вдоль по улице гулять,
Вдоль по улице гулять,
С Новым годом поздравлять!
— Коляда, коляда,
Где ты раньше была?
— Я в поле ночевала,
Теперь к вам пришла!
Здравствуй, хозяин
С хозяйшкой,
На долгие века,
На долгие лета!
Сейся, родися,
Жито, пшеница,
Ячмень, овес, гречка,
Горох, чечевица,
На Новый год!
Будьте здоровы,
Счастливы будьте!

Живите без бед
Много лет!
Новый год пришел,
Старый угнал,
Себя показал,
Иди, народ,
Солнышко встречать,
Мороз прогнать!

Как на масляной неделе
Из печи блины летели.
И сыр, и творог —
Все летело за порог.
Весело было нам!
Достанется и вам!

Тин-тин-тинка,
Подайте блинка,
Оладышка-прибавишка.
Последний кусок,
Мочальный усок!
Уж вы не скупитесь,
Масленным кусочком поделитесь!

Масленица, Масленица!
Широкая Масленица!
Гостья нагостились,
С зимушкой простились,
С крыши капели,
Грачи прилетели,
Воробьи чирикают,
Они весну кликают.
Кончилось весельице!
Беритесь за дельце,
Готовьте сошеньку —
Выехать на пашеньку!

Прибаутки

— Братцы, братцы!
Я медведя поймал!
— Так веди его сюда.
— Да он не идет!
— Ну, так сам иди.
— Да он меня не пускает! Ай!

— Федул, что губы надул?
— Кафтан прожог.
— Починить можно.
— Иглы нет.
— А велика ли дыра?
— Один ворот остался.

Глупый Иван
Ни людям, ни нам:
Огонь маслом тушит,
Решетом в воде звезды ловит,
За мухой гоняется с обухом,
За комаром — с кнотом;

В колодец — воду льет,
В лес — дрова везет.
Личико беленько,
Да ума маленько.

— Ты пирог съел?
— Нет, не я!
— А вкусный был?
— Очень!

Где кисель — тут и сел.
Где пирог — тут и лег.
Где блины — тут и мы.
Где щи с мясом — тут и место наше.

Сбил, сколотил — вот колесо.
Сел да поехал — ах, хорошо!
Оглянулся назад —
Одни спицы лежат.

Небылицы

Богат Ермошка —
У него собака да кошка,
Петушок да курочка,
Селезень да уточка.
Вот как кошка
На окошке
Шьет рубашку
Для Ермошки!
Собачка-пустолайка
Лепешки печет.
Кот в уголке
Сухари толчет.

Утка в юбке
Холсты тачёт.
Селезень-сапожник
Пироги печет.
Петушок в сапожках
Песни поет.
Курочка в сережках
Избушку метет.
Вымела избушку,
Положила голичок:
— Ляг, голичок,
Под порог на бочок!

Вы послушайте, ребята,
Моей сказки небогатой
От конька-горбунка
И медведя-плясунка:
Уж как пестрая свинья
На дубу гнездо свила.
Гнездо свила, детей вывела.
Шестьдесят поросят
По сучочкам висят.
Поросята визжат,
Полететь хотят.
Полетели, полетели

И на воздухе присели.
Уж как по небу медведь летит.
Медведь летит,
Головой вертит.
А несет-то он коровушку,
Черно-пеструю, белохвостую.
А коровушка мычит
Да хвостищем-то вертит!
Знай, медведю кричит:
— Давай вправо,
Давай влево,
А теперь вот напрямик!

Сказки

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ

(Из сборника сказок А. Афанасьева)

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

— Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в летах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе, — стало быть, и хозяйка, и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели, сложа руки, как барыни. Как же это так делалось?

Василисе помогала ее куколка. Без этого, где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у бабушки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке, да рвет цветочки, а у нее уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

— Не выдам меньшей прежде старших!

А проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга; никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта всегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила только одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке; одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

— Что теперь нам делать? — говорили девушки. — Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к бабе-яге!

— Мне от булавок светло! — сказала та, что плела кружево. — Я не пойду.

— И я не пойду, — сказала та, что вязала чулок. — Мне от спиц светло!

— Тебе за огнем идти, — закричали обе. — Ступай к бабе-яге!

И вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

— На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к бабе-яге; баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки.

— Не бойся, Василисушка! — сказала она. — Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не случится с тобой у бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо ее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, — на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, — стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами; вместо вереи у ворот — ноги человека, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне; подскочил к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, — настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная, куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга — в ступе едет, пестом погоняет, помелом след заметает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

— Фу, фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

— Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнем к тебе.

— Хорошо, — сказала яга-баба, — знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

— Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось.

Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе:

— Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу.

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит:

— Когда завтра я уеду, ты смотри — двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь да походи в закроем, возьми четверть пшеницы и очисти ее от чернушки. Да чтоб все было сделано, а не то — съем тебя!

После такого наказания баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне яга-баба работу и грозитя съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!

Кукла ответила:

— Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!

Ранешенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник — и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула — перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник — взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилию во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей, прежде всего, приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки.

— Ах ты, избавительница моя! — сказала Василиса куколке. — Ты от беды меня спасла.

— Тебе осталось только обед состряпать, — отвечала куколка, влезая в карман Василисы. — Состряпай с богом, да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник — и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья — едет баба-яга. Василиса встретила ее.

— Все ли сделано? — спрашивает яга.

— Изволь посмотреть сама, бабушка! — молвила Василиса.

Баба-яга все осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

— Ну, хорошо!

Потом крикнула:

— Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

— Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

— Молись богу да ложись спать: утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!

Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула:

— Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча.

— Что ж ты ничего не говоришь со мною? — сказала баба-яга. — Стоишь как немая!

— Не смела, — отвечала Василиса, — а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем.

— Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состарешься!

— Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?

— Это день мой ясный, — отвечала баба-яга.

— Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?

— Это мое солнышко красное! — отвечала баба-яга.

— А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

— Это ночь моя темная — все мои слуги верные!

Василиса вспомнила о трех парах рук и молчала.

— Что ж ты еще не спрашиваешь? — молвила баба-яга.

— Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состарешься.

— Хорошо, — сказала баба-яга, — что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

— Мне помогает благословение моей матери, — отвечала Василиса.

— Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных.

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

— Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали.

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп: «Верно, дома, — думает себе, — уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

— Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей — тот погасал, как только входили с ним в горницу.

— Авось твой огонь будет держаться! — сказала мачеха.

Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живет себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

— Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканье приниматься, да таких берд не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит:

— Принеси-ка мне какое-нибудь старое бердо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я все тебе смастерю.

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

— Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

— Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить никому; понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам да все мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил:

— Что тебе, старушка, надобно?

— Ваше царское величество, — отвечает старуха, — я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно — вздивовался.

— Что хочешь за него? — спросил царь.

— Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскрыоили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал:

— Умела ты напрясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

— Не я, государь, пряла и соткала полотно, — сказала старуха, — это работа приемыша моего — девушки.

— Ну, так пусть и сошьет она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всем Василисе.

— Я знала, — говорит ей Василиса, — что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладывая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждет, что будет. Видит: на двор к старухе идет царский слуга; вошел в горницу и говорит:

— Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти.

— Нет, — говорит он, — красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а там и свадебку сыграли.

Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об ее судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

Волк и лиса

(Обраб. И. Соколова-Микитова)

Жили волк и лиса. У волка избушка хворостяная, у лисички — ледяная. Пришла ростепель, у лисы избушка растаяла. Явилась лиса к волку на ночлег проситься:

— Пусти меня, куманек, обогреться!

— Мала моя избушка, — говорит волк. — Одному повернуться негде. Куда тебя пушу?

Не пустил волк лису.

Явилась лиса другой раз, явилась третий. Заладила каждый день к волку ходить:

— Хоть на приступочку, куманек, пусти!

Сжалился волк, пустил лису. Первую ночь лиса на приступочке спала, на вторую забралась в избу, а на третью на печи развалилась. Волк спит под печью внизу, а лиса на печи. И всю-то ночь сама с собой разговоры разговаривает.

Услыхал волк, спрашивает:

— Кто у тебя, кума?

— Никого, куманек, нету.

Легли спать, а лиса знай лапкой в печную трубу стучит: «Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!».

Проснулся волк:

— Выйди, кума, спроси: кто там стучится?

Вышла лиса в сени за дверь. А из сеней забралась в кладовушку, где волк запасы берег. Стала в кладовушке сметанку да маслице слизывать. Лижет и приговаривает:

— Хороша Волкова сметанка! Вкусное маслице!

Вылизала все маслице и сметанку, муку рассыпала. Вернулась на печь, обливается.

— С кем ты, кумушка, в сенях разговаривала? — спрашивает волк.

— Это за мной послы приезжали, — отвечает лиса. — Звали меня на свадьбу, на почестный пир. Да отказалась я ехать.

Поверил волк лисе.

Утром задумал волк блины печь. Говорит лисе:

— Я буду дрова носить, печку топить. А ты сходи, кумушка, в кладовушку, посмотри там хорошенько. Было у меня и маслице и сметанка, была и мучица. Печку затопим, напечем блинков.

Пошла лиса в Волкову кладовушку. Явилась из кладовушки, волку говорит:

— Я под старость слеповата стала, вижу плохо — ничего не нашла в твоей кладовушке. Сходи, куманек, сам.

Пошел волк сам в свою кладовушку. На полочки посмотрел, под полочки поглядел: все в кладовушке подлизано! Вернулся, спрашивает у лисы:

— Не ты ли у меня, кумушка, сметанку и маслице слизала да муку рассыпала?

Стала откаться лиса:

— Я слепа и убога. Не видала маслица, не лизала сметанки, не рассыпала твоей муки!

Еще раз поверил волк хитрой лисе, оставил в избушке жить до весны.

Жила лиса до весны, жила до холодной осени.

И теперь у волка в избушке живет.

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

(Пересказ Н. Колтаковой)

Случилось богатырю молодому, Добрыне Никитичу, в жаркий день возле Пучай-реки в поле гулять. А неподалеку оттуда на горе Сорочинской жила Змея свирепая, жадная. Ненавидела Змея Добрыню за то, что не раз богатырь ее змеенышей ядовитых топтал, не раз спасал от плена змеиною людей русских, которых Змея к себе на гору в пещеру утаскивала. Много раз уговаривала Добрыню матушка родимая:

— Берегись, дитяtko, Пучай-реки, не купайся в ней. Налетит на тебя Змея, как безоружный с ней справишься?

Помнил Добрыня наказы матушкины. Да очень уж жарко в тот день богатырю в поле было. Сбросил платье, в воду кинулся.

А Змея тут как тут. Поднялась над рекой, вьется над Добрыней, броситься на него готова. Издевается:

— Захочу — Добрыню целиком сожру! Захочу — Добрыню в хоботы возьму! Захочу — Добрыню в плен унесу!

Но не испугался Змея Добрыня: успел ловко на берег выскочить. Схватил он свой колпак в три пуда весом, да как хватит Змею по голове! Вмиг отшиб у нее

хоботы ядовитые. Кинулся к платью своему, выхватил нож булатный. Испугалась, завывла Змея лютая:

— Не бей, не губи меня, Добрынюшка! Не буду больше на Русь летать, людей русских в плен уносить! Помиримся! И ты моих детенышей не трогай впредь.

Поверил ей Добрыня. Согласился. Отпустил Змею на волю. Мигом скрылась, улетела Змея лютая. А Добрыня домой пошел.

Приходит домой, а Киев-град печален стоит.

— Что за горе приключилось? — Добрыня спрашивает.

Отвечают ему люди киевские:

— Одна была у князя Владимира племянница любимая, Забава дочь Путятична. Пошла она в зеленом саду прогуляться. Пролетала тут над Киевом Змея проклятая. Подхватила, унесла княжну в свою пещеру змеиную!

Идет Добрыня к Владимиру, а там богатыри сидят в горнице, думу думают: как освободить Забаву Путятичну? Кого послать? Все на Добрыню кивают: он, мол, с таким делом лучше всех справится.

Сел Добрынюшка на своего добра коня. Дала мать ему в руки плеточку шелковую:

— Как приедешь, дитяtko, на гору Сорочинскую, покрепче коня хлещи, чтобы крепко топтал он злых змеенышей.

Помчался Добрыня к пещере змеиной. До пещеры доехал. Начал он тут коня плеткой стегать. Начал конь копытами змеенышей топтать. А из пещеры навстречу Добрыне вылетает Змея лютая, свирепая.

— Это что же ты, Добрыня, делаешь? А не ты ли обещался не топтать больше моих змеенышей?

Отвечал ей Добрынюшка:

— А не ты ли обещала людей русских не носить к себе? Зачем похитила Забаву Путятичну? Не спушу тебе этого!

И пошла тут у Добрыни со Змеей битва жестокая. Трое суток они бились да еще три часа. Не вынесла Змея, сдохла. Прикончил ее Добрынюшка.

Побежал он в пещеру змеиную, стал на свет выводить пленников.

— Выходите, — кричит, — люди русские! Убита Змея Добрынею!

Ищет он Забаву Путятичну среди пленников, отыскать не может. В самой последней пещере запрятанную нашел.

Садился он на своего добра коня, княжну перед собой посадил. И повез ее в Киев к дядюшке, князю Владимиру.

Вышел князь Владимир на высокое крыльцо, встретил Добрыню с поклоном, с великой благодарностью:

— Спасибо тебе, Добрынюшка, — один ты из всех богатырей сослужил нам такую службу важную!

И наградил он Добрыню золотой казной, платьем праздничным.

СНЕГУРОЧКА

(По народным сюжетам)

Жили-были старик со старухой. Жили ладно, дружно. Все бы хорошо, да одно горе — детей у них не было.

Вот пришла зима снежная, намело сугробов до пояса, высыпали ребятишки на улицу поиграть, а старик со старухой на них из окна глядят да про свое горе думают:

— А что, старуха,— говорит старик, — давай мы себе из снега дочку сделаем.

— Давай,— говорит старуха.

Надел старик шапку, вышли они на огород и принялись дочку из снега лепить. Скатали они снежный ком, ручки, ножки приладили, сверху снежную головку приставили. Вылепил старик носик, рот, подбородок. Глядь, а у Снегурочки губы порозовели, глазки открылись, смотрит она на стариков и улыбается. Потом закивала головкой, зашевелила ручками, ножками, стряхнула с себя снег — и вышла из сугроба живая девочка.

Обрадовались старики, привели ее в избу. Глядят на нее — не налюбуются.

И стала расти у стариков дочка не по дням, а по часам; что ни день, то все краше становится. Сама беленькая, точно снег, коса русая до пояса, только румянца нет вовсе.

Не нарадуются старики на дочку, души в ней не чают. Растет дочка и умная, и смышленная, и веселая. Со всеми ласковая, приветливая. И работа у Снегурочки в руках спорится, а песню запоет — заслушаешься.

Прошла зима.

Начало пригревать весеннее солнышко. Зазеленела трава на проталинах, запели жаворонки.

А Снегурочка вдруг запечалилась.

— Что с тобой, дочка? — спрашивают старики. — Что ты такая невеселая стала? Иль тебе неможется?

— Ничего, батюшка, ничего, матушка, — я здорова.

Вот и последний снег растаял, зацвели цветы на лугах, птицы прилетели.

А Снегурочка день ото дня все печальнее, все молчаливее становится. От солнца прячется. Все бы ей тень да холодок, а еще лучше — дождичек.

Раз надвинулась черная туча, посыпался крупный град. Обрадовалась Снегурочка граду, точно жемчугу перекатному. А как снова выглянуло солнышко, и град растаял, Снегурочка заплакала, да так горько, словно по родному брату.

За весной лето пришло. Собрались девушки на гулянье в рощу, зовут Снегурочку:

— Идем с нами, Снегурочка, в лес гулять, песни петь, плясать.

Не хотелось Снегурочке в лес идти, да старуха ее уговорила:

— Пойди, дочка, повеселись с подружками!

Пришли девушки со Снегурочкой в лес. Стали цветы собирать, венки плести, песни петь, хороводы водить. Только одной Снегурочке по-прежнему невесело.

А как свечерело, набрали они хворосту, разложили костер и давай все друг за дружкой через огонь прыгать. Позади всех и Снегурочка встала. Побежала она и в свой черед за подружками. Прыгнула над огнем и вдруг растаяла, обратилась в белое облачко. Поднялось облачко высоко и пропало в небе. Только и услышали подружки, как позади простонало что-то жалобно: «Ау!». Обернулись они — а Снегурочки нет.

Стали они кликать ее:

— Ау, ау, Снегурочка!

Только эхо им в лесу откликнулось.

СЕМЬ СИМЕОНОВ — СЕМЬ РАБОТНИКОВ

(Обраб. И. Карнауховой)

Жили-были семь братьев. Увидал их царь и спрашивает, кто такие.

— Мы — семь братьев, семь Симеонов — семь работников, каждый своему ремеслу обучен: первый Симеон может железный столб до неба построить, второй Симеон — на тот столб полезть, во все стороны посмотреть, третий Симеон — мореход, четвертый Симеон — стрелец, пятый Симеон — звездочет, шестой Симеон — хлебороб, а седьмой Симеон — пляшет-поет, на дуде играет.

— Работнички нам надобны, — царь говорит, — покажите свое мастерство!

Симеон-младшенький заиграл на рожке, все заплясали. Взял старший Симеон молот, сковал столб до неба. А второй на столб полез и говорит, что видит на море-океане, на острове Буяне в золотом дворце Елену Прекрасную. Захотел царь ее себе в жены добыть и послал за царевной семь братьев.

Взял Симеон-мореход острый топор и сделал корабль. А царь велит воеводе с братьями ехать, за ними надсматривать. Сели на корабль — до чужого царства доехали. Пришли к царевне, стали за царя сватать.

А воевода ей шепчет:

— Не ходи, Елена Прекрасная, царь стар, не удал!

Разгневалась Елена Прекрасная, сватов с глаз прогнала. А Симеон-младшенький ко дворцу пошел, увидел Елену Прекрасную у окна.

— Хорошо, — говорит он, — у вас на море-океане, на острове Буяне, а на Руси-матушке в сто крат лучше!

Заиграл тут Симеон-младшенький в свой рожок. Симеон играет, а Елена Прекрасная за ним вослед идет. Симеон на корабль — и она на корабль.

Тут братья быстренько в сине море поплыли. Елена Прекрасная огляделась, далеко остров Буян. Грянулась она о пол, полетела в небо голубой звездой. Выбежал тут Симеон-звездочет, посчитал в небе звезды ясные, нашел звезду новую.

Выбежал тут Симеон-стрелец, пустил в звезду золотую стрелу. Скатилась звезда на пол, снова стала царевной: никуда ей от них не спрятаться.

Вот они плывут, а Симеон-младшенький от царевны ни на шаг не отходит.

А воевода злое дело затевает. Созвал братьев и подал им чарку сладкого вина. Выпили братья вина и крепко заснули, было в том вине сонное зелье подмешано.

Только Елена Прекрасная да Симеон-младшенький того вина не пили. Вот доехали они до родной стороны. А злой воевода вперед к царю побежал.

— Царь-батюшка, Симеон-младшенький тебя убить хочет, а царевну себе забрать.

Царь велел царевну в терем проводить, а Симеона в тюрьму посадить.

Утром повели его на лютую казнь. Царевна плачет. Злой воевода ухмыляется.

Попросил Симеон у царя дозволения в последний раз на рожке сыграть. Услышали его братья, проснулись, поняли, что беда с их братцем стряслась.

Побежали они к царскому двору, чтобы отпустил на волю их младшенького и отдал ему Елену Прекрасную. Испугался царь и отдал им брата Симеона-младшенького и царевну в придачу.

Ну, и был тут пир на весь мир.

Сынко-Филипко

(Пересказ Е. Поленовой)

В сторожке, на реке, у перевоза жил дед, старый паромщик, с женой. Жили они вдвоем, дожили до старости, а детей у них не было. Сильно тосковала об этом старуха, уж так-то она тужила, что и сказать невозможно.

Вот стала она деду такие слова говорить: «Нет у нас с тобой, горемычных, деток, хоть бы мне бревнышко обтесал: я бы его в ветошку обернула, стала бы в зыбке качать, песенки ему петь — все бы хоть немножко тоску размыкала».

Дед сжалился над старухой, взял чурбан, обтесал его, сделал мальчика, угольком ему глазки, ротик и носик написал и дал старухе.

Она обрадовалась, стала его пестовать да в зыбке качать, словно он живой. И так-то усердно она его качала, что он вдруг ожил и закричал, а потом стал расти, как настоящий мальчик.

Уж и рады были старики сыночку, назвали его Филиппом и стали его выращивать и выхаливать.

Растет сынко-Филипко, и отец с матерью на него радуются. Вырос сынко-Филипко, стал хороший, здоровый паренек.

Начал на реку ходить, рыбку удить. Потом стал к лодке привыкать, и так полюбилось ему это, что иной раз с рассветом уйдет, да так все вдоль речки ездит, рыбкой занимается. В полдень мать на берег придет, огонь разведет, навесит котелок, сварит кулешок, подойдет к речке и начнет его кликать:

«Сынко-Филипко! По реченьке ездись, рыбушку ловишь, — ближе, ближе к бережку, похлебай кулешку».

Тогда сынко-Филипко причалит к берегу, выгрузит рыбу, отдаст ее матери, сядет, попопдничает и опять за работу.

Раз как-то баба-Яга, костяная нога, подслушала, как мать Филипка звала. Захотелось ей Филипку хитростью изловить и себе ужин из него сготовить. Вот она села в ступу и покатила к тому берегу, где Филипко поблизости рыбу удил.

Едет баба-Яга, костяная нога, пестом погоняет, метлой след заметает. Приехала, развела костер, навесила котел, сама в ельник спряталась и закричала: «Сынко-Филипко, по реченьке ездись, рыбушку ловишь — ближе, ближе к бережку, похлебай кулешку!»

А Филипко ей отвечает: «Знаю, что это не моя матушка меня кличет; у моей матушки голос тонкий, а это вот какой грубый. Это ты, баба-Яга, меня обманываешь, ты меня съесть хочешь».

И не поехал к берегу. Так баба-Яга ни с чем домой вернулась.

На другой день, прежде чем к берегу ехать, она надумала пойти в кузницу, где кузнец лошадей ковал, и говорит ему: «Ковалек, ковалек, скуй мне новый язычок: мне нужен тонкий голосок». Кузнец сковал ей коротенький язычок, и сделался у бабы-Яги тонкий голосок.

Она с ним живо, живо к речке, все приладила: и огонек, и котелок, и кулешок, и тонким голоском закричала: «Сынко-Филипко, по реченьке ездись, рыбушку ловишь, — ближе, ближе к бережку, похлебай кулешку!».

Услыхал ее сынко-Филипко, подумал, что мать его кличет, и поехал на голос. Только выпрыгнул он на берег, баба-Яга из-за елки выскочила, когтями его ухватила, в ступу посадила и поехала с ним к своему двору. Подъехали. Баба-Яга кричит своей дочери: «Настаска, Настаска, отвори ворота!». А Настаска была такая же ведьма и злока, как сама баба-Яга. Въехала баба-Яга с Филипком во двор, говорит своей дочери: «Настаска, Настаска, топи баню жарко, жарко, мой Филипко бело, бело!».

Настаска докрасна истопила в бане печь, вымыла Филипку добела.

Тогда баба-Яга говорит ей: «Теперь истопи печку в избе и зажарь его; когда будет готов, я вернусь». Сама села в ступу, взяла пест да метлу и уехала.

Настаска истопила печку. Ей самой до смерти захотелось отведать Филипкиного мяса. Взяла лопату и говорит Филипке: «Сынко-Филипко, садись на лопату». Он говорит: «Я не умею — покажи мне» — и взял у нее лопату из рук. Она говорит: «Вот так!» — и села на лопату. Он ее взял да в печку и сунул. Сам живо из избы вон; думает, как бы ему от бабы-Яги укрыться. Слышит, что она близко едет. Вот он до большого дерева добежал, на дерево влез, сидит, притаившись.

Приехала баба-Яга, кричит: «Настаска, Настаска, отвори ворота!». Настаска не откликается. «Куда это она запропастилась?» — подумала баба-Яга, вылезла из ступы, сама ворота отворила и во двор въехала. Идет в избу, видит — печка истоплена. Она печку открыла и говорит: «Покатайся, поваляйся, сынки-Филипкины косточки поглодай».

Сынко-Филипко услышал да и закричал: «Не мои, а Настаскины косточки поглодай!». Услышала баба-Яга его голос, выбежала из избы и видит — он живой, на дереве сидит. Вот она за топором сбегала и давай дерево рубить.

Посмотрел Филипко вниз, видит — беда ему неминуемая. Взглянул кверху, а над ним летят утки. Он закричал: «Уточки белые, уточки серые, скиньте мне по перышку, я сплету из них крылышки, полечу домой к отцу, к матери!»

Уточки бросили ему каждая по перышку. Филипко стал сплетать из них крылья; сплел, замахал ими, но они были слишком малы и не могли поднять его кверху. А баба-Яга все рубит да рубит, так что щепки во все стороны летят.

Взглянул Филипко опять наверх, видит — летят гуси вереницею. Он закричал: «Лебеди белые, лебеди серые, скиньте мне по перышку, я вплету их в свои крылышки, полечу домой к отцу, к матери». Лебеди бросили ему по перышку. Он их вплел в свои крылышки.

А баба-Яга внизу дерево дорубила. Дерево стало падать, а Филипко взмахнул крыльями и полетел вверх, как птица.

Баба-Яга только руками развела да зубами заскрежетала.

А Филипко домой к отцу, к матери полетел. Прилетел он к окошечку, сел на травку. А мать напекла блинов, созвала гостей, поминает Филипка и говорит: «Это тебе, гостек, это тебе, старичок, а это мне блинок!». А Филипко под окном отзывается: «А мне?».

«Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?». Старик вышел, увидел сына-Филипко, обхватил его, привел к матери — пошло целование, и стали они вместе жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

НЕ ПЛОЙ В КОЛОДЕЦ — ПРИГОДИТСЯ ВОДЫ НАПИТЬСЯ

(Обраб. К. Ушинского)

Жили себе дед да баба. У деда была дочь и у бабы дочь. Баба была злая-презлая и дочь у нее такая же. Дед был человек смирный, и дочь его Машенька тоже девочка смирная, работающая, красавица.

Невзлюбила мачеха Машеньку и пристала к деду:

— Не хочу с Машкой жить! Вези ее в лес, в землянку, пусть там прядет — больше напрядет!

Совсем заела мужика злая баба. Нечего тому делать: запряг он телегу, посадил Машу и повез в лес. Ехали-ехали и нашли они в лесу землянку. Жаль старику дочери, да делать нечего! Дал он ей огниво, кремешок, тругу, мешочек круп и говорит:

— Огонек, Маша, не переводи, кашку вари, избушку приberi, а сама сиди да пряди; завтра я приеду тебя проведать.

Попрощался старик с дочерью и поехал домой. Осталась Маша одна, весь день пряла, а как пришла ночь, затопила печурку и заварила кашу.

Только что каша закипать стала, как вылезла из-под полу мышка и говорит:

— Дай мне, красная девица, ложечку кашки.

Машенька досыта мышку накормила, а мышка поблагодарила ее и спряталась. Поужинала Маша и села опять прясть.

Вдруг в самую полночь вломился медведь в избу и говорит Маше:

— А ну-ка, девушка, туши огонь, давай в жмурки играть! Вот тебе серебряный колокольчик: бегай да звони, а я буду тебя ловить.

Испугалась Маша, не знает, что ей делать, а мышка вылезла из-под полу, взбежала девушке на плечо да в ухо и шепчет:

— Не бойся, Маша, туши огонь, полезай сама в печь, а колокольчик мне отдай. Маша так и сделала.

Стал медведь в жмурки играть: никак мышки поймать не может, а та бегает да колокольчиком звонит. Ловил медведь, ловил, разлился, заревел и стал поленьями во все углы швырять: перебил все горшки и миски, а в мышку не попал. Пристал наконец медведь и говорит:

— Мастерница ты, девушка, в жмурки играть! За это пришлю тебе утром стадо коней да воз добра.

И ушел. Поутру баба сама посылает деда в лес.

— Поезжай, посмотри, много ли твоя Машутка напряла!

Уехал старик, а баба села у окна и дожидается, что вот-де приедет дед, Машуткины косточки в мешке привезет.

Сидит баба час, другой, слышит — что-то по дороге из лесу тарыхтит, а шавка из-под лавки:

— Тяф-тяф-тяф! Со стариком дочка едет, стадо коней гонит, воз добра везет.

Крикнула баба на собачку:

— Врешь ты, шавка! Это в кузове Машуткины косточки гремят.

Но заскрипели ворота, кони на двор вбежали, а Маша с отцом сидят на возу — полон воз добра! Почернела тут баба от злости и говорит:

— Эка невидаль какая! Вези мою дочку в лес. Моя Наташка не твоей Машке чета — два стада коней пригонит, два воза серебра привезет.

На другой день дед отвез бабину дочь в землянку и снарядил ее всем, как и свою. Наташа развела огонь и заварила кашу.

Мышка выглянула из-под полу и просит:

— Красная девица, дай мне ложечку кашки.

А Наташка как крикнет:

— Ишь ты, гадина какая! Еще каши захотела! — и швырнула в мышку поленом.

Мышка убежала, а Наташа села, всю кашу сама приела и легла спать. В самую полночь вломился медведь в избу.

— А ну-ка, девушка, давай в жмурки играть! Вот тебе колокольчик, бегай да звони, а я буду тебя ловить.

Взяла Наташа колокольчик и стала бегать. Да куда — колени трясутся, рука дрожит, колокольчик без толку звонит, а мышка из-под полу отзывается:

— Злой Наташке избитой быть!

Наутро баба посылает старика в лес.

— Поезжай, — говорит, — гони коней, вези серебро.

Уехал старик, а баба села у ворот и дожидается. Вот затарахтело по дороге из лесу, а собака из-под ворот:

— Тяф-тяф-тяф! Хозяйкина дочка едет, охает да кричит, а пустой воз тарахтит.

Швырнула баба в собачку поленом:

— Врешь ты, шавка! Это серебро в сундуках звенит.

Подъехал старик с Наташкой, и насилу-то ее с пустого воза сняли. Завыла тут злая мачеха, да делать нечего. А Машенька скоро потом за хорошего молодца замуж вышла.



☞ ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ МИРА ☞

Песенки

Перчатки

(Пер. с англ. С. Маршака)

Потеряли котятки
На дороге перчатки
И в слезах прибежали домой:
— Мама, мама, прости,
Мы не можем найти,
Мы не можем найти
Перчатки!

— Потеряли перчатки?
Вот дурные котятки!
Я вам нынче не дам пирога.
Мяу-мяу, не дам,
Мяу-мяу, не дам,
Я вам нынче не дам пирога!

Побежали котятки,
Отыскали перчатки
И, смеясь, прибежали домой.
— Мама, мама, не злись,
Потому что нашлись,
Потому что нашлись
Перчатки!

— Отыскали перчатки?
Вот спасибо, котятки!
Я за это вам дам пирога.
Мур-мур-мур, пирога,
Мур-мур-мур, пирога,
Я за это вам дам пирога!

Кораблик

(Пер. с англ. С. Маршака)

Плывет, плывет кораблик,
Кораблик золотой,
Везет, везет подарки,
Подарки нам с тобой.

На палубе матросы
Свистят, снуют, спешат,
На палубе матросы —
Четырнадцать мышат.

Плывет, плывет кораблик
На запад, на восток.
Канаты — паутинки,
А парус — лепесток.

Соломенные весла
У маленьких гребцов.
Везет, везет кораблик
Полфунта леденцов.

Ведет кораблик утка,
Испытанный моряк.
— Земля! — сказала утка. —
Причаливайте! Кряк!

«Мы пошли по ельнику...»

(Пер. со швед. И. Токмаковой)

Мы пошли по ельнику, ельнику,
Мы пришли на мельницу к мельнику.
Нам навстречу из ворот
Вышел черный-черный кот.
Говорит он: «Мельник нынче
В гости вас совсем не ждет!»

«Что я видел!..»

(Пер. с франц. Н. Гернет, С. Гиппиус)

— Что я видел! Что я видел!
— Куманек, а что ты видел?
— Я видел, как чиж
Весь город Париж
Упрягал в мешок!
— Ой, врешь, куманек!

— Что я видел! Что я видел!
— Куманек, а что ты видел?
— Корова в саду
Плясала на льду
В июльский денек!
— Ой, врешь, куманек!

— Что я видел! Что я видел!
— Куманек, а что ты видел?
— Медведица в шарфе
Играла на арфе,
А жук дул в рожок!
— Ой, врешь, куманек!

— Что я видел! Что я видел!
— Куманек, а что ты видел?
— Пятнадцать лягушек
Палили из пушек
В дубовый пенек!
— Ой, врешь, куманек!

— Что я видел! Что я видел!
— Куманек, а что ты видел?
— Сорока в лесу
Доила козу
В дырявый горшок!
— Ой, врешь, куманек!

Трое гуляк

(Пер. с франц. Н. Гернет, С. Гиппиус)

В поле гуляли трое гуляк,
После прогулки делали так:
Апчхи!
Пчхи!
Чхи!

Сказки

Айога

(Нанайская, обраб. Д. Нагишкина)

В роду самаров жил один нанаец — Ла. Была у него дочка Айога. Красивая девочка. Все ее очень любили. И сказал кто-то, что красивее Айоги ни в этом, ни в каком другом стойбище никого нет.

Айога загордилась. Стала рассматривать свое лицо. И понравилась сама себе. Глядит на себя — не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то на свое отражение в воде.

Совсем Айога стала ленивая. Все любит себя.

Вот однажды говорит ей мать:

— Принеси воды, Айога!

Дочка отвечает:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись, — говорит ей мать.

— Куст оборвется! — отвечает Айога.

— А ты за крупный куст возьми.

— Руки поцарапаю...

Мать говорит ей тогда:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся, — говорит Айога. А сама все в медный таз смотрится, какая она красивая.

— Ты зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается!

— Возьми толстую иголку, — говорит отец.

— Палец уколю, — отвечает дочка.

— Наперсток надень из крепкой ровдуги.

— Наперсток прорвется!

Тут соседская девочка говорит матери Айоги:

— Я схожу за водой, мать.

Пошла и принесла воды.

Замесила мать тесто, сделала лепешки. На раскаленном огне испекла. Увидела Айога лепешки, кричит:

— Дай мне лепешку, мать!

— Горячая она — руки обожжешь, — отвечает мать.

— А я рукавицы надену, — говорит Айога.

— Рукавицы мокрые.

— Я их на солнце высушу!

— Покоробятся они, — отвечает мать.

— Я их мялкой разомну!

— Руки заболят, — отвечает мать. — Зачем тебе трудиться, красоту свою портить? Лучше я лепешку той девочке отдам, которая своих рук не жалеет!

Взяла мать лепешку и отдала соседской девочке. Рассердилась Айога. Пошла за дверь на реку. Смотрит на свое отражение в воде. А соседская девочка жует лепешку. Стала Айога на девочку оглядываться. Шея у нее вытянулась — длинная стала.

Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепешку! Мне не жалко!

Совсем разозлилась Айога. Зашипела. Замахала руками, пальцы растопырила, побелела вся от злости — так замахала, что руки у нее в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го!.. — кричит.

Не удержалась на берегу. Бултыхнулась Айога в воду и превратилась в гуся. Плавает и кричит:

— Ах, какая я красивая! Го-го-го! Ах, какая я красивая!..

Плавала, плавала, пока по-нанайски говорить не разучилась.

Все слова забыла. Только имя свое не забыла, чтобы с кем-нибудь ее, красавицу, не спутали. Чуть людей завидит, кричит:

— Ай-ога-га-га! Ай-ога-га-га!

КАЖДЫЙ СВОЕ ПОЛУЧИЛ

(Эстон., обраб. М.Булатова)

Шел однажды по дороге бедный прохожий. А время было уже вечернее, смеркалось.

Решил прохожий зайти в ближайший дом, попроситься на ночлег. Стукнул тихонько в окошко большого дома:

— Пустите переночевать!

Вышла из дома хозяйка-богачка и давай бранить прохожего, давай кричать на него:

— Сейчас, — кричит, — собак с цепи спущу! Узнаешь, какой у меня ночлег! Поди прочь!

Пошел прохожий дальше. Увидел бедный маленький домик, постучался в оконце и сказал:

— Эй, хозяйва, приютите меня на одну ночьку!

— Входи, входи! — приветливо отозвалась хозяйка. — Ночуй, только уж не взыщи: тесно у меня очень, шумно.

Вошел прохожий в дом и видит: бедно в доме, ребятишек много, рубашонки на всех рваные.

— Почему же это у тебя ребята в таких лохмотьях ходят? — спрашивает прохожий. — Почему ты им новые рубашки не сошьешь?

— Куда там! — отвечает женщина. — Муж у меня умер, одна я ребят ращу, где уж мне им новые рубашки шить!.. У нас и на хлеб денег нет.

Выслушал ее прохожий, ни слова в ответ не сказал. А хозяйка собрала на стол ужин и стала звать прохожего:

— Садись, поешь с нами!

— Нет, — отвечает прохожий, — не хочу. Сыт я, недавно поел.

Развязал он свою сумку, достал все, что было съестного, и сам угостил ребят. А потом улегся и сейчас же заснул.

Рано утром старик проснулся, поблагодарил хозяйку за ночлег и сказал на прощание:

— Все, что ты начнешь делать с утра, будешь делать до вечера!

Не поняла хозяйка слов прохожего и внимания на них не обратила. Проводила она старика до калитки, вернулась домой и подумала:

«Ну, если даже этот бедняк говорит, что мои дети оборвыши, то что же могут сказать другие!».

И решила она сшить из остатков полотна, которое у нее было, хоть одну рубашку. Отправилась к богатой соседке и спросила у нее аршин, чтобы вымерить полотно: хватит ли его хоть на одну рубашку?

Возвратилась бедная женщина от соседки и тотчас же отправилась в кладовую.

Взяла с полки кусок полотна и стала его мерить. Она мерит, а кусок все длиннее становится, все конца не видно... Целый день мерила и только поздно вечером домерила до конца.

Ну, теперь и ей самой, и всем ее ребятам на всю жизнь хватит полотна на рубашки!

«Так вот о чем говорил мне утром прохожий!» — догадалась бедная женщина.

Вечером она отнесла аршин богатой соседке и рассказала ей без утайки, как она по слову прохожего получила полную кладовую полотна.

«Ах, зачем я этого прохожего не пустила ночевать!» — подумала богачка и закричала:

— Эй, работник! Запряги-ка поскорее лошадь! Скачи-ка вослед за нищим! Во что бы то ни стало привези его сюда! Бедным надо помогать, не скупясь! Я всегда это говорила!

Работник тотчас же поехал разыскивать старика прохожего. Только на следующий день он нагнал его. Но старик не захотел возвращаться.

Загоревал работник и говорит:

— Ну, беда мне: не привезу я тебя — выгонит меня хозяйка и жалованье не отдаст.

— Не горюй, паренек, — отвечает старик. — Так и быть, поеду с тобой!

Сел в повозку и поехал.

А богачка у ворот стоит, ждет не дождется. Встретила старика с поклонами, с улыбками, провела в дом, напоила, накормила, на мягкую постель уложила:

— Ложись, дедушка, отдыхай, милый!

Прожил старик прохожий у богачки день, прожил другой, прожил третий. Хозяйка его угощает, ласковые слова ему говорит, а сама злится, думает:

«И когда только этот старый негодник уберется отсюда?»

А прогнать старика не смеет — боится: прогонишь его, тогда все хлопоты даром пропадут.

На четвертый день, к великой ее радости, утром прохожий стал собираться в дорогу. Богачка вышла его проводить. Идет старик к воротам, а сам молчит. Вышел за ворота — и опять ни словечка. Не вытерпела богачка и говорит:

— Скажи-ка ты, что мне делать сегодня?

Посмотрел на нее прохожий и сказал:

— Все, что начнешь делать с утра, будешь делать до вечера!

Вбежала богачка в дом, схватила аршин, чтобы мерить полотно. Но тут она громко чихнула — так громко, что куры на дворе в испуге разлетелись в стороны.

И чихала она весь день, не останавливаясь.

Ни пить, ни есть, ни отвечать на вопросы богачка не могла. Только и слышно было:

— Ап-чхи! Ап-чхи! Ап-чхи!

И только когда солнце закатилось и совсем стемнело, перестала она чихать.

ГОЛУБАЯ ПТИЦА

(Туркм., обраб. А. Александровой и М. Туберовского)

Было это или не было, но люди рассказывают.

У одного крестьянина, по-нашему, по-туркменски, дехканина — родился сын ростом с небольшой стручок перца. Как родился, так сразу стал говорить и бегать. Мать посмотрела на него и назвала мальчика Ярты-гулок, а это значит по-туркменски половина верблюжьего уха. Вот такой он был маленький.

Однажды пошел Ярты-гулок с отцом на базар. Дал отец сыну два медных теньга.

— Ай, — обрадовался малыш, — сколько халвы, сколько пряников да меду я куплю себе на эти две медные денежки! — И побежал за отцом вприпрыжку, как за козой молодой козленок.

Ой, сколько народу собралось на базаре! Ой, сколько было товаров! Пришел Ярты в шелковый ряд — торгуют купцы шелками, цветистыми, словно радуга. Пришел в ковровый — лежат ковры, яркие, словно луг, покрытый цветами. Пришел в медный — увидел блюда, сверкающие, как солнце, кувшины, блестящие, словно золото. Стоят перед лавкой женщины, смотрят на медные казаны, тарелки да чаши — не могут налюбоваться. А ребята, глотая слюнки, столпились и смотрят во все глаза на груды фруктов, сваренных на меду, на корзины сдобных лепешек, на блюда со сладкой тягучей нугой. А сколько здесь было дынь, арбузов, яблок и винограда! Целый день смотри — всего не увидишь! Все деньги отдай, всего не купишь. А много ли можно купить на два медных гроша?

Шмыгал, шмыгал Ярты по рядам, приценивался, торговался — ничего не купил, а отца потерял в толпе.

— Ай, ата-джан, дорогой отец! Где ты? — начал кричать малыш, взобравшись на гору яблок. — Я здесь — твой сыночек Ярты-гулок!

А базар шумит, базар кричит: иголку легче найти в пустыне, чем найти в толпе человека. Не услышал его отец.

Чуть не заплакал Ярты с досады, да вовремя спохватился: «Плакать молодцу не к лицу! Найду и один домой дорогу».

Так подумал Ярты и сразу повеселел, поправил на голове тюбетейку и стал осматриваться, куда бы направить путь.

И вдруг, высоко над толпой, совсем недалеко, он увидел настоящее чудо. На длинном шесте из слоновой кости сидела прекрасная голубая птица. Клюв у птицы был золотой. Голубые как небо крылья, словно звездами, были усыпаны алмазными искрами. Изогнутая дугою шейка переливалась розовым и зеленым, а на маленькой круглой головке развевался пышный султан, сверкавший ярче, чем драгоценный камень рубин. Птица покачивалась на своем высоком насесте и то складывала, то расправляла свои лазурные крылья.

— Ай! — воскликнул малыш. — Посмотрю-ка я на птичку поближе. За такое чудо я готов отдать все мои деньги, да еще и тюбетейку в придачу.

Кубарем скатился он с груды яблок и стал пробираться к чудесной птице. Но это было не так-то просто. Ишаки, пешеходы, нагруженные тюками верблюды то и дело преграждали ему дорогу. Чуть не попал малыш под копыта коня, которого два джигита вели на продажу. Но и самой длинной дороге приходит конец. Так говорят люди — так и было. Добрался в конце концов и Ярты до чудесной птицы. Но мальчик думал, что увидит здесь радость и ликование, а увидел совсем другое.

Возле шеста, на котором красовалась диковинная птица, сидели три человека. У одного весь халат был измазан красками, у другого вся борода покрыта древесной пылью, а третий, в переднике из воловьей кожи, был черен как сажа. И красильщик, и резчик, и кузнец — все трое были печальны. Опустив головы, сидели они на земле, а вокруг них толпились женщины, старики и дети и плакали горькими слезами.

— Что тут случилось? Отчего эти люди плачут? — как комар, запищал Ярты, вскарабкавшись на плечо водоноса, торговавшего сладкой водой.

Водонос ответил:

— Эй, маленький человек, я вижу — ты пришел издалека и не знаешь, какое горе постигло этих людей.

— Конечно, я ничего не знаю, — шепотом ответил Ярты.

И водонос начал свой печальный рассказ.

— Наш хан — человек гордый, жестокий и несправедливый. Призвал он к себе резчика, лучшего в нашем городе, и приказал ему вырезать из дерева волшебную птицу Биль-Биль-Гое. Много сказок сложил народ об этой чудесной птице. Прекрасная, словно солнце, раз в году слетает она на землю. Она поет свои чудесные песни и приносит людям счастье! Но разве может человек своими грубыми руками создать волшебную птицу? Задумался резчик. Но он был искусный мастер и выполнил приказ хана. Ровно в срок он принес во дворец свою птицу, и все, кто видел ее, замерли от восторга, — никогда еще не видели они такой тонкой, такой прекрасной работы.

Но хан нахмурился и сказал: «Недурна птица, но разве не видишь, глупый мастер, что она бесцветна. Если к утру эта птица не заблестит и не засверкает, как солнце, я прикажу отрубить тебе голову».

Опечалился мастер. Не говоря ни слова, он взял птицу и отнес ее к своему другу, знаменитому рисовальщику. Этим мастером уже много лет гордимся мы все, гордится наш славный город. И вот за одну только ночь рисовальщик заставил птицу сверкать, как солнце. Он покрыл ее золотом и лазурью, а крылья чудесной птицы осыпал алмазной пылью.

Рано утром два мастера понесли во дворец чудесную птицу.

Они несли ее по улицам города, и люди, видя ее, смеялись от радости, били в ладоши, плясали и пели от счастья и от восторга!

Но грозный хан закричал: «Чему радуетесь, глупцы! Это не птица Биль-Биль-Гое, а кусок дерева, испачканный красками! Эй, мастера, если к утру ваша глупая

птица не научится вертеть головой и размахивать крыльями, я прикажу казнить всех резчиков и всех рисовальщиков!»

Еще больше опечалились мастера. Не сказав ни слова, они взяли птицу и отнесли к искусному кузнецу. Всю ночь трудился искусный кузнец, и, когда утром друзья возвратились к нему, чудесная птица взмахнула крыльями, кивнула точеной головкой и защелкала золоченым клювом.

Вне себя от радости все трое — резчик, рисовальщик и кузнец — побежали в ханский дворец. Они принесли с собой голубую птицу, и птица эта сверкала, как солнце, махала крыльями и вертела головой, совсем как живая. Они ждали щедрой награды, но, увидев птицу, жестокий хан закричал и затопал ногами; он так разгневался, что пламя вылетело у него из ноздрей. «Бездельники! — кричал хан. — Ваш товар никуда не годен! Разве это волшебная птица? Она молчит, она не умеет петь. Это не Биль-Биль-Гое, приносящая людям счастье!».

Ах, сколько дней ни старались искусные мастера, голубая птица так петь и не научилась. И вот сейчас придут ханские стражники, они схватят несчастных людей и бросят в тюрьму-зندان. А из ханской тюрьмы — все знают — никто еще не возвращался живым. Вот почему горько плачут их несчастные жены и дети.

Так сказал водонос и тоже заплакал, а вслед за ним тоненьким голоском зарыдал и Ярты-гулок.

Долго ли плакал Ярты, никто не знает, но вот толпа зашумела, заволновалась. — Расступись! Разойдись! — раздались громкие голоса.

Ярты оглянулся и увидел, что прямо к мастерам через площадь идут ханские стражники с обнаженными мечами и вместе с ними начальник стражи — толстый и разъяренный, как дикий кабан.

— Ничтожные! — захрипел он, подойдя к мастерам. — Вы нарушили приказ хана: ваша птица молчит! За эту дерзость вас ждет жестокое наказание!

Мастера промолчали, а женщины, старики и дети, услышав такие слова, заплакали еще громче.

«Эй, плачем тут не поможешь! — сказал сам себе Ярты-гулок. — Чем плакать, не лучше ли проучить гордеца хана! Что-что, а уж это-то я сумею!»

Он утер кулачком слезы и стал быстро карабкаться на шест. Минута — и малыш сидел под крылом чудесной птицы.

Конечно, этого никто не заметил.

— Схватить злодеев! — перекрикивая плачущую толпу, заревел толстый начальник, и стражники, взмахнув кривыми мечами, уже шагнули вперед, но в это время волшебная птица раскрыла свой золоченый клюв и громко сказала:

— Ты сам злодей! Сам злодей! Эти люди достойны награды! Они искусней всех мастеров на свете!

Толпа ахнула. Стражники в испуге попятились, уже не смея приблизиться к мастерам, а начальник стражи так и замер с открытым ртом. Птица же, взмахнув крыльями, повернула к мастерам свою точеную головку и звонко пропела:

Не грустите, мастера.
Во дворец идти пора.
Там для хана я спою
Песню звонкую свою!

Крики радости раздались в толпе:

— О прекрасная птица Биль-Биль-Гое! Ты сжалилась над нами, ты поняла наше горе и запела! Несите же ее скорей во дворец, пусть споет она хану свою волшебную песню и избавит невинных людей от смерти!

И вот мастера, не веря еще своему счастью, подхватили птицу и понесли во дворец. А вслед за ними лавиной хлынул народ.

Злой, словно голодный тигр, хан сидел на своем золоченом троне и кусал свою черную бороду, а визири, стражники, мухобои и палачи стояли перед ним на коленях, не смея дышать от страха. Они с нетерпением ждали, когда примчится гонец и доложит хану, что всем трем мастерам отрубили головы. Но гонец не появлялся. И вдруг, словно море зашумело за стенами дворца. Двери распахнулись и, окруженные стражей, во дворец вступили резчик, рисовальщик и кузнец. Спокойно, как победители, они несли на высоком шесте резную птицу.

«Прочь!» — хотел крикнуть взбешенный хан, но птица расправила крылья, трянула головкой и запела:

Всех мудрее наш хан!
Всех добрее наш хан!

Морщины на лице хана стали разглаживаться. А птица продолжала:

Он мудрее мудрецов,
Он храбрее храбрецов, —
Наш хан — все наш хан!

Хан уже улыбался. Он поглаживал свою смоляную бороду и покачивал головой, внимая песне:

С кем сравню тебя, о хан?
Сын орла и розы — хан!
Солнца брат, отец луны —
Благодетель всей страны!
Хан, ты наш хан!

Так пропела птица, и хан весело рассмеялся.

— Эй, визири! — приказал он царедворцам: — Дать мастерам в награду мешок яичной скорлупы и бесхвостого ишака в придачу. Они неплохо сделали свое дело!

Он был очень доволен своей шуткой. А потом прибавил:

— Сейчас же вынести эту прекрасную птицу на площадь! Пусть весь мой народ услышит, как славит хана волшебница Биль-Биль-Гое!

И вот из дворцовых ворот двинулось шествие. Впереди шел хан в огромной парчовой чалме, а за ним шагали визири в золотых халатах. Они несли на высоком шесте говорящую птицу.

Хан поднялся на устланный коврами помост, взмахнул рукой, и глашатаи-великаны затрубили в длинные медные трубы, призывая народ к тишине и порядку. На площади стало так тихо, что было слышно, как плещется вода в водоемах. И в этой тишине раздался голос хана:

— О волшебная птица Биль-Биль-Гое! Порадуй нас всех своей звонкой песней, прекрасней которой мы еще никогда не слышали. Пой смело, пой только правду и ничего не бойся!

Птица подпрыгнула на шесте, пощелкала клювом, повертела головкой, откашлялась и засвистела на всю площадь:

Всех грознее наш хан!
Всех хитрее наш хан!..

Хан побледнел, но разве мог он при всем народе приказать замолчать волшебной птице, которую только что просил говорить чистую правду и ничего не бояться?

А птица продолжала еще громче:

Он мучитель, он губитель,
Он народа разоритель, —
Наш хан — все наш хан!
Разоритель и злодей,
Ненавистный для людей!
Наш хан, грозный хан!

Услышав такую песню, царедворцы заткнули уши, телохранители выхватили мечи, а хан, вытаращив глаза, завизжал на всю площадь:

— Замолчи!

Настала мертвая тишина, и вдруг, в задних рядах, раздался смех.

— Кто смеется? — захлебываясь от гнева, взревел хан. — Всех казнию, перевешаю, обезглавлю!

— Эй, мой хан, не лопни от злости! — весело прокричала птица, народ откликнулся на ее слова таким громким смехом, что стаи голубей слетели с крыши дворца и заметались над площадьюю.

Разъяренный хан подбежал к птице, ухватился за шест и с размаху ударил ее о помост. Раздался треск, и прекрасная птица разлетелась на тысячу частей.

Никто даже не заметил, как из обломков выскочил маленький человечек. Проворным мышонком он юркнул в щель помоста и исчез.

Грозные телохранители еще разгоняли палками народ, знатные визири, подхватив хана под руки, еще не успели увести его во дворец, а Ярты-гулок был уже далеко. Вприпрыжку бежал он по улицам города и весело напевал дерзкую песенку волшебной птицы Биль-Биль-Гое:

Он мучитель, он губитель,
Он народа разоритель, —
Наш хан — все наш хан!

И в садах за дувалами, в переполненных народом чайханах, в караван-сараях и на базарах — всюду люди подпевали ему:

Разоритель и злодей,
Ненавистный для людей! —
Наш хан, грозный хан!

Размахивая мечами, ханские стражники метались по городу, приказывая людям молчать. Они спешили в один конец, но песня звучала уже на другом краю города. Они мчались обратно, а песня неслась за ними следом.

Можно убить птицу, но разве поймашь песню, когда поет ее весь народ? Из города в город, из аула в аул летит народная песня, и не догнать ее ни быстрому ветру, ни грозному хану.

Беляночка и Розочка

(Пер. с нем. Л. Кон)

В старой, убогой хижине на краю леса жила бедная вдова. Перед хижиной был сад, и в саду росли два куста роз. На одном цвели белые розы, на другом — красные.

У вдовы были две девочки, похожие на эти розы. Одну из них звали Беляночка, а другую — Розочка. Обе они были скромные, добрые и послушные девочки.

Однажды они подружились с медведем, и медведь стал часто приходить к ним в гости.

...Как-то раз мать послала девочек в лес за хворостом. Вдруг они заметили, что в траве, возле большого поваленного дерева, что-то прыгает, но никак не могли разглядеть, что это такое.

Девочки подошли ближе и увидели крошечного человечка со старым, сморщенным лицом, и очень длинной белой бородой. Конец его бороды застрял в щели дерева, и гном прыгал вокруг, как собачка на привязи, не зная, как ему освободиться.

Он вытаращил на девочек свои красные, как раскаленные уголья глаза и закричал:

— Чего вы там стоите? Разве вы не можете подойти и помочь мне?

— Что с тобой случилось, человечек? — спросила Розочка.

— Глупая любопытная гусыня! — ответил гном. — Я хотел расколоть дерево, чтобы нарубить дров для кухни. На толстых поленьях та капелька еды, которая нужна мне, сразу пригорает. Ведь мы не едим столько, сколько вы, грубый, жадный народ! Я уже вогнал клин, и все было бы хорошо, но проклятая деревяшка оказалась слишком гладкой и выскочила. А щель так быстро закрылась, что я не успел вытащить свою прекрасную белую бороду. И вот она застряла тут, и я не могу уйти. А вы еще смеетесь! Фу, какие вы противные.

Девочки старались изо всех сил, но не могли вытащить бороду...

— Я сбегаю, позову людей, — сказала Розочка.

— Ты с ума сошла, овечья голова! — завизжал гном. — Зачем звать еще людей, мне и вас-то двоих слишком много! ...Разве вы не можете придумать ничего лучше?

— Потерпи немножко, — сказала Беляночка, — Я уже придумала, — она вынула из кармана ножницы и обрезала тому кончик бороды...

...Как только гном почувствовал себя свободным, он схватил свой мешок, полный золота, который лежал между корнями дерева, взвалил его на плечи и ушел, бормоча:

— Неотесанный народ! Отрезать кусок такой прекрасной бороды! Ах, чтоб вас!..

Девочки шли лугом. Вдруг они увидели большую птицу, которая медленно кружила над ними в воздухе, опускаясь, все ниже и ниже. Наконец она опустилась недалеко от них, возле огромного камня. Вслед за тем девочки услышали пронзительный жалобный крик. Они подбежали и с ужасом увидели, что орел схватил их старого знакомого — гнома — и хочет унести его.

Добрые девочки сейчас же ухватились за человечка и до тех пор боролись с орлом, пока тот не бросил свою добычу.

Когда гном немножечко оправился от испуга, он закричал своим скрипучим голосом:

— Разве вы не могли бережнее обращаться со мной? Вы так изорвали мой костюмчик, что он теперь весь в дырах и лохмотьях. Ах вы неуклюжие, грубые девчонки!

Потом он взял мешок с драгоценными камнями и потащил его под скалу, в свое подземелье. Девочки продолжали свой путь... Они встретились еще раз с гномом, он был очень зол на девочек. Он собирался еще бранить девочек, но в это время раздалось громкое рычание и из лесу выбежал черный медведь. Испуганный гном вскочил, но ему не удалось пробраться к своему убежищу, медведь был уже близко. Тогда гном завопил, дрожа от страха:

— Милый господин медведь, пощадите меня! Я отдам вам все мои сокровища! Взгляните, что это за прекрасные камни! Подарите мне жизнь! На что вам нужен такой маленький, щупленький человечек? Вы даже не почувствуете меня на зубах. Возьмите лучше этих бессовестных девчонок — это лакомый кусочек для вас. Скушайте их на доброе здоровье!

Но медведь не обратил на его слова никакого внимания. Он ударил лапой это злое существо и убил его.

Девочки бросились бежать, но медведь крикнул им:

— Беляночка, Розочка! Не бойтесь, подождите, я пойду с вами!

Тут они узнали голос своего старого приятеля и остановились. Когда же медведь поравнялся с ними, толстая медвежья шкура вдруг свалилась с него, и они увидели перед собой прекрасного юношу, с ног до головы одетого в золото.

— Я королевич, — сказал юноша. — Этот злой карлик похитил мои сокровища, а меня самого превратил в медведя. Диким зверем должен я был скитаться по

лесным дебрям до тех пор, пока его смерть не освободит меня. И вот, наконец, он наказан поделом, а я опять стал человеком. Но я никогда не забуду, как вы пожалели меня, когда я был еще в звериной шкуре. Больше мы с вами не расстанемся. Пусть Беляночка станет моей женой, а Розочка — женой моего брата.

Так и случилось. Когда пришло время, королевич женился на Беляночке, а его брат — на Розочке. Драгоценные сокровища, унесенные карликом в подземные пещеры, снова засверкали на солнце.

Добрая вдова еще долгие годы жила у своих дочерей спокойно и счастливо.

Оба розовых куста она взяла с собою. Они росли под ее окном. И каждый год расцветали на них чудесные розы — белые и красные.

САМЫЙ КРАСИВЫЙ НАРЯД НА СВЕТЕ

(Пер. с япон. В. Марковой)

В старину, далекую старину, были у ворона перья белые-белые. Захотелось ему принарядиться. Вот и полетел ворон к сове.

В те времена сова была красильщицей. Она красила всем птицам платья, в какой только цвет они пожелают: красный, синий, бирюзовый, желтый... От зазачиков отбоя не было.

— Госпожа сова! Госпожа сова! Выкр-р-рась мой наряд в самый кр-р-расивый цвет. Я хочу весь свет поразить своей кр-р-расотой.

— У-гу, у-гу, могу! — согласилась сова. — Хочешь голубое платье, как у цапли? Хочешь узорчатый наряд, как у сокола? Хочешь пестрый, как у дятла?

— Нет, выбери для меня цвет совсем невиданный, чтобы другого такого наряда ни у одной птицы не было!

Страхнул с себя ворон свое белое оперенье, а сам улетел.

Думала-думала сова, какой цвет самый невиданный, и выкрасила перья ворона в черный-черный цвет, чернее туши.

Прилетел ворон и спрашивает:

— Хор-р-рош ли нар-р-ряд у меня получился?

Надел он свое новое платье и давай в зеркало глядеться. Посмотрел, да так и ахнул! С головы и до самого хвоста стал он черным-черным, и не разберешь даже, где глаза, где нос.

— В какой это цвет ты мои перья выкр-р-расила, р-разбойница?! — завопил ворон.

Стала сова оправдываться:

— Ты же сам хотел, чтобы я выкрасила твой наряд в небывалый цвет.

— погоди же, поймаю тебя — р-разорву в клочья! Теперь мы вр-раги навсегда! — злобно закаркал ворон.

С той поры как увидит он сову, так и бросается на нее.

Вот почему сова днем прячется в дупле. Не показывается она на свет, пока ворон летает.

КОТ В САПОГАХ

(Из сказок Ш. Перро)

Было у мельника три сына, и оставил он им, умирая, всего только мельницу, осла и kota.

Братья поделили между собой отцовское добро без нотариуса и судьи, которые бы живо проглотили все их небогатое наследство. Старшему досталась мельница. Среднему — осел. Ну а уж младшему пришлось взять себе kota.

Бедняга долго не мог утешиться, получив такую жалкую долю наследства.

— Братья, — говорил он, — могут честно заработать себе на хлеб. А что станет со мною после того, как я съем своего kota и сделаю из его шкурки муфту? Прямо хоть помирай с голоду.

Кот слышал эти слова, но и виду не подал, а сказал спокойно и рассудительно:

— Не печальтесь, хозяин. Дайте-ка мне мешок да закажите пару сапог, чтобы было легче бродить по лесу, и вы увидите, что вас не так уж обделили, как вам это сейчас кажется.

Хозяин kota и сам не знал, верить этому или нет, но он хорошо помнил, на какие хитрости пускался этот плут, когда охотился на крыс и мышей, как ловко он прикидывался мертвым, то повиснув на задних лапах, то зарывшись чуть ли не с головой в муку. Кто его знает, а вдруг и в самом деле он чем-нибудь поможет в беде!

Едва только кот получил все, что ему было надобно, он живо обулся, молодецки притопнул, перекинул через плечо мешок и, придерживая его за шнурки передними лапами, зашагал в заповедный лес, где водилось множество кроликов. А в мешке у него были отруби и заячья капуста.

Растянувшись на траве и притворившись мертвым, он стал поджидать, когда какой-нибудь глупый кролик, еще не успевший испытать на собственной шкуре, как зол и коварен свет, заберется в мешок, чтобы полакомиться припасенным для него угощением.

Долго ждать ему не пришлось: какой-то молоденький доверчивый простачок-кролик сразу же прыгнул в мешок.

Недолго думая кот затянул шнурки и покончил с кроликом безо всякого милосердия.

После этого, гордый своей добычей, он отправился прямо во дворец и попросил приема у короля.

Его ввели в королевские покои.

Он отвесил его величеству почтительный поклон и сказал:

— Государь, вот кролик из лесов маркиза де Карабаса (такое имя выдумал он для своего хозяина). Мой господин приказал мне преподнести вам этот скромный подарок.

— Поблагодари своего господина, — ответил король, — и скажи ему, что он доставил мне большое удовольствие.

Несколько дней спустя кот пошел на поле и там, спрятавшись среди колосьев, опять открыл свой мешок.

На этот раз к нему в ловушку попались две куропатки. Он живо затянул шнурки и понес обеих к королю.

Король охотно принял и этот подарок и приказал наградить kota.

Так прошло два или три месяца. Кот то и дело приносил королю дичь, будто бы убитую на охоте его хозяином, маркизом де Карабасом.

И вот как-то раз кот узнал, что король вместе со своей дочкой, самой прекрасной принцессой на свете, собирается совершить прогулку в карете по берегу реки.

— Согласны вы послушаться моего совета? — спросил он своего хозяина. — В таком случае счастье у вас в руках. Все, что от вас требуется, — это пойти купаться на реку, туда, куда я вам укажу. Остальное предоставьте мне.

Маркиз де Карабас послушно исполнил все, что посоветовал ему кот, хоть он вовсе и не догадывался, для чего это нужно.

В то время как он купался, королевская карета выехала на берег реки.

Кот со всех ног бросился к ней и закричал что было мочи:

— Сюда, сюда! Помогите! Маркиз де Карабас тонет!

Король услышал этот крик, приоткрыл дверцу кареты и, узнав kota, который столько раз приносил ему в подарок дичь, сейчас же послал свою стражу выручать маркиза де Карабаса.

Пока бедного маркиза вытаскивали из воды, кот успел рассказать королю, что у его господина во время купанья воры украли все до нитки. (А на самом деле хитрец собственными лапами припрятал хозяйское платье под большим камнем.)

Король немедленно приказал своим придворным доставить для маркиза де Карабаса один из лучших нарядов королевского гардероба.

Наряд оказался и в пору и к лицу, а так как маркиз и без того был малый хоть куда — красивый и статный, — то, приодевшись, он, конечно, стал еще лучше, и принцесса, поглядев на него, нашла, что он как раз в ее вкусе.

Когда же маркиз де Карабас бросил в сторону королевской дочки два-три взгляда, весьма почтительных, но в то же время очень нежных, она влюбилась в него без памяти.

Отцу ее молодой маркиз тоже пришелся по сердцу. Король был с ним очень ласков и даже пригласил сесть в карету и принять участие в прогулке.

Кот был в восторге от того, что все идет как по маслу, и весело побежал перед каретой. По пути он увидел крестьян, косивших на лугу сено.

— Эй, люди добрые, — крикнул он на бегу, — если вы не скажете королю, что этот луг принадлежит маркизу де Карабасу, вас всех изрубят в куски, словно начинку для пирога! Так и знайте.

Тут как раз подъехала королевская карета, и король спросил, выглянув из окна:

— Чей это луг вы косите?
— Маркиза де Карабаса! — в один голос отвечали косцы, потому что кот до смерти напугал их своими угрозами.

— Однако, маркиз, у вас тут славное имя! — сказал король.

— Да, государь, этот луг каждый год дает отличное сено, — скромно ответил маркиз.

А между тем кот бежал все вперед и вперед, пока не увидел по дороге жнецов, работающих на поле.

— Эй, люди добрые, — крикнул он, — если вы не скажете королю, что все эти хлеба принадлежат маркизу де Карабасу, так и знайте: всех вас изрубят в куски, словно начинку для пирога!

Через минуту к жнецам подъехал король и захотел узнать, чьи поля они жнут.

— Поля маркиза де Карабаса, — был ответ.

И король опять поразился за господина маркиза.

А кот все бежал и бежал впереди кареты и всем, кто попадался ему навстречу, приказывал говорить одно и то же: «Это дом маркиза де Карабаса», «это мельница маркиза де Карабаса», «это сад маркиза де Карабаса».

Король не мог надивиться богатствам молодого маркиза.

И вот наконец кот прибежал к воротам прекрасного замка. Тут жил один очень богатый великан-людоед. Никто на свете никогда не видел великана богаче этого. Все земли, по которым проехала королевская карета, были в его владении.

Кот заранее разузнал, что это был за великан, в чем его сила, и попросил допустить его к хозяину. Он, дескать, не может и не хочет пройти мимо, не засвидетельствовав своего почтения.

Людоед принял его со всей учтивостью, на какую способен людоед, и предложил отдохнуть.

— Меня уверяли, — сказал кот, — что вы умеете превращаться в любого зверя. Ну, например, вы будто бы можете превратиться в льва или слона...

— Могу! — рявкнул великан. — И, чтобы доказать это, сейчас же сделаюсь львом! Смотри!

Кот до того испугался, увидев перед собой льва, что в одно мгновение взобрался по водосточной трубе на крышу, хотя это было трудно и даже опасно, потому что в сапогах не так-то просто ходить по гладкой черепице.

Только когда великан опять принял свой прежний облик, кот спустился с крыши и признался хозяину, что едва не умер со страху.

— А еще меня уверяли, — сказал он, — но уж этому-то я никак не могу поверить, — что вы будто бы умеете превращаться даже в самых мелких животных. Ну, например, сделаться крысой или мышкой. Должен сказать по правде, что считаю это совершенно невозможным.

— Ах, вот как! Невозможным? — переспросил великан. — А ну-ка, погляди!

И в то же мгновение великан превратился в мышку. Мышка проворно забегала по полу, но кот — на то ведь он и кот! — погнался за ней, разом поймал и проглотил.

Тем временем король, проезжая мимо, заметил прекрасный замок и пожелал войти туда.

Кот услышал, как гремят на подъемном мосту колеса королевской кареты, и, выбежав навстречу, сказал королю:

— Добро пожаловать в замок маркиза де Карабаса, ваше величество! Милости просим!

— Как, господин маркиз?! — воскликнул король. — Этот замок тоже ваш? Нельзя себе представить ничего красивее, чем этот двор и постройки вокруг. Да это прямо дворец! Давайте же посмотрим, каков он внутри, если вы не возражаете.

Маркиз подал руку прекрасной принцессе и повел ее вслед за королем, который, как полагается, шел впереди.

Все втроем они вошли в большую залу, где был приготовлен великолепный ужин. Как раз в этот день людоед пригласил к себе друзей, но они не посмели явиться, узнав, что в замке гостит король.

Король был очарован достоинствами господина де Карабаса почти так же, как его дочка. А та была от маркиза просто без ума.

Кроме того, его величество не мог, конечно, не оценить прекрасных владений маркиза и, осушив пять-шесть кубков, сказал:

— Если хотите стать моим зятем, господин маркиз, это зависит только от вас. А я — согласен.

Маркиз почтительным поклоном поблагодарил короля за честь, оказанную ему, и в тот же день женился на принцессе.

А кот стал знатным вельможей и с тех пор охотился на мышку только изредка — для собственного удовольствия.



Поэзия

А. ПУШКИН

«Зима!.. Крестьянин, торжествуя...»

(Из романа «Евгений Онегин»)

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж отморозил пальчик:
Ему и больно, и смешно,
А мать грозит ему в окно...

Птичка

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

М. ЛЕРМОНТОВ

«Горные вершины...»

(Из Гёте)

Горные вершины
Спят во тьме ночной:
Тихие долины
Полны свежей мглой:

Не пылит дорога.
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

В. ЖУКОВСКИЙ

Жаворонок

(В сокр.)

На солнце темный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поет, на солнышке сверкая:
— Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны!

Ф. ТЮТЧЕВ

Весенние воды

Еще в полях белеет снег.
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет.
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!

А. ФЕТ

«Уж верба вся пушистая...»

(Отрывок)

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей тучки носятся,
Тепло озарены.
И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразную
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздной
Народ. Чему-то рад...

С. ЕСЕНИН

Пороша

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу.
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна.
Словно белою косынкой,
Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

А. БЛОК

На лугу

Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,

И детские звонче
Над лугом голоса.
Весна идет сторонкой,
Да где ж она сама?

Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...

С. ВОЛОШИН

Осенью

Рдяны краски,
Воздух чист;
Вьется в пляске
Красный лист, —
Это осень,
Далей просинь,
Гулы сосен,
Веток свист.

Ветер клонит
Ряд раки,
Листья гонит
И вихрит
Вихрей рати,
И на скате
Перекасти-
Поле мчит.
Воды мутит,
Гонит гам,
Рыщет, крутит
Здесь и там —

По нагорьям,
Плоскогорьям,
Лукоморьям
И морям.

Заверть пыли
Чрез поля
Вихри взвили,
Пепеля;
Чьи-то руки
Напружили,
Точно луки,
Тополя.

В море прынет —
Вир встает,
Воды стянет,
Загудёт,
Рвет на части
Лодок снасти,
Дышит в пасти
Пенных вод.

Ввысь, в червлёный
Солнца диск —
Миллионы
Алых брызг!
Гребней взвивы,
Струй отливов,
Коней гривы,
Пены взвизг...

С. ГОРОДЕЦКИЙ

Первый снег

Месяц с Солнцем стал считаться,
Кому раньше подниматься,
Раз-два-три-четыре-пять,
Вышел ветер полетать.

Напустил он птиц крылатых,
Облак серых и лохматых.
Запустило небосвод,
Днем и ночью снег идет.

А меж облак, под оконцем,
Плачут горько Месяц с Солнцем:
Раз-два-три-четыре-пять,
Кому тучи разгонять?

Весенняя песенка

Выпал вешний денек,
На бугре солнцепек.
Собирайся, собирайся, народ,
В хоровод!

Станем кругом ходить
Да весну веселить,
Хоровод заведем,
Запоем:

Здравствуй, здравствуй, весна!
Прилетела весна
Впопыхах.
Разносила красу,
Зеленила в лесу,
На полях.

Ах ты, елочка-ель,
Ах, сосна, ты, сосна,
Не одни вы теперь зелены
У весны!

Вешний воздух, как хмель,
И пьянит, веселит,
И зовет
В хоровод.

Будем кругом идти,
Ты, весна, залети
В тесный круг.
Улыбнись, озари

И цветами весь луг
Убери!

Ю. ВЛАДИМИРОВ

Оркестр

Папа и мама ушли к дяде Косте,
У Саши и Вали — гости.
И придумали Саша с сестрою:
— Давайте устроим
Оркестр.
И устроили:
Валя — на рояле,
Юля — на кастрюле,
Лешка — на ложках,
Саша — на трубе, —
Представьте себе?
Кошка — в окошко,
Кот — под комод,
Дог — со всех ног
На порог
И на улицу.
И по всем по этажам —
Страшный шум, страшный гам.
Кричат во втором:
— Рушится дом!
Провалился этаж!
Схватили саквояж,
Лампу, сервиз,
И — вниз.

А в парадном говорят:
— Без сомнения —
Наводнение.
Захватили сундуки
И — на чердаки.
А на улице, где дом,
Разгром:
Очень страшно, очень жутко,
Своротила лошадь будку.
Страшный шум, страшный крик —
В лавку въехал грузовик...

Прибегает управдом:
— Почему такой содом?
Где пожар, где обвал?! —
И оркестр увидел:
Валя — на рояле,
Юля — на кастрюле,
Лешка — на ложках,
Саша — на трубе, —
Представьте себе?

А дворник дал
Пожарный сигнал,
И по этому сигналу
Часть тотчас же прискакала:
— Где горит? Что горит?
Управдом говорит:
— Нет пожара здесь, поверьте, —
Все несчастье тут — в концерте.
Папа и мама на улице Лассалья
И то — услышали:
— Что за шум, что за гром?
Ах, несчастье дома!
Побежали так, что папа
Потерял платок и шляпу.
Папа с мамой прибегают,
Папе дети говорят:
— Тише, здесь оркестр играет!
Ну-ка, вместе, дружно в лад:
Валя — на рояле,
Юля — на кастрюле,
Лешка — на ложках,
Саша — на трубе, —
Представьте себе?

Г. САПГИР

Считалки, скороговорки

Подогрела
Чайка
Чайник,
Пригласила

Девять
Чаяк:
— Приходите
Все на чай! —
Сколько Чаек?
Отвечай!

Барабан,
Труба
И бубен.
Бык,
Баран
И белый пудель —
Что играют,
Не пойму:
— Гав!
— Бе!
— Му!

Дятел, дятел —
Мой приятель
Дуб долбит,
Как долотом,
Помоги мне,
Дядя дятел,
Для
Скворцов
Построить
Дом.

За поселком
У проселка
В поле пела
Перепелка.
Перепел
Прилетел,
Перепелку
Перепел.

— Что везешь,
Автомашина?
— Все, что есть
На букву «А».
Вот
Арбузы,
Апельсины,
Абрикосы
И Айва!

П. СОЛОВЬЕВА

Ночь и день

Ночь зимой — как черный кот,
День — как серенькая мышь,
Но весна, весна идет,
Ярко, звонко каплет с крыш.

Уж морозу не сдержать
Шумной радости ручьев,
Стали птицы прилетать,
Звонче щебет воробьев.

Исчезает тьма и мышь,
И теперь наоборот:
Ночь — как серенькая мышь,
День — большой, блестящий кот.

Э. УСПЕНСКИЙ

Страшная история

Мальчик стричься не желает,
Мальчик с кресла уползает,
Кричит и заливается,
Ногами упирается.

Он в мужском и женском зале
Весь паркет слезами залил.
Парикмахерша устала
И мальчишку стричь не стала...
А волосы растут.

Год прошел,
Другой проходит...
Мальчик стричься не приходит.
А волосы растут.

А волосы растут,
Отрастают,
Отрастают,
Их в косички заплетают...
— Ну и сын, — сказала мать. —
Надо платье покупать.
Мальчик в платице гулял,
Мальчик девочкою стал.
И теперь он с мамой ходит
Завиваться в женский зал.

Память

Я не зря себя хвалю,
Всем и всюду говорю,
Что любое предложенье
Прямо сразу повторю.
ПОВТОРИ!

«Ехал Ваня на коне,
Вел собачку на ремне,
А старушка в это время
Мыла кактус не окне».
ПОВТОРИ!
— Ехал Ваня на коне,
Вел собачку на ремне,
Ну, а кактус в это время
Мыл старушку на окне...
ПОВТОРИ!
— Ехал кактус на окне,
Вел старушку на ремне,
А собачка в это время
Мыла Ваню на коне...
ПОВТОРИ!

Знаю я, что говорю.
Говорил, что повторю,
Вот и вышло без ошибок.
А чего хвалиться зрю?
ПОВТОРИ!

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

На реке

Вот посмотрите-ка, какое представленье!
Каждый удивляется, кто близко подойдет!
Двадцать три разбойника в это воскресенье
Сделали на речку разбойничий налет.

Атаман Ванюшка с Николашкой вместе
В лодку залезли, поехали на юг.
Только отъехали, а лодка ни с места:
Ребята прицепились, ехать не дают.

Батюшки! Матушки! Громче паровоза
Воет какой-то ужасный зверь!
Это Парамошка выкупал Барбоса:
— Будешь ты, Барбоска, чистенький теперь.

Разбойники на солнышке лежат — загорают,
Разбойники по мячику ладошками бьют,
А солнечные зайчики на мячике играют
И белые кораблики по речке плывут!

Проза

А. КУПРИН

Слон

I

Маленькая девочка нездорова. Каждый день к ней ходит доктор Михаил Петрович, которого она знает уже давным-давно. А иногда он приводит с собою еще двух докторов, незнакомых. Они переворачивают девочку на спину и на живот, слушают что-то, приложив ухо к телу, оттягивают вниз нижнее веко и смотрят. При этом они как-то важно посапывают, лица у них строгие, и говорят они между собою на непонятном языке.

Потом переходят из детской в гостиную, где их дожидается мама. Самый главный доктор — высокий, седой, в золотых очках — рассказывает ей о чем-то серьезно и долго. Дверь не закрыта, и девочке с ее кровати все видно и слышно. Многого она не понимает, но знает, что речь идет о ней. Мама глядит на доктора большими, усталыми, заплаканными глазами. Прощаясь, главный доктор говорит громко:

— Главное, — не давайте ей скучать. Исполняйте все ее капризы.

— Ах, доктор, но она ничего не хочет!

— Ну, не знаю... вспомните, что ей нравилось раньше, до болезни. Игрушки... какие-нибудь лакомства...

— Нет, нет, доктор, она ничего не хочет...

— Ну, постарайтесь ее как-нибудь развлечь... Ну, хоть чем-нибудь... Даю вам честное слово, что если вам удастся ее рассмешить, развеселить, — то это будет лучшим лекарством. Поймите же, что ваша дочка больна равнодушием к жизни, и больше ничем. До свидания, сударыня!

II

— Милая Надя, милая моя девочка, — говорит мама, — не хочется ли тебе чего-нибудь?

— Нет, мама, ничего не хочется.

— Хочешь, я посажу к тебе на постельку всех твоих кукол. Мы поставим креслица, диван, столик и чайный прибор. Куклы будут пить чай и разговаривать о погоде и о здоровье своих детей.

— Спасибо, мама... Мне не хочется... Мне скучно...

— Ну, хорошо, моя девочка, не надо кукол. А может быть, позвать к тебе Катю или Женечку? Ты ведь их так любишь.

— Не надо, мама. Правда же, не надо. Я ничего, ничего не хочу. Мне так скучно!

— Хочешь, я тебе принесу шоколаду?

Но девочка не отвечает и смотрит в потолок неподвижными, невеселыми глазами. У нее ничего не болит, и даже нет жару. Но она худеет и слабеет с каждым днем. Что бы с ней ни делали, ей все равно, и ничего ей не нужно. Так лежит она целые дни и целые ночи, тихая, печальная. Иногда она задремлет на полчаса, но и во сне ей видится что-то серое, длинное, скучное, как осенний дождик.

Когда из детской отворена дверь в гостиную, а из гостиной дальше — в кабинет, то девочка видит папу. Папа ходит быстро из угла в угол и все курит, курит. Иногда он приходит в детскую, садится на край постельки и тихо поглаживает Надины ноги. Потом вдруг встает и отходит к окну. Он что-то насвистывает, глядя на улицу, но плечи у него трясутся. Затем он торопливо прикладывает платок к одному глазу, к другому и, точно рассердясь, уходит к себе в кабинет. Потом он опять бегаёт из угла в угол и все курит, курит, курит... И кабинет от табачного дыма делается весь синий.

III

Но однажды утром девочка просыпается немного бодрее, чем всегда. Она что-то видела во сне, но никак не может вспомнить, что именно, и смотрит долго и внимательно в глаза матери.

— Тебе что-нибудь нужно? — спрашивает мама.

Но девочка вдруг вспоминает свой сон и говорит шепотом, точно по секрету:

— Мама... а можно мне... слона? Только не того, который нарисован на картинке... Можно?

— Конечно, моя девочка, конечно, можно.

Она идет в кабинет и говорит папе, что девочка хочет слона. Папа тотчас же надевает пальто и шляпу и куда-то уезжает. Через полчаса он возвращается с дорогой, красивой игрушкой. Это большой серый слон, который сам качает головою и машет хвостом; на слоне красное седло, а на седле золотая палатка и в ней сидят трое маленьких человечков. Но девочка глядит на игрушку так же равнодушно, как на потолок и на стены, и говорит вяло:

— Нет. Это совсем не то. Я хотела настоящего, живого слона, а этот мертвый.

— Ты погляди только, Надя, — говорит папа. — Мы его сейчас заведем, и он будет совсем, совсем как живой.

Слона заводят ключиком, и он, покачивая головой и помахивая хвостом, начинает переступать ногами и медленно идет по столу. Девочке это совсем не интересно и даже скучно, но, чтобы не огорчить отца, она шепчет кротко:

— Я тебя очень, очень благодарю, милый папа. Я думаю, ни у кого нет такой интересной игрушки... Только... помнишь... ведь ты давно обещал свозить меня в зверинец посмотреть на настоящего слона... И ни разу не повез...

— Но, послушай же, милая моя девочка, пойми, что это невозможно. Слон очень большой, он до потолка, он не поместится в наших комнатах... И потом, где я его достану?

— Папа, да мне не нужно такого большого... Ты мне привези хоть маленького, только живого. Ну, хоть вот-вот такого... Хоть слоненюшка.

— Милая девочка, я рад все для тебя сделать, но этого я не могу. Ведь это все равно как если бы ты вдруг мне сказала: папа, достань мне с неба солнце.

Девочка грустно улыбается.

— Какой ты глупый, папа. Разве я не знаю, что солнце нельзя достать, потому что оно жжется. И луну тоже нельзя. Нет, мне бы слоника... настоящего.

И она тихо закрывает глаза и шепчет:

— Я устала... Извини меня, папа...

Папа хватает себя за волосы и убегает в кабинет. Там он некоторое время мелькает из угла в угол. Потом решительно бросает на пол недокуренную папиросу (за что ему всегда достается от мамы) и кричит горничной:

— Ольга! Пальто и шляпу!

В переднюю выходит жена.

— Ты куда, Саша? - спрашивает она.

Он тяжело дышит, застегивая пуговицы пальто.

— Я сам, Машенька, не знаю куда... только, кажется, я сегодня к вечеру и в самом деле приведу сюда, к нам, настоящего слона.

Жена смотрит на него тревожно.

— Милый, здоров ли ты? Не болит ли у тебя голова? Может быть, ты плохо спал сегодня?

— Я совсем не спал, — отвечает он сердито. — Я вижу, ты хочешь спросить, не сошел ли я с ума? Покамест нет еще. До свиданья! Вечером все будет видно.

И он исчезает, громко хлопнув входной дверью.

IV

Через два часа он сидит в зверинце, в первом ряду, и смотрит, как ученые звери по приказанию хозяина выделывают разные штуки. Умные собаки прыгают, кувыркаются, танцуют, поют под музыку, складывают слова из больших картонных букв. Обезьянки — одни в красных юбках, другие в синих штанишках — ходят по канату и ездят верхом на большом пуделе. Огромные рыжие львы скачут сквозь горящие обручи. Неуклюжий тюлень стреляет из пистолета. Под конец выводят слонов. Их три: один большой, два совсем маленькие, карлики, но все-таки ростом куда больше, чем лошадь. Странно смотреть, как эти громадные животные, на вид такие неповоротливые и тяжелые, исполняют самые трудные фокусы, которые не

под силу и очень ловкому человеку. Особенно отличается самый большой слон. Он становится сначала на задние лапы, садится, становится на голову, ногами вверх, ходит по деревянным бутылкам, ходит по катящейся бочке, переворачивает хоботом страницы большой картонной книги и, наконец, садится за стол и, повязавшись салфеткой, обедает, совсем как благовоспитанный мальчик.

Представление оканчивается. Зрители расходятся. Надин отец подходит к толстому немцу, хозяину зверинца. Хозяин стоит за дощатой перегородкой и держит во рту большую черную сигару.

— Извините, пожалуйста, — говорит Надин отец. — Не можете ли вы отпустить вашего слона ко мне домой на некоторое время?

Немец от удивления широко открывает глаза и даже рот, отчего сигара падает на землю. Он, кряхтя, нагибается, подымает сигару, вставляет ее опять в рот и только тогда произносит:

— Отпустить? Слона? Домой? Я вас не понимаю.

По глазам немца видно, что он тоже хочет спросить, не болит ли у Надино-го отца голова... Но отец поспешно объясняет, в чем дело: его единственная дочь, Надя, больна какой-то странной болезнью, которой даже доктора не понимают, как следует. Она лежит уж месяц в кровати, худеет, слабеет с каждым днем, ничем не интересуется, скучает и потихоньку гаснет. Доктора велят ее развлекать, но ей ничто не нравится; велят исполнять все ее желания, но у нее нет никаких желаний. Сегодня она захотела видеть живого слона. Неужели это невозможно сделать?

И он добавляет дрожащим голосом, взявши немца за пуговицу пальто:

— Ну вот... Я, конечно, надеюсь, что моя девочка выздоровеет. Но... но... а вдруг ее болезнь окончится плохо... вдруг девочка умрет?... Подумайте только: ведь меня всю жизнь будет мучить мысль, что я не исполнил ее последнего желания!..

Немец хмурится и в раздумье чешет мизинцем левую бровь. Наконец он спрашивает:

— Гм... А сколько вашей девочке лет?

— Шесть.

— Гм... Моей Лизе тоже шесть. ... Но, знаете, вам это будет дорого стоить. Придется привести слона ночью и только на следующую ночь увести обратно. Днем нельзя. Соберется публикum, и сделается один скандал... Таким образом, выходит, что я теряю целый день, и вы мне должны возвратить убыток.

— О, конечно, конечно... не беспокойтесь об этом...

— Потом: позволит ли полиция водить один слон в один дом?

— Я это устрою. Позволит.

— Еще один вопрос: позволит ли хозяин вашего дома вводить в свой дом один слон?

— Позволит. Я сам хозяин этого дома.

— Ага! Это еще лучше. И потом еще один вопрос, в котором этаже вы живете?

— Во втором.

— Гм... Это уже не так хорошо... Имеете ли вы в своем доме широкую лестницу, высокий потолок, большую комнату, широкие двери и очень крепкий пол? Потому что мой Томми имеет высоту три аршина и четыре вершка, а в длину пять с половиной аршин. Кроме того, он весит сто двенадцать пудов.

Надин отец задумывается на минуту.

— Знаете ли, что? — говорит он. — Поедем сейчас ко мне и рассмотрим все на месте. Если надо, я прикажу расширить проход в стенах.

— Очень хорошо! — соглашается хозяин зверинца.

V

Ночью слона ведут в гости к больной девочке.

В белой попоне он важно шагает по самой середине улицы, покачивает головой и то свивает, то развивает хобот. Вокруг него, несмотря на поздний час, большая толпа. Но слон не обращает на нее внимания: он каждый день видит сотни людей в зверинце. Только один раз он немного рассердился.

Какой-то уличный мальчишка подбежал к нему под самые ноги и начал кривляться на потеху зевакам.

Тогда слон спокойно снял с него хоботом шляпу и перекинул ее через соседний забор, утыканный гвоздями.

Городовой идет среди толпы и уговаривает ее:

— Господа, прошу разойтись. И что вы тут находите такого необыкновенного? Удивляюсь! Точно не видали никогда живого слона на улице.

Подходят к дому. На лестнице, так же, как и по всему пути слона, до самой столовой, все двери растворены настежь, для чего приходилось отбивать молотком дверные щеколды.

Но перед лестницей слон останавливается и в беспокойстве упрямится.

— Надо дать ему какое-нибудь лакомство... — говорит немец. Какой-нибудь сладкий булка или что... Но... Томми!.. Ого-го!.. Томми!

Надин отец бежит в соседнюю булочную и покупает большой круглый фисташковый торт. Слон обнаруживает желание проглотить его целиком вместе с картонной коробкой, но немец дает ему всего четверть. Торт приходится по вкусу Томми, и он протягивает хобот за вторым ломтем. Однако немец оказывается хитрее. Держа в руке лакомство, он подымается вверх со ступеньки на ступеньку, и слон с вытянутым хоботом, с растопыренными ушами поневоле следует за ним. На площадке Томми получает второй кусок.

Таким образом, его приводят в столовую, откуда заранее вынесена вся мебель, а пол густо застлан соломой... Слона привязывают за ногу к кольцу, ввинченному в пол. Кладут перед ним свежей моркови, капусты и репы. Немец располагается рядом, на диване. Тушат огни, и все ложатся спать.

VI

На другой день девочка просыпается чуть свет и прежде всего, спрашивает:

— А что же слон? Он пришел?

— Пришел, — отвечает мама, — но только он велел, чтобы Надя сначала умылась, а потом съела яйцо всмятку и выпила горячего молока.

— А он добрый?

— Он добрый. Кушай, девочка. Сейчас мы пойдем к нему.

— А он смешной?

— Немножко. Надень теплую кофточку.

Яйцо быстро съедено, молоко выпито. Надю сажают в ту самую колясочку, в которой она ездила, когда была еще такой маленькой, что совсем не умела ходить. И везут в столовую.

Слон оказывается гораздо больше, чем думала Надя, когда разглядывала его на картинке. Ростом он только чуть-чуть пониже двери, а в длину занимает половину столовой. Кожа на нем грубая, в тяжелых складках. Ноги толстые, как столбы. Длинный хвост с чем-то вроде помела на конце. Голова в больших шишках. Уши большие, как лопухи, и висят вниз. Глаза совсем крошечные, но умные и добрые. Клыки обрезаны. Хобот — точно длинная змея и оканчивается двумя ноздрями, а между ними подвижной, гибкий палец. Если бы слон вытянул хобот во всю длину, то наверно достал бы он им до окна.

Девочка вовсе не испугана. Она только немножко поражена громадной величиной животного. Зато нянька, шестнадцатилетняя Поля, начинает визжать от страха.

Хозяин слона, немец, подходит к колясочке и говорит:

— Доброго утра, барышня. Пожалуйста, не бойтесь. Томми очень добрый и любит детей.

Девочка протягивает немцу свою маленькую бледную ручку.

— Здравствуйте, как вы поживаете? — отвечает она. — Я вовсе ни капельки не боюсь. А как его зовут?

— Томми.

— Здравствуйте, Томми, — произносит девочка и кланяется головой. Оттого, что слон такой большой, она не решается говорить ему на «ты». — Как вы спали эту ночь?

Она и ему протягивает руку. Слон осторожно берет и пожимает ее тоненькие пальчики своим подвижным сильным пальцем и делает это гораздо нежнее, чем доктор Михаил Петрович. При этом слон качает головой, а его маленькие глаза совсем сузились, точно смеются.

— Ведь он все понимает? — спрашивает девочка немца.

— О, решительно все, барышня!

— Но только он не говорит?

— Да, вот только не говорит. У меня, знаете, есть тоже одна дочка, такая же маленькая, как и вы. Ее зовут Лиза. Томми с ней большой, очень большой приятель.

— А вы, Томми, уже пили чай? — спрашивает девочка слона.

Слон опять вытягивает хобот и дует в самое лицо девочки теплым сильным дыханием, отчего легкие волосы на голове девочки разлетаются во все стороны.

Надя хохочет и хлопает в ладоши. Немец густо смеется.

Он сам такой большой, толстый и добродушный, как слон, и Наде кажется, что они оба похожи друг на друга. Может быть, они родня?

— Нет, он не пил чаю, барышня. Но он с удовольствием пьет сахарную воду. Также он очень любит булки.

Приносят поднос с булками. Девочка угощает слона. Он ловко захватывает булку своим пальцем и, согнув хобот кольцом, прячет ее куда-то вниз под голову, где у него движется смешная, треугольная, мохнатая нижняя губа. Слышно, как булка шуршит о сухую кожу. То же самое Томми проделывает с другой булкой, и с третьей, и с четвертой, и с пятой и в знак благодарности кивает головой, и его маленькие глазки еще больше суживаются от удовольствия. А девочка радостно хохочет.

Когда все булки съедены, Надя знакомит слона со своими куклами:

— Посмотрите, Томми, вот эта нарядная кукла — это Соня. Она очень добрый ребенок, но немножко капризна и не хочет есть суп. А это Наташа, Сонина дочь. Она уже начинает учиться и знает почти все буквы. А вот это — Матрешка. Это моя самая первая кукла. Видите, у нее нет носа, и голова приклеена, и нет больше волос. Но все-таки нельзя же выгонять из дому старушку. Правда, Томми? Она раньше была Сониной матерью, а теперь служит у нас кухаркой. Ну, так давайте играть, Томми: вы будете папой, а я мамой, а это будут наши дети.

Томми согласен. Он смеется, берет Матрешку за шею и тащит к себе в рот. Но это только шутка. Слегка пожевав куклу, он опять кладет ее девочке на колени, правда немного мокрую и помятую.

Потом Надя показывает ему большую книгу с картинками и объясняет:

— Это лошадь, это канарейка, это ружье... Вот клетка с птичкой, вот ведро, зеркало, печка, лопата, ворона... А это вот, посмотрите, это слон! Правда, совсем не похоже? Разве же слоны бывают такие маленькие, Томми?

Томми находит, что таких маленьких слонов никогда не бывает на свете. Вообще ему эта картинка не нравится. Он захватывает пальцем край страницы и переворачивает ее.

Наступает час обеда, но девочку никак нельзя оторвать от слона. На помощь приходит немец:

— Позвольте, я все это устрою. Они пообедают вместе.

Он приказывает слону сесть. Слон послушно садится, отчего пол во всей квартире сотрясается и дребезжит посуда в шкафу, а у нижних жильцов сыплется с потолка штукатурка. Напротив его садится девочка. Между ними ставят стол. Слону подвязывают скатерть вокруг шеи, и новые друзья начинают обедать.

Девочка ест суп из курицы и котлетку, а слон — разные овощи и салат. Девочке дают крошечную рюмку хересу, а слону — теплой воды со стаканом рома, и он с удовольствием вытягивает этот напиток хоботом из миски. Затем они получают сладкое: девочка — чашку какао, а слон — половину торта, на этот раз орехового. Немец в это время сидит с папой в гостиной и с таким же наслаждением, как и слон, пьет пиво, только в большем количестве.

После обеда приходят какие-то папины знакомые; их еще в передней предупреждают о слоне, чтобы они не испугались. Сначала они не верят, а потом, увидев Томми, жмутся к дверям.

— Не бойтесь, он добрый! — успокаивает их девочка.

Но знакомые поспешно уходят в гостиную и, не просидев и пяти минут, уезжают.

Наступает вечер. Поздно. Девочке пора спать. Однако ее невозможно оттащить от слона. Она так и засыпает около него, и ее, уже сонную, отвозят в детскую. Она даже не слышит, как ее раздевают.

В эту ночь Надя видит во сне, что она женилась на Томми, и у них много детей, маленьких, веселых слонят. Слон, которого ночью отвели в зверинец, тоже видит во сне милую, ласковую девочку. Кроме того, ему снятся большие торты, ореховые и фисташковые, величиною с ворота...

Утром девочка просыпается бодрая, свежая и, как в прежние времена, когда она была еще здорова, кричит на весь дом, громко и нетерпеливо:

— Мо-лоч-ка!

Услышав этот крик, мама радостно спешит.

Но девочка тут же вспоминает о вчерашнем и спрашивает:

— А слон?

Ей объясняют, что слон ушел домой по делам, что у него есть дети, которых нельзя оставлять одних, что он просил кланяться Наде и что он ждет ее к себе в гости, когда она будет здорова.

Девочка хитро улыбается и говорит:

— Передайте Томми, что я уже совсем здорова!

К. КОРОВИН

БЕЛКА

(В сокр.)

Жил я далеко от Москвы, в глухом месте, у небольшой речки, за которой начинался огромный бор Красный Яр. Речка Нерля была маленькая, как ручей, она шла по лугу близ моего дома, извиваясь в камышах и кустах и переходя в большие плёсы, которые лежали по низу луга, у самого леса.

С горки были видны эти большие, как бы лежащие зеркала воды, в которых отражается огромный лес. По обрывам был желтый песок. Зеленый и серый мох

густо и сочно лежал у больших корней сосен. Иван-чай стройно высился, покрытый лиловыми цветами.

Какая красота была в этих бережках и в этих светлых струях вод кристальной речки!

В солнечные дни отражения огромных сосен и елей в воде были веселы, радостны, мощны.

Плескались золотые язи. Зеленые стрекозы летали над камышом. Ласточки со свистом носились над рекой и острыми крылышками задевали воду.

Каким разнообразным пением птиц, какими звуками был полон красивый бор! Цветами был покрыт луг, и мне казалось, что это рай.

Я думал: «Какой же может быть другой рай?» Это и был рай.

А в бору жил мой приятель, прелестный человек, лесничий. Жили там и медведь, изящнейшая рысь, чудной барсук и мелкие зверьки — заяц, белка, еж.

Вот эти-то три последних зверя особенно трогательно вспоминаются мне. Их ум, душевные особенности, любовь и сердце меня поразили, когда я их приучил к себе.

Однажды на базаре невзрачный мужичок, выйдя из трактира, подошел ко мне, посмотрел серыми глазами и сказал:

— Барин, слышь, хочешь, я тебе живую игрушку уступлю? Увидишь, до чего занята. Только дешево не отдам.

И он из-за пазухи вынул желтую прехорошенькую белку. Она большими острыми круглыми глазками смотрела на меня.

Он мне дал ее в руки. Она преспокойно сидела.

— Ручная, брат, белка... Вот до чего ласковая. Спасибо скажешь. Игрунья... От тебя не уйдет. Орешками кормить будешь. А пусти, так она сама прокормится, к тебе придет. Этакой умный зверь, вот подумай, а лесной, дикий. Я ее ведь тут недалеко нашел. Из гнезда ушла маленькая. Знать, мать-то коршун взял. Я люблю с ними заниматься, ну, и привыкают. Только дорого, менее красненькой не отдам.

Я вынул десять рублей:

— Хорошо. Спасибо. Хороша белка. Какая большая!

Крестьянин вынул платок, в один край завязал деньги в узел. Отдал мне белку.

— Барин, — сказал он неожиданно. — А ты знаешь, она понимает, что я ее продал тебе. Ты ее не обидишь, от кошки убережешь. Эта белка радости много дает. Не поймешь, а вроде как любовь в ей есть. Поверила человеку. Значит, не боится и благодарит. Бери ее, клади в карман, скажи: «Умри» — и носи домой. А за красненькую... спасибо... Деньги, конечно. Я как тебя увидел, намекнулось мне, что ты ее купишь.

Я посадил белку в карман.

— Умри, — сказал крестьянин и засмеялся.

И белка на самом деле свернулась, как бы умерла.

Я пошел в лавку, купил орехов.

В трактире белка сидела передо мной и с изумительной красотой, держа в лапках орех, обтачивала его зубами, доставала зерно. Потом, быстро побежав по мне, села на плечо и грызла орех. Я взял ее, посадил в боковой карман, сказал: «Умри», и белка спряталась.

В моем деревенском доме, где была охотничья собака Феб, я показал белку. Феб немножко понюхал, не обратил внимания, и я выпустил ее на стол. Она, быстро прыгая, взгромоздилась на занавеску окна. Окно было открыто, белка пропала за окном. Я выбежал на террасу, пошел к окну — белки нет... Пропала. Я всюду смотрел, на деревья, вдруг сзади белка села мне на плечо. Я с ней опять пошел в дом.

На большом столе у себя я прибрал все, так как боялся, как бы она не наелась красок, не попала бы лапками в палитру. Сестра моя и гостивший доктор изумились привязанности белки, хотели погладить, но она не далась. Это было удивительно. Неужели правду сказал крестьянин, что она понимает, что она продана мне, что я ей хозяин?

Когда я лег спать, белка от меня не отходила. Я ей сделал гнездо: взял корзинку, наложил сосновых веток и сена, но она не желала быть в корзинке. Она спала со мной. Когда я ее хотел тихонько покрыть маленькой подушкой, она во все глаза смотрела на меня, и сделать это было невозможно. Она с быстротой молнии отскакивала в сторону. Оказалось, что это игра. Я видел, что это ей нравится: она нарочно садилась мне на грудь и делала вид, что не смотрит. Накрыть ее подушкой было невозможно. Я видел, как это ее веселит. Я ее сажал на руку, хотел как бы прихлопнуть другой рукой: невозможно, она уже была у меня на голове. Разыгралась. Но когда я ей говорил: «Ну, довольно играть, спать, умри», белка засыпала у меня на плече.

Я боялся ее во сне задавить, но оказалось, что я напрасно беспокоился, так как она отлично со мной спала.

А утром она выбегала в окно в огромный бор до вечера. «Какая странность, — удивлялся я, — зачем же она возвращается?». Как это странно и как удивляло меня и удивляет сейчас. Она привязалась к человеку какими-то неведомыми законами любви.

Но вот в начале августа белка из лесу не вернулась. Я очень страдал и думал, что ее застрелили. Охотник Герасим, мой приятель, сказал:

— Кому стрелять?... Она желтая, никому не нужна... Я их зимой бью. Желтую не купят.

Я в тот день сидел на террасе, где был накрыт чай, со своими приятелями. Вдруг появилась моя белка. Приятели удивились. Она бегала по столу, опустила лапку в

варенье, попробовала его, потом опять спрыгнула с террасы, побежала на беседку, прыгнула на сосну. Тут мы увидели, что там, вытянув шейку и смотря круглым глазом, робко притулившись, сидит другая белка. Моя белка была около нее, они сидели вдвоем. Потом другая белка живо пропала, прыгая с дерева на дерево. Моя же белка спустилась, прыгнула через собаку Феба, села ко мне на плечо.

Наступили дожди, стала непогода. Пожелтели листья берез, и опали осины. Оголились леса. Белка редко уходила из дома. К Покрову я уехал из деревни в Москву.

Я повез ее в клетке, которую купил в Москве. Клетка ей не понравилась, так что я ее вез часть пути в кармане. И всю зиму в Москве жила она со мной.

Когда я поздно возвращался с работы, из театра, она знала стук калитки, как я отворяю, и с невероятной радостью встречала меня в коридоре, бегая по мне кругами. Ждала, когда я выну ей кедровые орехи или какой-нибудь гостинец.

Странно, что только доктору, которого видела у меня в деревне, позволяла она погладить себя; к другим не шла. Она не приставала, не просила, не надоедала, но ей нравилось, что ею любовались. Как странно, какой меры и такта был этот маленький зверек.

Шла долгая зима. Я выходил с ней гулять на двор, где был сад. Она забиралась на деревья, но, должно быть, привыкнув к теплу дома, гуляла недолго и лезла ко мне в карман.

Ранней весной я уехал в деревню.

В первый же день белка ушла и не возвращалась неделю. Потом объявилась опять и привела с собой другую белку, от которой беспрестанно возвращалась домой и уходила опять. Она возвращалась все реже и совсем пропала.

Опять осень и пурга первого снега. Уныло на душе. Серое небо. Дымят вдали черные овины. Тетушка Афросинья рубит капусту. Солят на кухне грузди.

Я взял ружье и пошел по лесной тропинке к реке. Стаи мелких птичек, чижи-ков, осыпали ветви оголенных берез. Улетают от нашей суровой страны.

Вдруг на меня прыгнула белка и весело забегала кругом. Она уже посерела. Я так обрадовался. Она прыгнула и взбежала на сосну. Я взглянул кверху, увидел, как шесть белок прыгали с ветки на ветку. Я посвистел, на зов она опять вернулась ко мне.

— Прощай, Муся. Твои дети, должно быть?..

Феб посмотрел на белку пристально. Она была уже серая, но он догадался, что это наша белка.

Больше я ее не видал.

Ю. КОВАЛЬ

РУСАЧОК-ТРАВНИК

Мы были в саду, когда в рогатых васильках, что росли у забора, вдруг объявился заяц. Русачок. Увидевши нас, он испугался и спрятался в рогатых васильках. Да и мы все замерли и только глядели, как блестят из рогатых васильков заячьи глаза.

Этот русачок родился, как видно, совсем недавно. Таких зайцев и называют «Травник» — родившийся в траве.

Русачок-травник посидел в рогатых васильках и пошел по саду. Шел, шел и дошел до Николая Василича. А Николай-то наш Василич как раз в рогатых васильках лежал.

Русачок-Травник подошел поближе и стал глядеть на Николай Василича. Николай Василич и виду не подал, что он Николай Василич. Он спокойно лежал, как может лежать в рогатых васильках поваленная береза.

Русачок-травник вспрыгнул на Николай Василича и, устроившись у него на спине, почистил лапой свои усы. Потом слез на землю и вдруг увидел пушистые малиновые цветы. Обнюхал каждый цветок, пролез через дырку в заборе и скрылся.

Тут уж Николай Василич зашевелился, потому что он все-таки не поваленная береза, а живой человек. Но только, конечно, особый человек, — по которому зайцы «пешком» ходят.

СТОЖОК

У излучины реки Ялмы в старой баньке жил, между прочим, дядя Зуй.

Жил он не один, а с внучкою Нюркой, и было у него все, что надо: и куры, и корова.

— Свиньи вот только нету, — говорил дядя Зуй. — А на что хорошему человеку свинья?

Еще летом дядя Зуй накопил в лесу травы и сметал стожок сена; но не просто сметал — хитро: поставил стог не на землю, как все делают, а прямо на сани, чтобы сподручней было зимой сено из лесу вывезти.

А когда наступила зима, дядя Зуй про то сено забыл.

— Дед, — говорит Нюрка, — ты, что ж сено-то из лесу не везешь? Ай, позабыл?

— Какое сено? — удивился дядя Зуй, а после хлопнул себя по лбу и побежал к председателю лошадь просить.

Лошадь председатель дал хорошую, крепкую. На ней дядя Зуй скоро до места добрался. Смотрит — стожок его снегом занесен.

Стал он снег вокруг саней ногой раскидывать, оглянулся потом — нет лошади: ушла, проклятая!

Побежал вдогонку — догнал, а лошадь не идет к стогу, упирается.

«С чего бы это она, — думает дядя Зуй, — упирается-то?».

Наконец-таки запряг ее дядя Зуй в сани.

— Но-о-о!..

Чмокает дядя Зуй губами, кричит, а лошадь ни с места — полозья к земле крепко примерзли. Пришлось по ним топориком постучать — сани тронулись, а на них стожок. Так и едет, как в лесу стоял.

Дядя Зуй сбоку идет, на лошадь чмокает.

К обеду добрались до дому, дядя Зуй стал распрягать.

— Ты чего, Зуюшко, привез-то? — кричит ему Пантелевна.

— Сено, Пантелевна. Чего же иное?

— А на возу у тебя кто?

Глянул дядя Зуй и как стоял, так и сел в снег. Страшная какая-то, кривая да мохнатая морда выставилась с воза — медведь!

«Рру-у!..».

Медведь зашевелился на возу, наклонил стог набок и вывалился в снег. Тряхнул башкой, схватил в зубы снегу и в лес побежал.

— Стой! — закричал дядя Зуй. — Держи его, Пантелевна!

Рявкнул медведь и пропал в елочках.

Стал народ собираться. Охотники пришли, и я, конечно, с ними. Толпимся мы, разглядываем медвежьи следы.

Паша-охотник говорит:

— Вот какую берлогу себе придумал — Зуев стожок.

А Пантелевна кричит-пугается:

— Как же он тебя, Зуюшко, не укусил?..

— Да-а, — сказал дядя Зуй, — будет теперь сено медвежатиной разить. Его, наверно, и корова-то в рот не возьмет.

Е. НОСОВ

КАК ВОРОНА НА КРЫШЕ ЗАБЛУДИЛАСЬ

Наконец-то наступил март! С юга потянуло влажным теплом. Хмурые неподвижные тучи раскололись и тронулись. Выглянуло солнце, и пошел по земле веселый бубенчатый перезвон капли, будто весна катила на невидимой тройке.

За окном, в кустах бузины, отогревшиеся воробьи подняли шумиху. Каждый старался изо всех сил, радуясь, что остался жив: «Жив! Жив! Жив!»

Вдруг с крыши сорвалась подтаявшая сосулька и угодила в самую воробьиную кучу. Стая с шумом, похожим на внезапный дождь, перелетела на крышу соседнего дома. Там воробьи расселись рядком на гребне и только было успокоились, как по скату крыши скользнула тень большой птицы. Воробьи враз свалились за гребень.

Но тревога была напрасной. На печную трубу опустилась обыкновенная ворона, такая же, как и все другие вороны в марте: с забрызганным грязью хвостом

и взъерошенным загривком. Зима заставила ее позабыть о чувстве собственного достоинства, о туалете, и она правдой и неправдой с трудом добывала хлеб свой насущный.

Кстати, сегодня ей повезло. В клюве она держала большой ломоть хлеба.

Усевшись, она подозрительно осмотрелась: не видно ли поблизости ребятишек. И что за привычка у этих сорванцов бросаться камнями? Потом она оглядела ближайшие заборы, деревья, крыши: там могли оказаться другие вороны. Они тоже не дадут спокойно перекусить. Сейчас же слетятся и полезут в драку.

Но неприятностей, кажется, не предвиделось. Воробьи снова набились в бузину и оттуда завистливо посматривали на ее кусок хлеба. Но эту скандальную мелюзгу она в расчет не принимала.

Итак, можно закусить!

Ворона положила ломоть на край трубы, наступила на него обеими лапами и принялась долбить. Когда отламывался особенно большой кусок, он застревал в горле, ворона вытягивала шею и беспомощно дергала головой. Проглотив, она на некоторое время снова принималась озираться по сторонам.

И вот после очередного удара клювом из-под лап выскочил большой ком мякиша и, свалившись с трубы, покатился по скату крыши. Ворона досадливо каркнула: хлеб может упасть на землю и даром достанется каким-нибудь бездельникам вроде воробьев, что пристроились в кустах под окном. Она даже слышала, как один из них сказал:

— Чур, я первый увидал!

— Чик, не ври, я раньше заметил! — крикнул другой и клюнул Чика в глаз.

Оказывается, хлебный мякиш, катившийся по крыше, видели и другие воробьи, а потому в кустах поднялся отчаянный спор.

Но спорили они преждевременно: хлеб не упал на землю. Он даже не докатился до желоба. Еще на полпути он зацепился у ребристого шва, какие соединяют кровельные листы.

Ворона приняла решение, которое можно выразить человеческими словами так: «Пусть тот кусок полежит, а я пока управлюсь с этим».

Доклевав остатки, ворона решила съесть упавший кусок. Но это оказалось нелегкой задачей. Крыша была довольно крута, и, когда большая тяжелая птица попробовала сойти вниз, ей это не удалось. Лапы заскользили по железу, она поехала вниз, тормозя растопыренным хвостом.

Путешествие таким способом ей не понравилось, она взлетела и села на желоб. Отсюда ворона попробовала снова достать хлеб, карабкаясь снизу вверх. Так оказалось удобнее. Помогая себе крыльями, она, наконец, добралась до середины ската. Но что такое? Хлеб исчез! Оглянулась назад, посмотрела вверх — крыша пуста!

Вдруг на трубу опустилась голенастая, в сером платочке галка и вызывающе шелкнула языком: «Так! Мол, что тут делается?». У вороны от такой наглости даже на загривке ошетились перья, а глаза сверкнули недобрый блеском. Она подпрыгнула и ринулась на непрошеную гостью.

«Вот старая дура!» — сказал про себя следивший за всей этой историей Чик и первым перемахнул на крышу. Он-то видел, как ворона, перелетев на желоб, начала подниматься вверх не по той полосе, где лежал кусок хлеба, а по соседней. Она была уже совсем близко. У Чика даже сердечко екнуло оттого, что ворона может догадаться перейти на другую полосу и обнаружить добычу. Но уж очень несообразительна эта грязная, лохматая птица. И на ее глупость Чик втайне рассчитывал.

— Чик! — закричали воробьи, пускаясь вслед за ним. — Чик! Это нечестно! Оказывается, они все видели, как старая ворона заблудилась на крыше.

С. РОМАНОВСКИЙ

На танцах

Весной на Верховом Болоте вытаяла прошлогодняя клюква — журавина.

Среди островов снега и окон воды мальчик пробирался от кочки к кочке. А они были в ягодах, как в красных сарафанах.

Каждая ягода — радость!

Пережила она зиму, сбродила в тончайшей кожице, как красное виноградное вино в бочке, и на посошок захватила весеннего солнышка. Клюква-журавина была в нос и растекалась по телу тихой радостной силой.

Мальчик морщился. Иногда его всего передергивало от ягодной кислоты и блаженства. А из глаз наперегонки бежали слезы.

Эх, если бы к ягодам да еще бы хлебушка!

Как же это мальчик не захватил его с собой?

В облаках вытаяла синева — небесная проталина. Оттуда солнце ненадолго озарило Верховое Болото и заиграло в счастливых слезах мальчика. Он поразился, до чего же жгучее нынче солнце, рукавом стер слезы со щек и замер.

Неясно и певуче зародился звук.

Где?

За небесной проталиной?.. Нет, ниже: за травой-белоусом и осокой, что стенкой росли впереди.

Теперь звук был не один, а много негромких взыскующих звуков. От них дрогнуло сердце мальчика. Тотчас солнце разгорелось и скрылось, и мальчик почувствовал, что есть какая-то связь между солнцем и звуками.

Он посмотрел на небо, где синяя проталина меняла очертания, наверное, приглашала солнце еще разок взглянуть на землю, на Верховое Болото и на мальчика.

Вняв этой просьбе, показалось солнышко, загорелось, заиграло, и вместе с ним заиграли звуки за травами.

Мальчик снял шапку, чтобы лучше слышать.

Звуки, по игре странно схожие с солнышком, с переменой освещения повторялись через неравные промежутки времени.

Пригнувшись, мальчик подобрался к стенке белоуса и осоки и прилег перед окошком, откуда просматривалась потаенная полянка.

Он увидел воду-снежницу, в которой отражались и гнулись березки, рябенькие, как тетерки. Им было много лет, но на болоте они на всю жизнь остались маленькими.

Тут мальчик услышал и увидел журавлей. Сперва ему подумалось, что они бродят по поляне, кто куда, и не найдут себе места.

Почему это не найдут?

Нашли!

Праздник у них: танцуют журавли. Собрались в широкий круг, крыльями машут и голоса подают.

А посреди круга — на виду, на юру! — пляшут три журавля. Ходят друг перед дружкой, приседают, подпрыгивают, показывают серо-голубые наряды.

Журавли в кругу тоже приседают, хлопают крыльями, побуждают главных плясунов жарче плясать, веселее!

Шире круг!

Трое ходят вприсядку, с прищелком выкидывают долгие ноги, взмахивают крыльями, как голубыми платками, и в их движениях живет возбуждающая сила, приглашающая мальчика принять участие в общем весеннем веселье.

Шире круг! Шире!

Еще шире!..

Это веселье, творящееся втайне, было понятно мальчику своей детской радостью, и он, не таясь, смотрел из травы на журавлей и слышал их таинственные голоса.

Ему хотелось хлопать в ладошки в лад пляске и припевать-приговаривать:

Я не утка, я не гусь.

По воде не плаваю.

Если хочешь танцевать,

Давай ручку правую!..

Танцоры посреди круга менялись, пока всех не перетанцевал один журавль росточком пониже других.

Чего он только не выделял!

Он прыгал около травянистой кочки, клевал ее, подбрасывал клювом. Кочка крутилась и вертелась, падала и взлетала и готова была вот-вот превратиться в птицу, пока не рассыпалась.

Это привело плясуна в недоумение. Он топтался на одном месте и не мог понять: куда подевалась веселая кочка? Куда она улетела или упрыгала? Только что здесь была!..

Куда?

Мальчику тоже стало думать, что плясуны-кочка где-то спряталась. Он стал в полный рост, чтобы увидеть ее...

Зачем он это сделал?

Большие голенастые птицы побежали в разные стороны, и, захваченный их бегом, мальчик побежал за ними, размахивая руками и восторженно крича:

— Не бойтесь меня-я-я!

Одна за другой с разбега, с раската птицы поднимались в воздух, и небо над Верховым Болотом заплескалось крыльями.

А журавль-плясун, что только что искал кочку-попрыгунью, подвернул ногу и, пытаясь встать, колотился на земле.

Когда мальчик подбежал к журавлю, тот сам, без посторонней помощи, поднялся на ноги и, прихрамывая, заторопился прочь от человека.

Совсем близко мальчик видел слипшиеся косицы по бокам птичьей головы; крылья — вблизи не голубые, а серые, стертые по краям от тяжелого перелета; суставчатые, как в мозолях, ноги... Мальчик даже уловил запах, похожий на запах курятника, который исходил от журавля.

Захваченный восторгом весны, мальчик растопырил руки, чтобы схватить птицу за крылья и обнять ее!

— Не бойся меня-я-я! — кричал он.

Журавль остановился, обернулся, и мальчик увидел его темные глубокие глаза, в которых жили боль и вольная воля.

Мальчик протянул к птице руки.

А журавль выбросил клюв вперед и, щелкнув им, как парикмахер ножницами, несильно уклонил человека в лоб: «Не тронь меня!»

Обеими руками мальчик схватился за уклоненное место и для начала негромко заплакал, а потом все громче и громче, но скоро сообразил, что на болоте его никто не услышит, и отнял руки ото лба.

Там, где синела небесная проталина, по краям осиянная солнцем, неровной стайей колыхались — уходили журавли и окликали друг друга: «Курлы! Курлы! Курлы!..»

И не стало их.

Осталась поляна в прошлогодней траве; вода-снежница, где отражаются березки; кочка в ягодах-журавинах, как в красном сарафане; где-то рядом — задумчивое око-родник, откуда берется одна из малых рек России.

Дома мама сказала мальчику:

— Эх, Алеша, Алеша! Всегда что-нибудь с тобой приключается. Раз пришел на танцы — сиди смирно. Или, как в наши годы, вежливо пригласи девушку на вальс.

— А ты расшумелся. Чего это ты, сынок? — с укором спрашивал отец.

— Сам не знаю, — винился Алеша. — Как получилось — не пойму.

Он виновато улыбался припоминаниям о встрече на Верховом Болоте и радовался, что дома с родителями пьет чай — греет горлышко, остуженное льдистой ягодой-журавиной...

С. АЛЕКСЕЕВ

Первый ночной таран

(Талалихин)

Ночь. Подмосковная. Тихая. Лунная. Кое-где мирно плывут облака. Бежит луна от облака к облаку. Вот застеснялась. Спряталась. Вновь показалась. Побежала желтым утенком дальше.

Ночь. Тишина. И вдруг прожекторы, как пики, кольнули небо, заухали зенитки. В воздухе был противник.

Наблюдатели обнаружили приближающийся к Москве фашистский бомбардировщик.

Младший лейтенант Талалихин получил приказ уничтожить врага. Через две минуты летчик был в воздухе.

Быстро ползет стрелка прибора, показывающего высоту. Триста метров, пятьсот, вот тысяча. Все выше и выше ползет стрелка. Для летчика-истребителя важен запас высоты. Сверху и атаковать неприятеля лучше. Сверху и все виднее. Две тысячи метров, три. Всматривается Талалихин в звездное небо. Нет, нигде не видно врага. Еще выше идет самолет. Четыре тысячи метров. Четыре с половиной. Вновь осмотрелся кругом Талалихин. Все также по небу бежит луна. Все также темно за бортом.

И вдруг слева чуть впереди увидел Талалихин какой-то отблеск. Всмотрелся — опять блеснуло. Лунным светом мигнул металл. Все ясно. Враг рядом. Враг найден. Вот уже виден весь самолет врага.

Схватил Талалихин фашиста в прицел. Нажал на гашетку¹. Точно стрелял Талалихин. Первая же очередь догнала фашиста. Тронули пули правый мотор врага. Пламя мотор охватило.

Ранен фашист, но не сбит. Скользит на крыло он, сбивает пламя. Вот-вот и вовсе огонь собьет. Прибавил машине скорость. Бросает машину то влево, то вправо. Хочет оторваться, уйти хочет от советского летчика. Опасный ас попался. Несколько заходов уже сделал Талалихин. Никак не добьет врага. Уходит противник.

Вновь для атаки зашел Талалихин. Нажал на гашетку. Молчат пулеметы. Расстрелял все патроны летчик.

Уходит противник.

— Не уйдешь! — прокричал Талалихин. Бросился Талалихин вслед фашистскому самолету... Совсем рядом хвост фашистского бомбардировщика. Нажал на рычаги. Дал полный газ. Пошел на таран — со всей силой врезался в самолет противника. Вспыхнул фашист как факел. Рухнул, как камень, вниз.

Однако от удара был выведен из строя и самолет Талалихина. Пришлось летчику прыгать с парашютом. Прыгнул. Благополучно спустился на землю.

¹Гашётка — военное устройство для приведения в действие спускового механизма огнестрельного оружия (обычно автоматического).

За свой подвиг младший лейтенант Виктор Талалихин был удостоен высокой награды. Он стал Героем Советского Союза.

По сто, по двести самолетов в день посылали фашистские генералы на Москву. Но советские летчики и зенитчики, бойцы противовоздушной обороны зорко охраняли столичное небо.

Е. ВОРОБЬЕВ

ОБРЫВОК ПРОВОДА

Трудно вспомнить, сколько раз в этот день Устюшину пришлось отправляться на линию и срывать провод. То провод перебьет осколком мины, то оборвет взрывной волной, то его перережут немецкие автоматчики, которые уже несколько раз просачивались в ближний лес. Смеркалось, когда батарея вновь потеряла связь с наблюдательным пунктом майора Балояна.

Устюшин нажимал на клапан, кричал, надрываясь, изо всех сил дул на заиндевшую мембрану. Телефонная трубка была нема. «Днепр» не отвечал на тревожные вызовы «Алтая».

— Пропал «Днепр». Как воды в рот набрал, — сказал Устюшин самому себе голосом, охрипшим от крика и безнадежности. — Без вести пропал «Днепр»...

Устюшин молча передал трубку помощнику, вылез из блиндажа, осмотрелся. Он хотел переждать, пока утихнет обстрел, но обстрел не утихал. Теперь, когда он оказался под открытым небом, их блиндаж в два наката жидких бревен — при каждом разрыве сквозь щели осыпался песок — показался ему могучей крепостью.

Устюшин глубже нахлобучил ушанку, натянул на руки теплые варежки, словно тем самым лучше защитился от опасности, и побежал вдоль провода, проваливаясь в снег по колено, по пояс. Эх, жаль, старшина не успел выдать связистам валенки, придется нырять по сугробам в сапогах! Хорошо, хоть раздобыл шерстяные портянки!

Провод тянулся от шеста к шесту, затем связывал елочки на опушке. Провод походил на толстый белый канат: сухой пушистый снег осел на нем.

Устюшин бежал, а мины по-прежнему рвались, будто догоняя его. Воздух словно дымился от близких разрывов. Снег белыми облачками падал с елей, обнажал хвою. С посвистом летели осколки. Пахло горелой землей. На снегу чернели черные выбоины.

Устюшин пробежал не меньше двух катушек провода, прежде чем обнаружил место обрыва. Вот он, конец провода, безжизненно повисший на молоденькой елке. А где другой конец? Он лежал где-то на земле, его уже присыпало свежим снежком, и не сразу удалось разыскать. Сейчас Устюшин «сведет концы с концами» и побежит обратно в спасительный блиндаж, подальше от осколков.

Однако вот неприятность — больше метра провода вырвало миной и отшвырнуло куда-то в сторону. Соединить концы провода никак не удавалось. Не хватало

этого злополучного метрового обрывка! А запасной катушки у Устюшина с собой не было. Как же быть? Батарея-то ждет! И «Днепр» ждет! Устюшин знал, что сегодня в любую минуту может прозвучать по телефону сигнал «444», секретный сигнал к наступлению, и горе горькое, если их «Алтай» не отзовется на гортанный голос майора Балояна.

Устюшин снял варежки, взял в правую руку один конец провода, левой рукой дотянулся до провода, который теперь валялся на снегу. Концы были оголены от изоляции и кусались на морозе.

Человеческое тело, как известно, — проводник электрического тока. Вот он и включился в линию.

Как удачно, что у них на батарее старшина не успел обуть связистов в валенки; как хорошо, что подметки у него резиновые!

Он стоял, широко раскинув руки. Стоял, потому что не хватало провода. А прилечь или присесть на снег нельзя: как бы не заземлить всю линию...

Конечно, можно поднатужиться и еще сильнее потянуть концы провода на себя. Но тянуть изо всех сил Устюшин боялся — еще оборвется. И до поздней ночи, пока не отгремел бой, во весь рост стоял Устюшин на опушке леса, среди молоденьких елок, посеченных осколками; немало свежих хвойных веток и веточек легло вокруг на снег.

Когда слышался зловеще нарастающий звук мин, Устюшина охватывало жгучее желание бросить концы натянутого провода и припасть к земле, уткнуться лицом в сухой снег, вдавиться в него как можно глубже. Но всякий раз он унимал дрожь в коленях, выпрямлялся и оставался на месте. В правой руке, окоченевшей от холода и усталости, Устюшин держал «Днепр», в левой «Алтай».

Теплые варежки лежали на снегу, у его ног.

Литературные сказки

В. ТЕЛЕШОВ

САМОЕ ЛУЧШЕЕ

Бродил однажды пастух Демьян по лужайке с длинным кнутом на плече.

Делать ему было нечего, а день стоял жаркий, и решил Демьян искупаться в речке.

Разделся и только влез в воду, глядит — на дне под ногами что-то блестит.

Место было мелкое; он окунулся и достал с песка маленькую светлую подкову, величиной с человеческое ухо.

Вертит ее в руках и не понимает — на что она может годиться.

— Разве козла подковать, — смеется Демьян сам с собою, — а то куда годна такая малявка?

Взял он подковку обеими руками за оба конца и только хотел попробовать разогнуть или сломать, как на берегу появилась женщина, вся в белой серебряной одежде. Демьян даже смутился и ушел в воду по самую шею.

Глядит из речки одна Демьянова голова и слушает, как женщина его поздравляет:

— Твое счастье, Демьянушка: нашел ты такой клад, какому равного нет во всем белом свете.

— А что мне с ним делать? — спрашивает Демьян и глядит то на белую женщину, то на подковку.

— Иди, отпирай скорей двери, входи в подземный дворец и бери оттуда все, что захочется, что понравится. Сколько хочешь — бери. Но только одно помни: не оставь там самого лучшего.

— А что там самое лучшее?

— Прислони-ка подкову вот к этому камню, — указала рукой женщина. И опять повторила: — Бери всего, сколько хочешь, покуда не будешь доволен. Но когда назад пойдешь, то не забудь унести с собой самое лучшее.

И исчезла белая женщина.

Ничего не понимает Демьян. Огляделся по сторонам: видит перед собой на берегу большой камень, у самой воды лежит. Шагнул к нему и прислонил подковку, как говорила женщина.

И вдруг разломился камень надвое, открылись за ним железные двери, широко распахнулись сами собой, и перед Демьяном — роскошный дворец.

Как только протянет он куда свою подковку, как только прислонит ее к чему, — так все затворы перед ним растворяются, все замки отпираются, и идет Демьян, как хозяин, куда только вздумается.

Куда ни войдет, везде несметные богатства лежат. В одном месте громадная гора овса, да какого: тяжелого, золотистого! В другом месте рожь, в третьем пшеница; такого зерна белоярого Демьян никогда и во сне не видывал.

А дальше — крупа, потом орехи, ягоды, яблоки, горох — всего не перечтешь.

«Ну, дело! — думает он. — Тут не то что себя самого прокормишь, а на целый город на сто лет хватит, да еще останется!»

Идет дальше и только дивится: огромные чаны стоят с молоком, с медом, с шипучей водой.

«Ну-ну! — радуется Демьян. — Раздостал я себе богатство!».

Беда только в том, что взошел он сюда прямо из речки, как был — нагишом.

Ни карманов, ни рубашки, ни шапки — ничего нет; не во что положить.

Вокруг него великое множество всякого добра, а вот насыпать во что, или во что завернуть, или в чем унести — этого ничего нет. А в две горсти много не положишь.

«Надо бы сбежать домой, мешков натаскать да к берегу подвести лошадь с телегой!».

Идет дальше Демьян — полны комнаты серебра; дальше — полны комнаты золота; еще дальше — драгоценные камни — зеленые, красные, синие, белые — все блестят, горят самоцветными лучами. Глаза разбегаются; неизвестно на что и глядеть, чего желать, что брать.

И что здесь самое лучшее — не понимает Демьян, не может впопыхах разобратся.

«Надо скорей за мешками бежать», — одно только и ясно ему. Да еще досадно, что не во что сейчас положить хоть немножко.

«И чего я, дурак, шапку давеча не надел! Хоть бы в нее!» Чтоб не ошибиться и не забыть взять самое лучшее, Демьян нахватал в обе горсти драгоценных камней всех сортов и пошел скорей к выходу. Идет, а из горстей камешки сыплются! Жаль, что руки малы: кабы каждая горсть да с горшок!

Идет он мимо золота — думает: а вдруг оно самое лучшее? Надо взять и его.

А взять нечем и не во что: горсти полны, а карманов нет.

Пришлось сбросить лишние камешки и взять хоть немножко золотого песочку.

Пока менял Демьян впопыхах камни на золото, все мысли у него разбрелись.

Сам не знает, что брать, что оставить. Оставить — всякую малость жалко, а унести нет никакой возможности: у голого человека ничего, кроме двух горстей, для этого нет.

Побольше наложит — валится из рук. Опять приходится подбирать да укладывать. Измучился Демьян, наконец, и решительно пошел к выходу.

Вот вылез он на берег, на лужайку. Увидел свою одежду, шапку, кнут — и обрадовался.

«Вернусь сейчас во дворец, насыплю в рубашку добычу и кнутом завяжу — вот и готов первый мешок! А потом и за телегой сбегаю!».

Выложил он свои драгоценности из горстей в шапку и радуется, глядя на них, как они блестят и играют на солнце.

Поскорее оделся, повесил кнут на плечо, и хотел было идти опять в подземный дворец за богатством, но никаких дверей перед ним уже нет, а лежит попрежнему на берегу большой серый камень.

— Батюшки мои! — закричал Демьян, и даже голос его взвизгнул. — Где же моя маленькая подковка?

Он позабыл ее в подземном дворце, когда спешно менял камни на золото, ища самого лучшего.

Только теперь он понял, что самое лучшее-то он и оставил там, куда теперь без подковки никогда и ни за что не войдешь.

— Вот тебе и подковка!

Бросился он в отчаянии к шапке, к своим драгоценностям, с последней надеждой: а не лежит ли среди них самое лучшее?

Но в шапке была теперь только горсть речного песка да горсть мелких полевых камешков, какими полон весь берег.

Опустил Демьян и руки, и голову:

— Вот тебе и самое лучшее!..

А. РЕМИЗОВ

ХЛЕБНЫЙ ГОЛОС

Жил-был царь. И как не стало царицы, царь и призадумался: и то худо, что царицы нет, да на то воля Божья, и опять же хозяйство на руках и не малое, надо кому распорядиться, надо и гостей принять честно, да чтобы все было, как у людей есть, а ему на старости лет дай Бог с царством управиться.

А было у царя три сына, все трое женаты, при отце жили. Вот царь призвал к себе снох, и старшую, и среднюю, и младшую — и решил испытать, кому из них большухой быть.

— Какой, — говорит, — голос дальше слышен?

Старшая думала, думала, — какой голос?

— Да вот, — говорит, — батюшка, намедни бычок за Москвой-рекой рычал, так у Андроньева на обедне слышно было.

— Эка дуреха! — отставил царь старшую сноху и к средней:

— Какой голос дальше слышно?

— Петух у нас, батюшка, седни пел поутру, а в Соколинках у мамушки слышали, Софоровна сказывала.

Царь только бороду погладил: ну, чего с такой спросить? — и к младшей:

— Какой голос дальше слышно?

— Не смею, батюшка, сказать, сами знаете.

— Как так, говори, не бойсь.

— Хлебный голос дальше слышно.

— Какой такой хлебный?

— А такой, батюшка, если кто хорошо кормит, а голодного не забывает, накормит, согреет, утешит, про того далеко слышно.

— Ну, — говорит царь, — умница ты, Поля, по-русски сказала, так и будь ты большухой.

И пошло с этих пор на Руси — хлебный голос всех дальше слышен.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Еще до рассвета, когда черти бились на кулачки и собиралась заря в восход взойти, и вскидывал ветер шелковой плеткой, вышел из леса волк в поле погулять.

Канули черти в овраг, занялась заря, выкатилось в зорьке солнце.

А под солнцем рай — дерево распустило свой сиреневый медовый цвет.

Гуси проснулись. Попросились гуси у матери в поле полетать. Не перечила мать, отпустила гусей в поле, сама осталась на озере, села яйцо нести. Несла яйцо, не заметила, как уж день подошел к вечеру.

Забеспокоилась мать, зовет детей:

— Гуси-лебеди, домой!

Кричат гуси:

— Волк под горой.

— Что он делает?

— Утку щиплет.

— Какую?

— Серую да белую.

— Летите, не бойтесь...

Побежали гуси с поля. А волк тут-как-тут. Перенял все стадо, потащил гусей под горку. Ему, серому, только того и надо.

— Готовьтесь, — объявил волк гусям, — я сейчас вас есть буду.

Взмолились гуси:

— Не губи нас, серый волк, мы тебе по лапчке отдадим по гусиной!

— Ничего не могу поделывать: я — серый волк.

Пощипали гуси травки, сели в кучку, а уж солнышко заходит, домой хочется.

Волк в те поры точил себе зубы: иступил с утками,

А мать, как почувяла, что неладное случилось с детьми, снялась с озера да в поле. Полетала по полю, покликкала, видит — перышки валяются, да следом прямо и пришла к горке.

Стала она думать, как ей своих найти — у волка были там и другие гуси — думала, думала и придумала: пошла ходить по гусям да тихонько за ушко дергать. Который гусь пикнет, тот ее — матернин, а который закукарекает, не ее — вóлков.

Так всех своих и нашла.

Уж и обрадовались гуси, содом подняли.

Бросил волк зубы точить, побежал посмотреть, в чем дело.

Тут-то они на него, на серого, и напали. Схватили волка за бока, поволокли на горку, разложили под рай-деревом, да такую баню задали, не приведи Бог.

— Вы мне хвост-то не оторвите! — унимал гусей волк, отбрыкивался.

Пощипали-таки его изрядно, уморились, да опять на озеро: пора и спать ложиться.

Поднялся волк, не солоно хлебавши, пошел в лес.

Возныла темная туча, покрыла небо.

А во тьме белые томновали на лугу дрявницы и травяницы, поливали одо-лень-траву.

Вылезли на берег водяники, снимали с себя тину, сели на колоды и поплыли.

Шел серый волк, спотыкался о межу, думал-гадал о Иване-царевиче.

На озере гуси во сне гоготали.

В. ДАЛЬ

Старик-годовик

Вышел старик-годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик-годовик первый раз — и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.

Махнул старик-годовик второй раз — и полетела вторая тройка. Снег стал таять, на полях показались цветы.

Махнул старик-годовик третий раз — полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик-годовик четвертый раз — и полетели еще три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина крыла белая, другая — черная. Махнет птица раз — станет светлым-светло, махнет другой — станет темным-темно.

Какие это четыре крыла у каждой птицы?

Какие семь перьев в каждом крыле?

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая черная?

К. УШИНСКИЙ

Слепая лошадь

Давно, очень давно, когда не только нас, но и наших дедов и прадедов не было еще на свете, стоял на морском берегу богатый и торговый город Винета; а в этом городе жил богатый купец Уседом, корабли которого, нагруженные дорогами то-варами, плавали по далеким морям.

Уседом был очень богат и жил роскошно: может быть, и самое прозвание Уседома, или Вседома, получил он оттого, что в его доме было решительно все, что только можно было найти хорошего и дорогого в то время; а сам хозяин, его хозяйка и дети ели только на золоте и серебре, ходили только в соболях да в парче.

В конюшне Уседома было много отличных лошадей; но ни в Уседомовой конюшне, ни во всей Винете не было коня быстрее и красивее Догони-Ветра — так прозвал Уседом свою любимую верховую лошадь за быстроту ее ног. Никто не смел садиться на Догони-Ветра, кроме самого хозяина, и хозяин никогда не ездил верхом ни на какой другой лошади.

Случилось купцу в одну из своих поездок по торговым делам, возвращаясь в Винету, проезжать на своем любимом коне через большой и темный лес. Дело было под вечер, лес был страшно темен и густ, ветер качал верхушки угрюмых сосен; купец ехал один-одинешенек и шагом, сберегая своего любимого коня, который устал от дальней поездки.

Вдруг из-за кустов, будто из-под земли, выскочило шестеро плечистых молодцов со зверскими лицами, в мохнатых шапках, с рогатинами, топорами и ножами в руках; трое были на лошадях, трое пешком, и два разбойника уже схватили было лошадь купца за узду.

Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, если бы под ним был другой какой-нибудь конь, а не Догони-Ветер. Почувяв на узде чужую руку, конь рванулся вперед, своею широкою, сильною грудью опрокинул на землю двух дерзких злодеев, державших его за узду, смял под ногами третьего, который, махая рогатиной, забегал вперед и хотел было преградить ему дорогу, и помчался как вихрь.

Конные разбойники пустились вдогонку; лошади у них были тоже добрые, но куда же им догнать Уседомова коня?

Догони-Ветер, несмотря на свою усталость, чуя погоню, мчался, как стрела, пущенная из туго натянутого лука, и далеко оставил за собою разъяренных злодеев.

Через полчаса Уседом уже въезжал в родимую Винету на своем добром коне, с которого пена ключьями валилась на землю.

Слезая с лошади, бока которой от усталости подымались высоко, купец тут же, трепля Догони-Ветра по взмыленной шее, торжественно обещал: что бы с ним ни случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего верного коня, не прогонять его, как бы он ни состарился, и ежедневно, до самой смерти, отпускать коню по три меры лучшего овса.

Но, поторопившись к жене и детям, Уседом не присмотрел сам за лошадью, а ленивый работник не выводил измученного коня как следует, не дал ему совершенно остыть и напоил раньше времени.

С тех самых пор Догони-Ветер и начал хворать, хилеть, ослабел на ноги и, наконец, ослеп.

Купец очень горевал и с полгода верно соблюдал свое обещание: слепой конь стоял по-прежнему на конюшне, и ему ежедневно отпускалось по три меры овса.

Уседом потом купил себе другую верховую лошадь, и через полгода ему показалось слишком нерасчетливо давать слепой, никуда не годной лошади по три меры овса, и он велел отпускать две. Еще прошло полгода; слепой конь был еще молод, приходилось его кормить долго, и ему стали отпускать по одной мере. Наконец, и это показалось купцу тяжело, и он велел снять с Догони-Ветра узду и выгнать его за ворота, чтобы не занимал напрасно места в конюшне. Слепого коня работники выпроводили со двора палкой, так как он упирался и не шел.

Бедный слепой Догони-Ветер, не понимая, что с ним делают, не зная и не видя, куда идти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошел снег, спать на камнях было жестко и холодно для бедной слепой лошади. Несколько часов простояла она на одном месте; но, наконец, голод заставил ее искать пищи. Поднявши голову, нюхая в воздухе,

не попадется ли где-нибудь хоть клоч соломы со старой, осунувшейся крыши, брела наудачу слепая лошадь и натыкалась беспрестанно то на угол дома, то на забор.

Надобно вам знать, что в Винете, как и во всех старинных славянских городах, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собираясь на площадь, когда нужно было решать какие-нибудь важные дела. Такое собрание народа для решения его собственных дел, для суда и расправы, называлось вече. Посреди Винеты, на площади, где собиралось вече, висел на четырех столбах большой вечевой колокол, по звону которого собирался народ и в который мог звонить каждый, кто считал себя обиженным и требовал от народа суда и защиты.

Никто, конечно, не смел звонить в вечевой колокол по пустякам, зная, что за это от народа сильно достанется.

Бродя по площади, слепая, глухая и голодная лошадь случайно набрела на столбы, на которых висел колокол, и, думая, быть может, выгащить из стрехи пучок соломы, схватила зубами за веревку, привязанную к языку колокола, и стала дергать; колокол зазвонил так сильно, что народ, несмотря на то, что было еще рано, толпами стал сбегаться на площадь, желая знать, кто так громко требует его суда и защиты.

Все в Винете знали Догони-Ветра, знали, что он спас жизнь своему хозяину, знали обещание хозяина — и удивились, увидя посреди площади бедного коня, слепого, голодного, дрожащего от стужи, покрытого снегом.

Скоро объяснилось, в чем дело, и когда народ узнал, что богатый Уседом выгнал из дому слепую лошадь, спасшую ему жизнь, то единодушно решил, что Догони-Ветер имел полное право звонить в вечевой колокол.

Потребовали на площадь неблагодарного купца; несмотря на его оправдания, приказали ему содержать лошадь по-прежнему и кормить ее до самой ее смерти. Особый человек приставлен был смотреть за исполнением приговора, а самый приговор был вырезан на камне, поставленном в память этого события на вечевой площади...

Г. СКРЕБИЦКИЙ

Всяк по-своему

Летом в лесу, на полянке, у длинноухой зайчихи родился зайчонок. Родился он не беспомощный, голый, как какие-нибудь мышата или бельчата, совсем нет. Он явился на свет в серой пушистой шерстке, с открытыми глазками, такой шустрый, самостоятельный, сразу же мог бегать и даже прятаться от врагов в густой траве.

— Ты у меня молодец, — сказала ему зайчиха на зайчином своем языке. — Лежи здесь тихонько под кустиком, никуда не бегай, а если начнешь бегать, скакать, на земле от твоих лапок следы останутся. Наткнется на них лиса или волк, сразу тебя по следу найдут и съедят. Ну, будь умник, отдыхай, набирайся побольше сил, а мне нужно побегать, лапки размять.

И зайчиха, сделав большой прыжок, ускакала в лес. С тех пор зайчонок кормила не только родная мать, но и другие зайчихи, те, что случайно забегали на эту полянку. Ведь у зайцев так исстари завелось: наткнется зайчиха на малыша, ей все равно, свой ли, чужой, обязательно молоком покормит.

Скоро зайчонок совсем окреп, вырос, начал есть сочную траву и бегать по лесу, знакомиться с его обитателями — птицами и зверьками.

Стояли погожие дни, еды кругом было вволю, а в густой траве, в кустах легко спрятаться от врагов.

Зайчишка жил себе, не тужил. Так, ни о чем, не заботясь, и прожил косою теплое лето.

Но вот наступила осень. Захолодало. Пожелтели деревья. Ветер срывал с ветвей увядшие листья и кружил над лесом. Потом листья опускались на землю. Они лежали там беспокойно: все время возились, перешептывались между собой. И от этого лес наполнился тревожным шорохом.

Зайчишка почти не мог уснуть. Каждую минуту он настораживался, прислушивался к подозрительным звукам. Ему все казалось, что это не листья шуршат от ветра, а кто-то страшный подкрадывается к нему из-за кустов.

Заяц и днем часто вскакивал, перебегал с места на место, отыскивал укрытия понадежней. Искал и не находил.

Зато, бегая по лесу, он повидал много нового, интересного, чего раньше летом никогда не видывал. Он заметил, что все его лесные знакомцы — звери и птицы — о чем-то хлопочут, что-то делают.

Однажды он встретил белку, но она не прыгала, как обычно, с ветки на ветку, а спустилась на землю, сорвала гриб подосиновик, потом схватила его покрепче в зубы и вместе с ним вскочила на дерево. Там белка засунула гриб в развилку между сучками.

Зайчишка увидел, что на этом же дереве уже висит несколько грибов.

— Зачем ты их рвешь и вешаешь на сучки? — спросил он.

— Как — зачем? — ответила белка. — Скоро придет зима, все кругом покроется снегом, тогда трудно будет достать еду. Вот я теперь и спешу заготовить побольше запасов. Сушу на сучьях грибы, собираю в дуплах орехи и желуди. А ты разве сам не запасает на зиму еду?

— Нет, — отвечал зайчишка, — я не умею этого делать. Мама-зайчиха меня не научила.

— Плохи твои дела, — покачала головой белка. — Тогда утепли хоть получше свое гнездо, заткни мохом все щели.

— Да у меня и гнезда нет, — смутился зайчишка. — Я сплю под кустиком, где придется.

— Ну, это уж никуда не годится! — развела лапками хозяйственная белка. — Не знаю, как ты зиму переживешь без запасов еды, без теплого гнездышка.

И она вновь принялась за свои хлопоты, а зайка грустно запрыгал дальше.

Уже наступил вечер, заяц добрался до глухого оврага. Там он остановился и чутко прислушался. Вниз по оврагу с легким шумом то и дело скатывались небольшие комочки земли.

Зайчишка привстал на задние лапы, чтобы разглядеть получше, что творится там, впереди. Да это барсук хлопочет возле норы. Заяц подбежал к нему и поздоровался.

— Здравствуй, косой, — ответил барсук. — Ты все скачешь? Ну, сядь, посиди.

Ух, и устал я, даже лапы болят! Вон сколько земли из норы повыгреб.

— А зачем ты ее выгребаешь? — поинтересовался зайчишка.

— К зиме нору чищу, чтобы просторней была. Вычищу, потом моху, опавшей листвы туда нагаскаю, устрою постель. Тогда мне и зима не страшна. Лежи-поживай.

— А мне белка советовала к зиме гнездо устроить, — сказал заяц.

— Не слушай ее, — махнул лапой барсук. — Это она у птиц научилась на деревьях гнезда вить. Пустое занятие. Зверям нужно в норе жить. Вот так, как я живу. Помоги мне лучше прорыть запасные выходы из норы. Устроим все, как нужно, заберемся в нору, вместе зимовать будем.

— Нет, я не умею нору копать, — ответил зайчишка. — Да и сидеть под землей в норе не смогу, я там задохнусь. Лучше под кустиком отдыхать.

— Вот мороз тебе скоро покажет, как под кустиком отдыхать! сердито ответил барсук. — Ну, не желаешь мне помогать, тогда беги куда хочешь. Не мешай мне жилище устраивать.

Побежал зайка дальше, выбежал на берег лесной речушки. Выбежал и настожился.

Невдалеке от воды кто-то большой, неуклюжий возился возле осинки. «Бобр, он самый и есть», — разглядел зайка и в два прыжка очутился возле него.

— Здравствуй, приятель, что ты тут делаешь? — спросил зайчишка.

— Да вот тружусь, подгрызаю осину, — не спеша отвечал бобр. Повалю на землю, тогда начну обкусывать сучья, стаскивать в речку, хатку свою к зиме утеплю. Видишь, на островке мой домик — он весь из сучьев построен, а щели илом промазаны, внутри у меня тепло, уютно.

— А как же в твой домик войти? — спросил Зайчишка. — Входа нигде не видно.

— Вход в мою хатку устроен внизу, под водой. Доплыву я до островка, нырну до самого дна, там и вход в свой домик найду. Лучше нет звериного домика, чем моя хатка. Давай вместе ее утеплим к зиме, вместе и зимовать будем.

— Нет, — отвечал зайчишка, — нырять и плыть под водой я не умею, сразу же утону, лучше я под кустиком перезимую.

— Зря не хочешь со мной зимовать, — отвечал бобр и принялся грызть осинку.

А зайчишка заковылял дальше, прочь от реки, обратно в лес.

Вдруг что-то как зашуршит в кустах! Косой уже хотел броситься наутек, но тут из опавшей листвы выглянул старый знакомец — ежик.

— Здорово, дружище! — крикнул он. — Ты что это такой невеселый, уши развесил?

— Огорчили меня приятели, — отвечал зайчишка. — Говорят, нужно на зиму теплое гнездышко или хатку строить, а я не умею.

— Хатку строить? — рассмеялся ежик. — Вот глупости! Ты лучше делай так, как я делаю: каждую ночь я поплотней наедаюсь, запасаю побольше жиру, а когда достаточно запаса, тут меня начнет в сон клонить. Заберусь я тогда в опавшие листья, в мох, свернусь клубком, да и засну на всю зиму. А когда спишь, тогда ни мороз, ни ветер тебе не страшны.

— Нет, — отвечал зайчишка, — проспять я всю зиму не смогу. Сон у меня чуткий, тревожный, я поминутно от каждого шороха просыпаюсь.

— Ну, тогда делай, как знаешь, — ответил ежик. — Прощай, мне пора местечко себе для зимнего сна присмотреть.

И зверек снова скрылся в кустах.

Поплелся зайчишка дальше по лесу. Бродил, бродил. Уже и ночь прошла, утро настало. Выбрался он на полянку. Глядит — на ней много-много дроздов собралось. Все деревца облепили и по земле скачут, кричат, трещат, спорят о чем-то.

— О чем вы спорите? — спросил зайчишка дрозда, который сидел к нему поближе.

— Да вот обсуждаем, когда нам лететь отсюда на зиму в теплые страны.

— А разве в нашем лесу вы зимовать не останетесь?

— Что ты, что ты! — удивился дрозд. — Зимой выпадет снег, укроет всю землю и ветви деревьев. Где же тогда еду раздобыть? Летим с нами на юг, там зимою тепло и всякой еды вволю.

— Ты разве не видишь, у меня и крыльев нет, — грустно ответил заяц. — Я ведь зверек, а не птица. Звери летать не умеют.

— Вот и неправда, — возразил дрозд. — Летучие мыши тоже зверьки, а летают не хуже нас, птиц. Они уже улетели на юг, в теплые страны.

Зайчишка ничего не ответил дрозду, махнул только лапкой, да и побежал прочь.

«Как же я зимовать буду? — тревожно думал он. — Все звери и птицы каждый по своему к зиме готовятся. А у меня нет ни теплого гнездышка, ни запасов еды, и лететь на юг я не сумею. Наверное, мне придется умереть от голода и холода».

Прошел еще месяц. Кусты и деревья сбросили последние листья. Наступила пора дождей, холодов. Лес сделался хмурым, унылым. Большинство птиц улетело в теплые страны. Звери попрятались в норы, в гнезда, в логовища. Невесело было зайчишке в пустом лесу, да к тому же с ним приключилась беда: зайка вдруг заметил, что шкурка на нем начала белеть. Летняя, серая шерсть

сменялась новой — пушистой, теплой, но зато совсем белой. Сперва побелели задние ноги, бока, потом спинка и, наконец, голова. Только кончики ушей остались черными.

«Как же мне теперь от врагов прятаться? — с ужасом думал заяц. В белой шубе меня и лисица, и ястреб сразу заметят». И зайчишка забивался в самую глушь, под кусты, в болотистые заросли. Однако и там белая шубка легко могла его выдать зоркому глазу хищника.

Но вот однажды, когда зайчишка лежал, забравшись под кустик, он увидел, что все кругом как-то вдруг потемнело. Небо укрыли тучи; однако из них не закапал дождь, а посыпалось что-то белое и холодное.

Первые снежинки закружились в воздухе, стали садиться на землю, на блеклую траву, на голые сучья кустов и деревьев. С каждой секундой снег падал все гуще и гуще. Уже невозможно было разглядеть ближайшие деревья. Все утонуло в сплошном белом потоке.

Снег перестал только к вечеру. Небо прояснилось, выглянули звезды, яркие и лучистые, как голубые морозные иглы. Они осветили поля и леса, принаряженные, укрытые белым покровом зимы.

Уже давно наступила ночь, а зайчишка все лежал под кустом. Ему страшно было выбраться из своей засады и отправиться на ночную прогулку по этой необычно белой земле.

Наконец голод все же заставил его покинуть убежище и поискать еду.

Найти ее было не так уж трудно — снег только слегка прикрывал землю и даже не спрятал самых маленьких кустиков.

Но случилась совсем другая беда: едва зайчишка выскочил из-под кустов и перебежал полянку, он с ужасом увидел, что всюду за ним тянется вереница его следов.

«По таким следам любой враг меня легко может найти», — подумал косой.

Поэтому, когда под утро он снова отправился на дневной отдых, заяц еще тщательнее, чем раньше, запутал свои следы.

Только проделав это, он спрятался под кустик и задремал.

Но зима принесла с собой не одни огорчения. Когда рассвело, зайчишка с радостью увидел, что его белая шубка совсем незаметна на белом снегу. Заяц будто оделся в шубку-невидимку. К тому же она была куда теплее его летней серенькой шкурки, отлично спасала от мороза и ветра.

«Зима не так уж страшна», — решил зайчишка и спокойно задремал на весь день до вечера.

Но таким приятным оказалось только начало зимы, а потом дело пошло все хуже и хуже. Снегу нападало очень много. Его почти невозможно было разрыть, чтобы добраться до уцелевшей зелени. Заячишка напрасно бегал по высоким сугробам в поисках пищи. Не часто удавалось ему пожевать какую-нибудь торчавшую из-под снега веточку.

Однажды, бегая в поисках еды, заяц увидел лесных великанов лосей. Они спокойно стояли в осиннике и с аппетитом обглаживали кору и побеги молодых осинков.

«Дай-ка и я попробую, — подумал зайчишка. — Только вот беда: у лосей ноги высокие, шеи длинные, им легко дотянуться до молодых побегов, а я как же достану?»

Но тут ему на глаза попался высокий снежный сугроб. Заячишка вскочил на него, встал на задние лапы, легко дотянулся до молодых, тонких веточек и стал их обглаживать. Потом и кору осинки погрыз.

Все это ему показалось очень вкусным, и он наелся досыта.

«Значит, снег большой беды не наделал, — решил косой. — Он спрятал траву, но зато позволил добраться до веток кустов и деревьев».

Все было бы ничего, вот только мороз и ветер начали донимать зайчишку. Не спасала его даже теплая шубка. От стужи некуда было спрятаться в голом зимнем лесу.

«Ух, как холодно!» — говорил косой, бегая по лесной полянке, чтобы немного согреться.

Наступил уже день, давно пора отправляться на отдых, а заяц все никак не мог разыскать себе место, чтобы укрыться от ледяного ветра.

На самом краю поляны росли березы. Вдруг зайчишка увидел, что на них спокойно расселись и кормятся большие лесные птицы — тетерева. Они прилетели сюда, чтобы полакомиться сережками, которые висели на концах тонких ветвей.

— Ну, наелись — пора отдохнуть, — сказал старый тетерев своим собратьям. — Скорей спрячемся в норки от сердитого ветра.

«Какие же могут быть норки у тетеревов?» — удивился зайчишка.

Но тут он увидел, что старый тетерев, сорвавшись с ветки, комом упал прямо в снег, будто в воду нырнул. Точно также поступили и другие тетерева, и скоро вся стая скрылась под снегом.

«Неужели же там тепло?» — удивился зайчишка и решил тут же попробовать вырыть себе снежную норку. И что же? В норке под снегом оказалось куда теплее, чем на поверхности. Ветер не продувал, да и мороз донимал много меньше.

С этих пор зайчишка вполне освоился с тем, как ему зимовать. Белая шубка в белом лесу укрывала его от глаз врага, сугробы снега помогали добраться до сочных побегов, а глубокая норка в снегу спасала от холода. Заячишка чувствовал себя зимою среди заснеженных кустов не хуже, чем летом в зеленых цветущих зарослях. Он даже и не заметил, как миновала зима.

И вот снова пригрело солнце, растопило снег, вновь зазеленела трава, распустились листья на кустах и деревьях. Из южных стран возвратились птицы.

Хлопотунья белка вылезла из гнезда, где пряталась зимою от холода. Выбрались из своих убежищ барсук, бобр и колючий ежик. Каждый из них рассказал о

том, как он проводил долгую зиму. Каждый считал, что провел ее лучше других. И все вместе они удивлялись, глядя на зайца. Как же, бедняга, он зимовал без теплого гнездышка, без норы, без съестных запасов? А заяка слушал своих друзей да только посмеивался. Ведь ему совсем неплохо жилось зимой в его белоснежной шубке-невидимке.

На нем и теперь, весной, тоже была шубка-невидимка, только другая, под цвет земли — не белая, а серенькая.

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

Соль Земли

Было это так давно, что не помнят серые валуны и сам седой месяц забыл. Земля была черной, плодородной, не то что теперь, а на земле росли такие деревья, ну такие цветы. И был вечный день. Раздолье было тогда всякой нечисти. Тешилась, скакала она на воле, и не мешал ей человек веселиться, темную свою исподь показывать. В лесу жил Лесовик-Дубовик, а кожа его, как кора у дуба. Водой Водяной распорядился. В лесу жили и девушки лесные — лесавки, а в воде — русалки. Сходились они на берегу при месяце в игры играть, пели песни.

Было так до тех пор, пока Лесовик у Водяного дочку не украл. Вот как случилось это.

Играли однажды девушки, лесные лесавки и русалки, а была с ними дочь Водяного — красавица из красавиц. Побежала она в лес, а там Лесовик — цап, цап. Загудело, зашумело — и нету девушки! Схихонулись русалки, а девушки лесные по кустам рассыпались, Водяного боялись, что на них подумает. А Водяной в эту пору сладко похрапывал, по воде пузыри пускал. Разбудили его, горе поведали. Рассердился Водяной — посинел весь, и пошла тут сумятица. Расплескалось озеро, волна, что гора идет, а другая еще больше догоняет волну.

Лезет Водяной на берег с Лесовиком управиться. Рожа у него синяя — пресиняя, на голове шапка торчит, сплетена из водорослей. Лезет, тростник ломит, за собой дорогу оставляет.

Не видал лес такой бури, много деревьев жизни положили.

Спорил Водяной с Лесовиком старым:

— Отдай дочь, не то весь лес размечу!

— Горяч, рыло водное, не совладаешь. Я те ткну суком, вода потечет — конец тебе!

Видит Водяной — не совладать ему с лесным дедом, просить принялся.

— Отдай, товарищ старинный, дочушку, пожалей меня. — И заплакал. Любил поплакать Водяной.

— Ладно, отдам, тока ты мне наперед Соль Земли добудь!

Сказал — как не был, только шишки оземь стрекочут.

Созвал Водяной помощников своих — старых и малых, усадил в кружок и рассказал, какую задачу загнул ему Лесовик:

— Достань Соль Земли!

А где она есть, кто ж его знает. Один болотяник — Яшкой звать, сидел, сидел, как крикнет:

— А я, дядька, знаю, я щас.

И только его и видели, ускакал Соль Земли доставать. Ждут его час, ждут два — нету Яшки, пропал. Заперся Водяной, не пьет, не ест и никого к себе не пускает. Синяя стала в озере вода, а над озером тучи висят. Грустит Водяной.

Есть Земля на земле — верстами не измерена, шагами не меряна — ни длины, ни ширины, а стоит на той Земле дуб, на дубу том вороны сидят. У них то и есть Соль Земли.

Прытко бежал болотяник Яшка и прямо к этому самому дубу. И уж совсем близко, уж видит дуб, а никак к дубу не подойти — там земля, верстами не меряна, шагами не измерена — ни длины, ни ширины. Лететь к дубу нужно, а у Яшки крылья — какие ж крылья, а без крыльев не полетишь. Да Яшка не таков. Присмотрел он гнездо ястребиное, да к гнезду ястребиному припал на брюхо, и долго ждать не пришлось — прилетел в гнездо ястреб. Много ль надо Яшке. Размахнулся палкой — вот тебе и крылья. Крылья задрал, привязал к спине лыком и очутился на дубу.

На дубу два ворона смиренхонько сидят, не ворохнутся. Сцапал Яшка одного, другого, попробовал слезть, а руки заняты, ухватиться нечем. Пробовал одного в зубы брать — да птица большая, глаза заслоняет. Бился, бился болотяник — ничего у него не выходит, а день к концу идет. Скоро срок, а нужно еще до озера бежать. Яшка — чертячья порода хитрая, изворотливая. И придумал Яшка, как из беды выкрутиться.

Одного ворона он пустил, а вместо него поймал на дороге черную птицу — грача и понес к Водяному.

Прибежал Яшка к Водяному, стучится. Обрадовался Водяной — двух воронов принес ему Яшка. Целоваться лезет и сует Яшке в копыто янтарю кусочек. Уж очень доволен и неприметно ему, что надул его Яшка.

Посадил Водяной чудесных птиц в клетку и понес к Лесовику.

Жил Лесовик в хоромах из пней вывороченных, срубленных громом. Богато жил Лесовик. Стучится Водяной к Лесовику:

— Получай Соль Земли!

Глядит Водяной и глазам не верит — выбежала на крыльцо дочь и в ноги, а за ней сам Лесовик.

— Батюшка Водяной, не сердись, не пыхти, хорош был Лесовик со мной, пообвыкла я и хочу жить у него.

У Водяного и клетка из рук — ничего сказать не может, давно хотелось ему в мире с Лесовиком жить — и заплакал. Любил Водяной поплакать, — и потекли слезы ручьями веселыми, говорливыми, и до сей поры текут они под корнями древесными, радостные лесные ручьи.

Велика была в лесу радость, весело шумели могучие сосны, заговорили высокие сосны, и сама береза подняла на этот раз свои плакучие ветви.

На радостях чуть было про птиц не забыли, да вспомнила дочь-русалка.

— Нынче всем праздник!

И выпустила на волю ворона и черную птицу грача.

И тут великое приключилось чудо: земля побелела. Побелела земля наполовину и перестала родить, как прежде.

И никто не знал, откуда беда такая. Один знал — плут Яшка. Соль-то Земли в двух воронах заключалась, а как одного не стало — побелела земля наполовину, упали высокие деревья, приувяли цветы и не стало вечного дня. Впервые сошла на землю темная ночь.

Это одинокий печальный ворон вылетает искать своего брата, и его печаль темная закрывает солнце, и сходит тогда на землю мрак.

Раньше-то люди не знали ночи и ничего не боялись. Не было страха, не было преступлений, а как стала ночь, под ее темным покровом начались злые дела.

Летает одинокий ворон, ищет брата — и не находит. Земля, где на дубу живет брат, верстами не измерена, шагами не меряна — ни длины, ни ширины. А если когда-нибудь найдет ворон своего брата, опять засияет над землей яркое солнце, и придет вечный день.

Когда это будет — кто знает, кто скажет. Это не сказать, а вот про то, как Лесовик на Водяного дочке женился — я могу.

Долго тогда веселилось Лесное и Водяное. И такое было веселье, и такая была радость, что самое горе земли всей нипочем показалось. И живут теперь Водяной и Лесовик в превеликой дружбе, и даже один без другого жить не может.

Где вода — там и лес, а где лес повырывают, — там и вода усыхает.

К. ПАУСТОВСКИЙ

ТЕПЛЫЙ ХЛЕБ

Когда кавалеристы проходили через деревню Бережки, немецкий снаряд разорвался на околице и ранил в ногу вороного коня. Командир оставил раненого коня в деревне, а отряд ушел дальше, пыля и позванивая удилами, — ушел, закатился за рощи, за холмы, где ветер качал спелую рожь.

Коня взял к себе мельник Панкрат. Мельница давно не работала, но мучная пыль навеки въелась в Панкрата. Она лежала серой коркой на его ватнике и картузе. Из-под картуза посматривали на всех быстрые глаза мельника. Панкрат был скорый на работу, сердитый старик, и ребята считали его колдуном.

Панкрат вылечил коня. Конь остался при мельнице и терпеливо возил глину, навоз и жерди — помогал Панкрату чинить плотину.

Панкрату трудно было прокормить коня, и конь начал ходить по дворам побираться. Постоит, пофыркает, постучит мордой в калитку, и, глядишь, ему вынесут

свекольной ботвы или черствого хлеба, или, случалось даже, сладкую морковку. По деревне говорили, что конь ничей, а вернее — общественный, и каждый считал своей обязанностью его покормить. К тому же конь — раненый, пострадал от врага.

Жил в Бережках со своей бабкой мальчик Филька, по прозвищу «Ну Тебя». Филька был молчаливый, недоверчивый, и любимым его выражением было: «Да ну тебя!». Предлагал ли ему соседский мальчишка походить на ходулях или поискать позеленевшие патроны, Филька отвечал сердитым басом: «Да ну тебя! Ищи сам!». Когда бабка выговаривала ему за неласковость, Филька отворачивался и бормотал: «Да ну тебя! Надоела!».

Зима в этот год стояла теплая. В воздухе висел дым. Снег выпадал и тотчас таял. Мокрые вороны садились на печные трубы, чтобы обсохнуть, толкались, каркали друг на друга. Около мельничного лотка вода не замерзала, а стояла черная, тихая, и в ней кружились льдинки.

Панкрат починил к тому времени мельницу и собирался молотить хлеб: хозяйки жаловались, что мука кончается, осталось у каждой на два-три дня, а зерно лежит немолотое.

В один из таких теплых серых дней раненый конь постучал мордой в калитку к Филькиной бабке. Бабки не было дома, а Филька сидел за столом и жевал кусок хлеба, круто посыпанный солью.

Филька нехотя встал, вышел за калитку. Конь переступил с ноги на ногу и потянулся к хлебу. «Да ну тебя! Дьявол!» — крикнул Филька и наотмашь ударил коня по губам. Конь отшатнулся, замотал головой, а Филька закинул хлеб далеко в рыхлый снег и закричал:

— На вас не напасешься, на христарадников! Вон твой хлеб! Иди, копай его мордой из-под снега! Иди, копай!

И вот после этого злорадного окрика и случились в Бережках те удивительные дела, о каких и сейчас люди говорят, покачивая головами, потому что сами не знают, было ли это или ничего такого и не было.

Слеза скатилась у коня из глаз. Конь заржал жалобно, протяжно, взмахнул хвостом, и тотчас в голых деревьях, в изгородях и печных трубах завыл, засвистел пронзительный ветер, вздул снег, запорошил Фильке горло. Филька бросился обратно в дом, но никак не мог найти крыльца — так уже мело кругом и хлестало в глаза. Летела по ветру мерзлая солома с крыш, ломались скворечни, хлопали оторванные ставни. И все выше взвивались столбы снежной пыли с окрестных полей, неслись на деревню, шурша, крутясь, перегоняя друг друга.

Филька вскочил наконец в избу, припер дверь, сказал: «Да ну тебя!» — и прислушался. Ревела, обезумев, метель, но сквозь ее рев Филька слышал тонкий и короткий свист — так свистит конский хвост, когда рассерженный конь бьет им себя по бокам.

Метель начала затихать к вечеру, и только тогда смогла добраться к себе в избу от соседки Филькина бабка. А к ночи небо зазеленело, как лед, звезды примерзли

к небесному своду, и колючий мороз прошел по деревне. Никто его не видел, но каждый слышал скрип его валенок по твердому снегу, слышал, как мороз, озоруя, стискивал толстые бревна в стенах, и они трещали и лопались.

Бабка, плача, сказала Фильке, что наверняка уже замерзли колодцы и теперь их ждет неминуемая смерть. Воды нет, мука у всех вышла, а мельница работать теперь не сможет, потому что река застыла до самого дна.

Филька тоже заплакал от страха, когда мыши начали выбегать из подпола и хорониться под печкой в соломе, где еще оставалось немного тепла. «Да ну вас! Проклятые!» — кричал он на мышей, но мыши все лезли из подпола. Филька забрался на печь, укрылся тулупчиком, весь трясся и слушал причитания бабки.

— Сто лет назад упал на нашу округу такой же лютой мороз, — говорила бабка. — Заморозил колодцы, побил птиц, высушил до корня леса и сады. Десять лет после того не цвели ни деревья, ни травы. Семена в земле пожухли и пропали. Голая стояла наша земля. Обегал ее стороной всякий зверь — боялся пустыни.

— Отчего же трясся тот мороз? — спросил Филька.

— От злобы людской, — ответила бабка. — Шел через нашу деревню старый солдат, попросил в избе хлеба, а хозяин, злой мужик, заспанный, крикливый, возьми и дай одну только черствую корку. И то не дал в руки, а швырнул на пол и говорит: «Вот тебе! Жуй!».

— «Мне хлеб с полу поднять невозможно, — говорит солдат. — У меня вместо ноги деревяшка». — «А ногу куда девал?» — спрашивает мужик. «Утерел я ногу на Балканских горах в турецкой баталии», — отвечает солдат. «Ничего. Раз дюже голодный — подымешь, — засмеялся мужик. — Тут тебе камердинеров нету». Солдат покряхтел, изловчился, поднял корку и видит — это не хлеб, а одна зеленая плесень. Один яд! Тогда солдат вышел на двор, свистнул — и враз сорвалась метель, пурга, буря закружила деревню, крыши посрывала, а потом ударил лютой мороз. И мужик тот помер.

— Отчего же он помер? — хрипло спросил Филька.

— От охлаждения сердца, — ответила бабка, помолчала и добавила: — Знать, и нынче завелся в Бережках дурной человек, обидчик, и сотворил злое дело. Оттого и мороз.

— Чего ж теперь делать, бабка? — спросил Филька из-под тулупа. — Неужто помирать?

— Зачем помирать? Надеяться надо.

— На что?

— На то, что поправит дурной человек свое злодейство.

— А как его исправить? — спросил, всхлипывая, Филька.

— А об этом Панкрат знает, мельник. Он старик хитрый, ученый. Его спросить надо. Да неужто в такую стужу до мельницы добежишь? Сразу кровь остановится.

— Да ну его, Панкрата! — сказал Филька и затих.

Ночью он слез с печи. Бабка спала, сидя на лавке. За окнами воздух был синий, густой, страшный. В чистом небе над осокорями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами.

Филька запахнул тулупчик, выскочил на улицу и побежал к мельнице. Снег пел под ногами, будто артель веселых пильщиков пилила под корень березовую рощу за рекой. Казалось, воздух замерз и между землей и луной осталась одна пустота жгучая и такая ясная, что если бы подняло пылинку на километр от земли, то и ее было бы видно и она светилась бы и мерцала, как маленькая звезда.

Черные ивы около мельничной плотины поседел от стужи. Ветки их поблескивали, как стеклянные. Воздух колот Фильке грудь. Бежать он уже не мог, а тяжело шел, загребая снег валенками.

Филька постучал в окошко Панкратовой избы. Тотчас в сарае за избой заржал и забил копытом раненый конь. Филька охнул, присел от страха на корточки, затаился. Панкрат отворил дверь, схватил Фильку за шиворот и втащил в избу.

— Садись к печке, — сказал он. — Рассказывай, пока не замерз.

Филька, плача, рассказал Панкрату, как он обидел раненого коня и как из-за этого упал на деревню мороз.

— Да-а, — вздохнул Панкрат, — плохо твое дело! Выходит, что из-за тебя всем пропадать. Зачем коня обидел? За что? Бессмысленный ты гражданин!

Филька сопел, вытирал рукавом глаза.

— Ты брось реветь! — строго сказал Панкрат. — Реветь вы все мастера. Чуть что нашкодил — сейчас в рев. Но только в этом я смысла не вижу. Мельница моя стоит, как запаянная морозом навеки, а муки нет, и воды нет, и что нам придумать — неизвестно.

— Чего же мне теперь делать, дедушка Панкрат? — спросил Филька.

— Изобрести спасение от стужи. Тогда перед людьми не будет твоей вины. И перед раненой лошастью — тоже. Будешь ты чистый человек, веселый. Каждый тебя по плечу потреплет и простит. Понятно?

— Понятно, — ответил упавшим голосом Филька.

— Ну, вот и придумай. Даю тебе сроку час с четвертью.

В сенях у Панкрата жила сорока. Она не спала от холода, сидела на хомуте подслушивала. Потом она боком, озираясь, поскакала к щели под дверью. Выскочила наружу, прыгнула на перильца и полетела прямо на юг. Сорока была опытная, старая и нарочно летела у самой земли, потому что от деревень и лесов все-таки тянуло теплом, и сорока не боялась замерзнуть. Никто ее не видел, только лисица в осиновом яру высунула морду из норы, повела носом, заметила, как темной тенью пронеслась по небу сорока, шаркнулась обратно в нору и долго сидела, почесываясь и соображая: куда ж это в такую страшную ночь подалась сорока?

А Филька в это время сидел на лавке, ерзал, придумывал.

— Ну, — сказал, наконец, Панкрат, затаптывая махорочную сигарку, — время твое вышло. Выкладывай! Льготного срока не будет.

— Я, дедушка Панкрат, — сказал Филька, — как рассветет, соберу со всей деревни ребят. Возьмем мы ломы, пешни, топоры, будем рубить лед у лотка около мельницы, покамест не дорубимся до воды и не потечет она на колесо. Как пойдет вода, ты пускай мельницу! Повернешь колесо двадцать раз, она разогреется и начнет молоть. Будет, значит, и мука, и вода, и всеобщее спасение.

— Ишь ты, шустрый какой! — сказал мельник, — Подо льдом, конечно, вода есть. А ежели лед толщиной в твой рост, что ты будешь делать?

— Да ну его! — сказал Филька. — Пробьем мы, ребята, и такой лед!

— А ежели замерзнете?

— Костры будем жечь.

— А ежели не согласятся ребята за твою дурь расплавиться своим горбом? Ежели скажут: «Да ну его! Сам виноват — пусть сам лед и скалывает».

— Согласятся! Я их умолю. Наши ребята — хорошие.

— Ну, валяй, собирай ребят. А я со стариками потолкую. Может, и старики натянут рукавицы да возьмутся за ломы.

В морозные дни солнце восходит багровое, в тяжелом дыму. И в это утро поднялось над Бережками такое солнце. На реке был слышен частый стук ломов. Трещали костры. Ребята и старики работали с самого рассвета, скалывали лед у мельницы. И никто сгоряча не заметил, что после полудня небо затянулось низкими облаками, и задул по седым ивам ровный и теплый ветер. А когда заметили, что переменялась погода, ветки ив уже оттаяли, и весело, гулко зашумела за рекой мокрая березовая роща. В воздухе запахло весной, навозом.

Ветер дул с юга. С каждым часом становилось все теплее. С крыш падали и со звоном разбивались сосульки. Вороны вылезли из-под застрех и снова обсыхали на трубах, толкались, каркали.

Не было только старой сороки. Она прилетела к вечеру, когда от теплоты лед начал оседать, работа у мельницы пошла быстро и показалась первая полынья с темной водой.

Мальчишки стащили треухи и прокричали «ура». Панкрат говорил, что если бы не теплый ветер, то, пожалуй, и не обколоть бы лед ребятам и старикам. А сорока сидела на раките над плотиной, трещала, трясла хвостом, кланялась на все стороны и что-то рассказывала, но никто, кроме ворон, ее не понял. А сорока рассказывала, что она долетела до теплого моря, где спал в горах летний ветер, разбудила его, натрещала ему про лютый мороз и упростила его прогнать этот мороз, помочь людям.

Ветер будто бы не осмелился отказать ей, сороке, и задул, понесся над полями, посвистывая и посмеиваясь над морозом. И если хорошенько прислушаться, то уже слышно, как по оврагам под снегом бурлит-журчит теплая вода, моет корни брусники, ломает лед на реке.

Всем известно, что сорока — самая болтливая птица на свете, и потому вороны ей не поверили — покаркали только между собой: что вот, мол, опять завралась старая.

Так до сих пор никто и не знает, правду ли говорила сорока, или все это она выдумала от хвастовства. Одно только известно, что к вечеру лед треснул, разошелся, ребята и старики нажали — и в мельничный лоток хлынула с шумом вода.

Старое колесо скрипнуло — с него посыпались сосульки — и медленно повернулось. Заскрежетали жернова, потом колесо повернулось быстрее, и вдруг вся старая мельница затряслась, заходила ходуном и пошла стучать, скрипеть, молоть зерно. Панкрат сыпал зерно, а из-под жернова лилась в мешки горячая мука. Женщины окунали в нее озябшие руки и смеялись.

По всем дворам кололи звонкие березовые дрова. Избы светились от жаркого печного огня. Женщины месили тугое сладкое тесто. И все, что было живого в избах — ребята, кошки, даже мыши, — все это вертелось около хозяек, а хозяйки шлепали ребят по спине белой от муки рукой, чтобы не лезли в самую квашню и не мешались.

Ночью по деревне стоял такой запах теплого хлеба с румяной коркой, с пригоревшими к донцу капустными листьями, что даже лисицы вылезли из нор, сидели на снегу, дрожали и тихонько скулили, соображая, как бы словчиться стащить у людей хоть кусочек этого чудесного хлеба. На следующее утро Филька пришел вместе с ребятами к мельнице. Ветер гнал по синему небу рыхлые тучи и не давал им ни на минуту перевести дух, и потому по земле неслись вперемежку то холодные тени, то горячие солнечные пятна.

Филька тащил буханку свежего хлеба, а совсем маленький мальчик Николка держал деревянную солонку с крупной желтой солью. Панкрат вышел на порог, спросил:

— Что за явление? Мне, что ли, хлеб-соль подносите? За какие такие заслуги?

— Да нет! — закричали ребята. — Тебе будет особо. А это раненому коню. От Фильки. Помирить мы их хотим.

— Ну что ж, — сказал Панкрат, — не только человеку извинение требуется. Сейчас я вам коня представлю в натуре.

Панкрат отворил ворота сарая, выпустил коня. Конь вышел, вытянул голову, заржал — учуял запах свежего хлеба. Филька разломил буханку, посолил хлеб из солонки и протянул коню. Но конь хлеба не взял, начал мелко перебирать ногами, попятился в сарай. Испугался Фильки. Тогда Филька перед всей деревней громко заплакал. Ребята зашептались и притихли, а Панкрат потрепал коня по шее и сказал:

— Не пужайся, Мальчик! Филька не злой человек. Зачем же его обижать? Бери хлеб, мирись!

Конь помотал головой, подумал, потом осторожно вытянул шею и взял, наконец, хлеб из рук Фильки мягкими губами. Съел один кусок, обнюхал Фильку и взял второй кусок. Филька ухмылялся сквозь слезы, а конь жевал хлеб, фыркал. А когда съел весь хлеб, положил голову Фильке на плечо, вздохнул и закрыл глаза от сытости и удовольствия.

Все улыбались, радовались. Только старая сорока сидела на раките и сердито трещала: должно быть, опять хвасталась, что это ей одной удалось помирить коня с Филькой. Но никто ее не слушал и не понимал, и сорока от этого сердилась все больше и трещала, как пулемет.

К. ДРАГУНСКАЯ

Лекарство от послушности

Однажды в июне, в сумерках, после дождя, когда всюду тепло, и туман, и немножко грустно, в лесу, под маленькими елочками, где мох, завелся гномик. Ведь уже давно известно, что гномики появляются сами по себе, — от тумана, сумерек, тепла, и моха, и грусти. Об этом писали в журнале «Волшебные известия» за позапрошлый год. Там так прямо и написано, по-научному: ТУМАН + СУМЕРКИ + ТЕПЛО + ГРУСТНО = ГНОМИК. Только не надо пытаться завести гномика у себя дома. Вот один мой знакомый, Андрей Владимирович, как-то попробовал. Набрал мох в лукошко, большую банку тумана насобирав, в сумерках сел в теплой комнате и стал грустить. Думаете, у него получился гномик? Ха-ха! Получились грибы. Самые обыкновенные разноцветные сыроежки. Но когда он вымыл их, и совсем уж было собрался сварить, сыроежки засмеялись и убежали.

Так вот, однажды в июне, в сумерках, после дождя, когда всюду тепло, и туман, и немножко грустно, в лесу, под маленькими елочками, где мох, завелся гномик. «Подожду, вдруг еще кто-нибудь заведется», — решил гномик и сел на пенек. Но никто не появлялся. «Значит, я завелся один, — сообразил он. — Вперед! К делу!». Он выбрался на дорогу. Дорога была коричневая. На ней были лужи, и в них отражалось светлое вечернее небо. В лесу становилось все тише. Птицы засыпали. От травы и дороги поднимался туман. «До чего же хорошо жить на свете!» — подумал гномик. На берегу большой лужи он увидел красный игрушечный автомобиль, вскочил в кабину и помчался, освещая дорогу маленьким фонарем, сделанным из старой лампочки от елочной гирлянды.

Но гномики заводятся не просто от грусти, тепла, тумана и сумерек. Они появляются тогда, когда кто-то очень захочет, чтобы они появились. Когда они кому-нибудь очень нужны.

А гномик был очень нужен! Дело в том, что недалеко от леса, на берегу реки, в старом доме с колоннами жили ужасно примерные дети. Это был такой санаторий для ужасно примерных детей. Дети были совсем примерные — они никогда не жгли костров, не приносили домой маленьких собачат и котят, не лазали по деревьям, не ходили гулять на крыши, не путешествовали по лужам и не пачкали одежду, не разбивали коленки, не верили в гномиков. Они целыми днями ходили парами друг за другом, хором пели песню «ВМЕСТЕ ВЕСЕЛО ШАГАТЬ» и ябедничали друг на друга. Дети были до того примерные, что сам знаменитый

доктор Пяткин не знал, как их вылечить. Потому что от непослушности лекарства уже были, а от послушности — нет. И доктор Пяткин совсем загрустил и даже подумал: «Вот бы чудо какое-нибудь случилось. Волшебство!». И от этого его большого хотения завелся гномик.

Гномик на красном автомобиле приехал в санаторий утром. Дети сидели на скамейке, сложив руки на коленях, и шепотом рассказывали друг другу таблицу умножения.

Гномик поскорее превратился в маленького пушистого котенка и сел перед скамейкой, жалобно мяукая.

— Смотрите, котенок! — сказала девочка с бантиками.

— Заразный, наверное, — сказала другая девочка.

— От котят лишаи, — сказал рыжий мальчишка.

— И глисты! — прибавил мальчик в очках.

— Надо позвать воспитательницу! — решил большой мальчик.

— Пусть посадит его в мусорное ведро! — сказала девочка с хвостиками.

Гном испугался мусорного ведра и поскорее превратился в мяч и весело прыгал по дорожке.

— Смотрите, сейчас он попадет в окно и разобьет стекло! — сказал мальчик в очках.

— Позовите воспитательницу, пусть запрет его в кладовке.

Гномику не хотелось в кладовку. Он превратился в художника с красками и сказал:

— Давайте я нарисую вас всех прямо тут, на асфальте.

Тогда дети построились парами и пошли к воспитательнице и сказали ей хором:

— А чего там дядька какой-то сейчас асфальт своими красками вымажет?

— Где дядька? Какой дядька? — воспитательница Алла Потаповна вышла на улицу.

А гномик уже превратился в невидимку.

— Да ведь тут никого нет, — сказала Алла Потаповна. А сама подумала: «Так, вот они уже начинают что-то выдумывать. Обязательно расскажу об этом доктору Пяткину. Может быть, дети выздоравливают?».

И ушла.

А гномик превратился в самого себя, в гномика на красном автомобильчике, и сказал:

— Знаете, ребята, скажу честно, я — гномик.

— Гномиков не бывает, — хором сказали примерные дети.

И тогда гномик совсем обиделся. Еще бы не обидеться — ты спешешь на помощь в красном автомобиле, смотришь, слышишь, разговариваешь и превращаешься изо всех сил, а тебе говорят, что тебя не бывает.

«Ну, хорошо же!» — подумал гномик и превратился в дождь.

Дождь немного намочил детей, и они превратились в маленьких лягушат.

— Дети, идите есть клубнику с молоком! — позвала воспитательница Алла Потаповна и вышла на крыльцо.

Но никаких детей не было.

— Куда же они подевались? — удивилась Алла Потаповна. — И откуда столько лягушат?

— Это мы! Это мы! — закричали лягушата и стали подпрыгивать, чтобы Алла Потаповна их получше разглядела.

— Что за шутки? — строго спросила Алла Потаповна и прибавила жалобно: — Дети, перестаньте безобразничать.

Она наклонилась и увидела, что у одного лягушонка веснушки, у другого — очки, а третий — с бантиками.

Она схватилась за голову:

— Кто вам разрешил превращаться в лягушат?! Нет, это не санаторий для при- мерных детей. Это просто зоопарк для безобразников! Сию минуту превращай- тесь обратно!

— Мы не можем! — завопили дети. — Нас заколдовали!

— Не выдумывайте! — рассердилась Алла Потаповна. — Превращайтесь обратно! Считаю до трех! Раз! Два! Два с половиной! Два и три четверти! Три!!!

Но никто не превратился.

Алла Потаповна всплеснула руками и побежала звонить доктору Пяткину. А лягушата прыгали парами и хором пели песню «В ТРАВЕ СИДЕЛ КУЗНЕЧИК».

«Так вам и надо!» — сердито подумал гномик. Он превратился в еловую шиш- ку и смотрел на лягушат с высокой-высокой елки.

Приехал доктор Пяткин.

— Здравствуйте! — хором закричали лягушата.

Доктор надел очки, наклонился поближе к лягушатам, снял очки и упал в об- морок. Но тут же вскочил на ноги и сказал:

— Случай очень сложный! Необходимо посоветоваться с заграничными док- торами и знатоками лягушек. Я немедленно увожу лягушат в Америку. Алла По- таповна, вызывайте вертолет!

— Не хотим в Америку! — захныкали лягушата. А один, самый большой и толстый, стал плакать и звать маму.

«Ну ладно. Так уж и быть», — подумал гномик. И как был еловой шишкой, так и свалился с елки. Шишка упала на лягушат, и они превратились в детей. Дети стояли и чихали, чихали, чихали. Из их носов вылетали очень красивые разноц- ветные бабочки.

Когда бабочки кончились, доктор вытер лысину платком и спросил:

— А бабочки-то как у вас в носах очутились?

— Это все он, он, — закричали дети. — Такой меховой, маленький, с бородой и в красной шапочке. То в мяч превратится, то в котенка. На красном автомобиле приехал. Гномик, в общем!

— Но ведь гномиков не бывает! — сказал доктор Пяткин.

— Еще как бывают! — закричали дети. — Да вот он, вот он!

На дороге сидел маленький и толстый щенок с висячими ушками.

— Какой же это гномик? — удивился доктор. — Это щенок.

— Он только притворяется щенком. А сам сейчас ка-ак превратит нас опять...

Доктор Пяткин взял щенка под пузико и внимательно рассмотрел. Щенок тьяк- нул и лизнул доктора в щеку.

— Наверное, он есть хочет, — догадался толстый мальчик.

— Надо было его сразу накормить, когда он в котенка превратился, — сказала девочка с бантиками.

— Давайте же скорее его кормить! — крикнул мальчик в веснушках. — Я ему свой суп отдам.

— А я компот!

— А я положу его спать к себе на подушку!

Дети схватили щенка и потащили в дом.

«Удивительно! — подумал доктор Пяткин. — Без всякого лечения за несколь- ко дней примерные дети стали самыми настоящими выдумщиками!»

И правда, с тех пор дети перестали ябедничать, полюбили котят и щенков и верят в гномов.

А гномик уехал на красном автомобильчике обратно в лес, спрятался в теп- лый мох и спит, пока не придет время снова появляться, если кому-нибудь по- надобится.

А щенок был настоящий щенок, а не гном. Щенок давно вырос и стал здоро- венным барбосом.



Поэзия

Л. СТАНЧЕВ

Осенняя гамма

(Пер. с болг. И. Токмаковой)

Пусто чижики гнездо.
До.
День осенний на дворе.
Ре.
Воет ветер за дверьми.
До. Ре. Ми.
Светлых дней пуста графа.
Фа.
Побелела вся земля.
Ля.
Лёд на лужах, словно соль.
Соль.
Шапку тёплую носи.
Си.
До. Ре. Ми. Фа. Соль. Ля. Си. До.
Дождь. Дождь. Дождь. Дождь.
Снег!

Э. ЛИП

Лимерики

(Пер. с англ. Г. Кружкова)

Жил-был старичок из Гонконга,
Танцевавший под музыку гонга.
Но ему заявили:
«Прекрати это — или
Убирайся из Гонконга!»

Жил-был старичок из Винчестера,
За которым погнались шестеро.
Он вскочил на скамью,
Перепрыгнул свинью
И совсем убежал из Винчестера.

Жила на горе старушонка,
Что учила плясать лягушонка.
Но на все «раз-и-два»
Отвечал он: «Ква-ква!» -
Ох, и злилась же та старушонка!

Один старикашка с косою
Гонялся полдня за осою.
Но в четвертом часу
Потерял он косу
И был крепко укушен осою.

Б. БРЕХТ

Зимний разговор через форточку

(Пер. с нем. К. Орешина)

— Я — маленький воробей.
Я гибну, дети, спасите...
Я летом всегда подавал сигнал,
Чтоб сторож ворон с огорода гнал.
Пожалуйста, помогите!
— Сюда, воробей, сюда!
Вот тебе, друг, еда.
Благодарим за работу!
— Я — дятел, пестрый такой.
Я гибну, дети, спасите...
Все лето я клювом стволы долбил,
Тьму вредных букашек поистребил.
Пожалуйста, помогите!
— Сюда, наш дятел, сюда!
Вот тебе, друг, еда.
Благодарим за работу!
— Я — иволга. Иволга я.
Я гибну, дети, спасите...
Ведь это я в прошедшем году —
Чуть сумерки — пела в ближайшем саду.
Пожалуйста, помогите!

— Сюда, певунья. Сюда!
Вот тебе, друг, еда.
Благодарим за работу!

Литературные сказки

Г.-Х. АНДЕРСЕН

Дюймовочка

(Пер. с дат. А. Ганзен)

Жила одна женщина, и не было у нее детей. А ей очень хотелось маленького ребеночка.

Вот пошла она к старой колдунье и сказала:

— Мне очень хочется, чтобы у меня была дочка. Не скажешь ли ты, где мне ее взять?

— Почему не сказать — ответила колдунья, — Вот тебе ячменное зерно. Это зерно не простое, не такое, какие растут на крестьянских полях и которыми кормят кур. Посади ты это зернышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина и дала колдунье двадцать грошей.

Потом она пошла домой посадила ячменное зернышко в цветочный горшок. Только она его посадила, зернышко сразу дало росток, а из ростка вырос большой чудесный цветок, совсем как тюльпан. Но лепестки цветка были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой прелестный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пестрые лепестки.

И как только она поцеловала лепестки, там внутри, в бутоне, что-то шелкнуло, и цветок распустился. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зеленом пестике цветка сидела девочка. Она была маленькая-премаленькая, всего в дюйм ростом.

Так ее и прозвали Дюймовочкой.

Скорлупка грецкого ореха была ее колыбелькой, голубые фиалки — периной, а лепестки розы — одеялом. В скорлупке она спала ночью, а днем играла на столе. Женщина поставила на стол тарелку с водой и на края тарелки положила цветы, и длинные стебельки цветов купались в воде. Для маленькой Дюймовочки тарелка с водой была целым озером, и Дюймовочка плавала по этому озеру на лепестке тюльпана, как на лодочке. Вместо весел у нее были два белых конских волоса. Дюймовочка целые дни каталась на своей чудесной лодочке, переплывала с одной стороны тарелки на другую и распевала песни. Такого нежного голоса, как у нее, никто никогда не слышал.

Однажды ночью, когда Дюймовочка спала в своей колыбельке, через открытое окно в комнату влезла большущая жаба, мокрая и безобразная.

Она вспрыгнула прямо на стол и заглянула в скорлупку, где спала под лепестком розы Дюймовочка.

— Вот славная жена будет моему сынку! — сказала жаба.

Она схватила ореховую скорлупку с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

В саду протекала речка, а у самого ее берега было топкое болото. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный — точь-в-точь, как и мать, старая жаба.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Разбудишь ее и она убежит от нас! — сказала старая жаба. — Она ведь легче лебединого пуха. Посадим-ка ее на самую середину реки, на широкий лист кувшинки, — это целый остров для такой крошки. Оттуда уж ей ни за что не убежать. А я тем временем устрою для вас в тине уютное гнездышко.

В реке росло много кувшинок; их широкие зеленые листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку, в которой спокойно спала девочка.

Рано утром проснулась Дюймовочка и вдруг увидела, что она на листе кувшинки; кругом, куда ни посмотришь, вода, а берег чуть виднеется вдаль. Дюймовочка очень испугалась и заплакала.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и желтыми кувшинками — она хотела угодить молодой невестке. Когда все было готово, жаба поплыла со своим гадким сыном к листу, на котором сидела Дюймовочка, чтобы взять ее кровать и поставить в спальне. Старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. Вы славно заживете с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Жабы взяли скорлупку и уплыли с ней, а Дюймовочка осталась одна на зеленом листе и горько-горько плакала: ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за ее противного сына.

Маленькие рыбки, которые плавали под водой, видели жабу и ее сына и слышали, что она говорила Дюймовочке.

Они высунули из воды свои головы, чтобы поглядеть на крошку-невесту. Как только рыбки увидели Дюймовочку, им стало ужасно жалко, что такой прелестной девочке придется жить с жабами. Не бывать же этому! Рыбки со всей речки подплыли к листу кувшинки, на котором сидела Дюймовочка, и перегрызли стебелек листа.

И вот лист кувшинки поплыл по течению. Течение было сильное, лист с девочкой плыл очень быстро. Теперь жаба никак не могла бы догнать Дюймовочку.

А Дюймовочка плыла все дальше, и маленькие птички, которые сидели в кустах, смотрели на нее и пели:

— Какая хорошенькая маленькая девочка!

Красивый белый мотылек все время порхал вокруг Дюймовочки и наконец, опустился на лист: уж очень ему понравилась маленькая девочка. Тогда Дюймовочка сняла с себя пояс, один конец набросила на мотылька, а другой привязала к своему листу, и лист поплыл еще быстрее.

Вдруг мимо пролетел майский жук. Он увидел Дюймовочку, схватил ее и унес на дерево, а зеленый лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылек — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Бедная Дюймовочка очень испугалась, когда жук схватил ее и полетел с ней на дерево. Но майскому жуку и горя было мало. Он уселся высоко на дереве, покормил Дюймовочку сладким цветочным соком и сказал ей, что она ему очень нравится, хотя она и совсем не похожа на майского жука.

Потом к ним пришли гости — другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, а жучки-барышни пожимали щупальцами.

— У нее только две ножки! — говорили одни.

— У нее даже нет щупалец! — сказали другие.

— Какая она тонкая! Она совсем как человек! — сказали третьи.

— Она очень некрасивая! — решили, наконец, все жуки.

Тут майскому жуку, который принес Дюймовочку, показалось тоже, что она очень некрасивая, и он не захотел больше держать ее у себя — пусть идет куда знает. Он слетел с нею вниз и посадил ее на ромашку.

Дюймовочка сидела на цветке и плакала: ей было обидно, что она такая некрасивая. Даже майские жуки прогнали ее.

Все лето прожила Дюймовочка одна-одинешенька в лесу. Она сплела себе из травы колыбельку и повесила эту колыбельку под большой лист лопуха, чтобы ее не замочил дождик. Она ела сладкий цветочный мед и пила росу, которую каждое утро находила на листьях.

Так прошло лето, прошла и осень. Приближалась длинная, холодная зима. Все птички улетели, цветы завяли, а большой лопух, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, засох и свернулся в трубочку.

Дюймовочка дрожала от холода: платье ее все разорвалось, а она была такая маленькая, нежная — как ей не мерзнуть! Пошел снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки то же, что для нас целая лопата снегу. Мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм ростом. Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и Дюймовочка сама дрожала, как осенний лист.

Тогда Дюймовочка решила уйти из лесу и поискать себе приюта на зиму.

За лесом, в котором жила Дюймовочка, было большое поле. Хлеб с поля уже давно убрали, и только короткие сухие стебельки торчали из мерзлой земли.

В поле было еще холодней, чем в лесу, и бедняжка совсем замерзла. И вот Дюймовочка пришла к норке полевой мыши; вход в норку был прикрыт сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: кухня и кладовая у нее были битком набиты хлебными зёрнами. Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зёрнышка — она два дня ничего не ела.

— Ах ты, бедняжка! — сказала полевая мышь (она была, в сущности, добрая старуха). — Ну, иди сюда, погрейся да поешь со мной.

И Дюймовочка спустилась в норку, обогрелась и поела. Старухе девочка очень понравилась, и она сказала ей:

— Оставайся у меня на зиму. Я буду кормить тебя, а ты убирай хорошенько мой дом да рассказывай мне сказки — я очень люблю сказки.

И Дюймовочка стала делать все, что приказывала ей старая мышь. Ей жилось отлично в теплой мышиной норке.

— Скоро у нас будут гости, — сказала однажды полевая мышь. — Раз в неделю приходит навестить меня мой сосед. Он очень богат и живет куда лучше меня. У него большой дом под землей, и он носит чудесную черную бархатную шубу. Выходи, девочка, за него замуж! Уж с ним-то ты не пропадешь. Одна только беда: он совсем слепой и не увидит тебя. Зато ты будешь рассказывать ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за соседа — это ведь был крот.

Вскоре крот, в самом деле, пришел в гости к полевой мыши. Он был такой важный, ученый и богатый; шуба на нем была бархатная и очень красивая.

Дом у него был в двадцать раз больше, чем домик полевой мыши. Там было много больших комнат и длинных коридоров, но солнце никогда не заглядывало туда. Крот терпеть не мог солнца и не выносил цветов — он ведь их никогда не видел.

Дюймовочку заставили петь для важного гостя, и она спела две песенки, да так хорошо, что крот сразу полюбил ее. Но он не сказал ни слова — он был такой степенный и солидный господин.

А потом крот прорыл под землей длинный подземный ход от своего дома к самой норке полевой мыши и пригласил старую мышь и Дюймовочку прогуляться по этому подземному ходу.

Крот взял в рот гнилушку — в темноте ведь гнилушка светит все равно, что свечка, — и пошел вперед, освещая длинный и широкий коридор. На полпути крот остановился и сказал:

— Здесь лежит какая-то птица. Но вам ее нечего бояться — она мертвая.

И крот протолкнул своим широким носом дырку в потолке. Дневной свет проник в подземный ход, и Дюймовочка увидела мертвую ласточку. Это была

настоящая птица, с перьями и с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и упала в норку крота.

Крылышки мертвой птички были крепко прижаты к телу, ножки и голова спрятаны в перышки. Бедная ласточка, наверное, умерла от холода. Дюймовочке стало очень жалко ее, она так любила птичек — ведь они целое лето пели ей свои чудесные песенки. Но крот толкнул ласточку своими короткими лапами и сказал:

— Теперь уже не посвистишь! Да, не хотел бы я родиться вот такой пичужкой! Она только и умеет чирикать да щебетать, а придет зима — что ей делать? Помирай с голоду и холоду. Вот уж моим детям зимы не придется бояться.

— Да, да! — сказала полевая мышь. — Какой прок от этого чириканья? Песнями сыт не будешь, чириканьем зимой не согреешься!

А Дюймовочка молчала. Но когда крот и мышь повернулись к птице спиной, Дюймовочка нагнулась к ласточке, раздвинула перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глаза.

«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно распевала летом, — подумала девочка. — Сколько радости доставила ты мне, милая птичка!»

Потом крот заткнул дыру в потолке и проводил старуху мышь и Дюймовочку домой.

Ночью Дюймовочке не спалось. Она встала с постельки, сплела из сухих былинков большой ковер, пошла в подземный ход и прикрыла ковром мертвую птичку. Потом Дюймовочка принесла из мышиной норки пушистый, мягкий мох и устроила из него постельку, чтобы мертвой птичке было удобнее лежать.

— Прощай, милая ласточка! — сказала Дюймовочка. — Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда деревья были еще зеленые, а солнышко так славно грело!

И она склонила головку на грудь птички и вдруг испугалась: она услышала, как в груди ласточки что-то стучит. Это забилося сердце птички — она была не совсем мертвая, а только окоченела от холода. А теперь она согрелась и ожила. Дюймовочка дрожала от испуга — ведь птица была просто великаном по сравнению с такой крошкой. Но все-таки Дюймовочка собралась с духом, поплотнее закутала ласточку ковриком, а потом сбежала и принесла листок мяты, которым сама укрывалась, и прикрыла им голову птицы.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к птице. Ласточка уже совсем ожила, только была еще очень слаба и еле-еле открывала глаза, чтобы посмотреть на девочку. Дюймовочка стояла перед нею с куском гнилушки в руках — другого фонаря у нее не было

— Спасибо тебе, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так хорошо согрелась. Скоро я совсем поправлюсь и опять полечу на солнышко.

— Ах, — сказала Дюймовочка, — теперь так холодно, идет снег! Оставайся лучше в своей теплой постельке, а я буду ухаживать за тобой.

Дюймовочка принесла воды в цветочном лепестке и несколько ячменных зернышек. Ласточка попила и поела, а потом рассказала девочке, как она поранила себе крыло о терновый куст и не могла улететь вместе с другими ласточками в теплые края. Пришла зима, стало очень холодно, и она упала на землю... Больше ласточка уже ничего не помнила, и как она попала сюда, в подземелье, она не знала.

Всю зиму прожила ласточка в подземелье, а Дюймовочка ухаживала за ней.

Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь не любили птичек.

Когда настала весна, и пригрело солнышко, Дюймовочка, чтобы ласточка могла улететь, открыла ту дыру, которую проделал в потолке крот.

Ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с нею, — пусть сядет к ней на спину, и они полетят в зеленый лес. Но Дюймовочке было жалко старую полевую мышь — она знала, что старухе без нее будет очень скучно.

— Нет, я не могу улететь с тобой, — сказала она ласточке.

— Прощай, прощай, милая девочка! — пощebetала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и слезы закапали у нее из глаз — уж очень полюбила она птичку.

Тви-вить, тви-вить! — крикнула ласточка и скрылась в зеленом лесу.

А Дюймовочка осталась в мышиной норе. Теперь ей жилось очень плохо: ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а поле вокруг норки полевой мыши заросло высокими, толстыми колосьями и казалось Дюймовочке дремучим лесом.

И вот однажды пришел старый крот и посватался к Дюймовочке.

— Ну, теперь тебе нужно готовить приданое, — сказала старуха мышь. — Ты выйдешь замуж за важного господина, и надо, чтобы у тебя всего было вдоволь.

И Дюймовочке пришлось по целым дням прясть пряжу.

Старуха мышь наняла четырех пауков, и они днем и ночью сидели в мышиной норе и ткали разные ткани.

А толстый слепой крот приходил каждый вечер в гости и болтал о том, что скоро лету будет конец, солнце перестанет палить землю, и она снова станет мягкой и рыхлой. Вот тогда они сыграют свадьбу. Но Дюймовочка все грустила и плакала: она совсем не хотела выходить замуж за толстого крота.

Каждое утро, на восходе солнца, и каждый вечер, на закате, Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба.

«Как светло, как хорошо тут на воле!» — думала Дюймовочка и все вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко в зеленом лесу.

И вот наступила осень. Приданое Дюймовочки было готово.

— Через четыре недели твоя свадьба! — сказала Дюймовочке полевая мышь.

Но Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Глупости! — сказала старуха мышь. — Не упрямясь, а не то я укушу тебя своим белым зубом. Чем тебе крот не муж? У самой королевы нет такой черной бархатной шубки, как у него. Да и в погребках у него не пусто. Бога благодарю за такого мужа!

Наконец настал день свадьбы, и крот пришел за невестой. Теперь Дюймовочке придется переселиться в кротовую нору, жить глубоко под землей, и никогда она не увидит солнце — крот ни за что не позволит ей выходить из норы.

А бедной Дюймовочке было так тяжело навсегда распрощаться с ясным солнышком! И Дюймовочка вышла взглянуть на солнышко в последний раз.

Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от мышиной норки подальше и протянула к солнцу руки:

— Прощай, солнышко, прощай!

Потом она увидела маленький красный цветочек, обняла его и сказала:

— Поклонись, цветочек, от меня милой ласточке, если увидишь ее.

— Тви-вить, тви-вить! — вдруг раздалось над ее головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а Дюймовочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за толстого крота и жить с ним глубоко под землей, куда никогда не заглядывает солнышко.

— Уже наступает холодная зима, — сказала ласточка, — и я улетаю далеко-далеко, в теплые края. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой от гадкого крота, улетим далеко, за синее море, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной, холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка.

Она села ласточке на спину и крепко привязала себя поясом к самому большому перышку.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над темными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было очень холодно, и Дюймовочка вся зарылась в теплые перья ласточки и высунула только голову, чтобы любоваться прекрасными местами, над которыми они пролетали.

Но вот и теплые края! Тут солнце сияло гораздо ярче, небо было вдвое выше, чем у нас, а около канав и изгородей вился чудесный зеленый виноград. В лесах росли лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали веселые ребяташки и ловили больших пестрых бабочек. Но ласточка летела все дальше.

На берегу прекрасного голубого озера, посреди зеленых кудрявых деревьев, стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его

высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились птичьи гнезда. В одном из них и жила ласточка.

— Вот мой дом, — сказала ласточка. — А ты выбери себе самый красивый цветок внизу, я посажу тебя туда.

Дюймовочка обрадовалась и от радости захлопала в ладоши.

Внизу лежали куски белого мрамора — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска, — между мраморными обломками росли большие белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на широкий лепесток. Но что за чудо! В чашечке сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, как будто он был из стекла. За плечами у него дрожали легкие крылышки, а на голове блестела маленькая золотая корона. Ростом он был не больше нашей Дюймовочки. Это был король эльфов.

Когда ласточка подлетела к цветку, эльф совсем перепугался, — он был такой крошечный, а ласточка такая большая! Он никогда еще не видел такой красивой девочки. Он низко поклонился ей и спросил, как ее зовут.

— Дюймовочка, — ответила девочка.

— Милая Дюймовочка, — сказал эльф, — не хочешь ли ты быть моей женой? И Дюймовочка сразу согласилась.

Тогда из каждого цветка вылетели эльфы и принесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим подарком были прозрачные крылышки, совсем как у стрекозы. Их привязали Дюймовочке на спину, и она тоже теперь могла летать с цветка на цветок. То-то было радости и веселья!

А ласточка сидела наверху, в своем гнездышке, и распевала песни как умела.

Она пела эльфам веселые песни всю теплую зиму, а когда в холодных странах пришла весна, ласточка стала собираться на родину.

— Прощай, прощай! — прощбетала ласточка и полетела из теплых краев в Данию.

Там у нее было маленькое гнездышко, как раз над окном человека, который умел хорошо рассказывать сказки. Ласточка рассказала ему про Дюймовочку, а от него и мы узнали всю эту историю.

Гадкий утенок

(Пер. с дат. А. Гансен)

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овес зеленел, сено было сметано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами тянулись большие леса, а в лесах были глубокие озера. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окруженная глубокими канавами с водой; от стен дома до самой воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост.

В чаще лопуха было также глухо и дико, как в самом густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это порядком надоело. К тому же ее редко навещали — другим уткам больше всего нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухах да кричать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

— Пип! Пип! — запищало внутри.

Все яичные желтки ожили и высунули головки.

— Кряк! Кряк! — сказала утка.

Утята кое-как выкарабкались из скорлупы и стали озираться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха; мать не мешала им — зеленый цвет полезен для глаз.

— Ах, как велик мир! — сказали утята.

Еще бы! Теперь им было куда просторнее, чем тогда, когда они лежали в своей скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать. — Какое там! Он тянется далеко-далеко, за сад, в поле, но там я отроду не бывала!.. Ну что, все ли вы теперь тут? — И она встала. — Ах, нет, не все. Самое большое яйцо целехонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — спросила старая утка, которая пришла ее навестить.

— Да вот, с одним яйцом никак не могу справиться, — сказала молодая утка. — Все не лопается. Зато посмотри на малютку! Просто прелесть! Все, как один, — вылитый отец.

— А ну-ка, покажи мне яйцо, которое не лопается, — сказала старая утка. — Поверь мне, это индюшечье яйцо. Вот точно также и меня однажды провели. И хлопот же мне было с этими индюшатами! Я никак не могла заманить их в воду. Уж я крикала, крикала, — не идут, да и конец! Дай-ка я еще раз взгляну. Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка ты его да ступай, учи своих деток плавать!

— Нет, уж я лучше посижу еще немного, — сказала молодая утка. — Я столько сидела, что можно и еще посидеть.

— Ну и сиди! — сказала старая утка и ушла.

Наконец лопнуло и большое яйцо.

— Пип! Пип! — пропищал птенец и вывалился из яйца.

Но какой же он был большой и гадкий!

Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это, в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух был залит солнцем.

Утка со всей своей семьей отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

— Кряк! Кряк! — позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперед. Лапки у них так и работали. Даже гадкий серый утенок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Вон как славно гребет лапками! И как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе не дурен, как посмотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо за мной! Я сейчас введу вас в общество — мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за одной головки угря. И, в конце концов, эта головка досталась кошке.

— Так-то всегда бывает на белом свете! — сказала утка и облизнула язычком клюв — она и сама была не прочь отведать угриной головки. — Ну-ну, шевелите лапками! — сказала она утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке. Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток. Как красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что ее не хотят потерять, — по этому лоскутку ее сразу узнают и люди, и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утенок должен выворачивать лапки наружу, как отец и мать. Вот так! Смотрите! Теперь наклоните головки и скажите: «Кряк!».

Они так и сделали. Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

— Ну, вот, еще целая орава! Точно без них нас мало было! А один-то какой безобразный! Его уж мы никак не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Ведь он вам ничего не сделал!

— Положим, но он такой большой и странный! — прошипела злая утка. — Ему надо задать хорошенько.

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. — все очень милы, кроме одного... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

— Это никак не возможно, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он некрасив, но у него доброе сердце. А плавать он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому не совсем удался. — И она почесала ему спинку и разгладила перышки. — Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он вырастет сильным и пробьет себе дорогу.

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка. — Ну, будьте, как дома. А если найдете угриную головку, можете принести ее мне.

Вот утята и стали вести себя, как дома. Только бедного утенка, который вылупился позже других и был такой гадкий, задевали решительно все. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже и куры.

— Слишком велик! — говорили они.

А индийский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся, и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утенку: поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью.

Бедный утенок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же ему было уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеется над ним!

Так прошел первый день, а потом стало еще хуже. Все гнали бедного утенка, даже братья и сестры сердито говорили ему:

«Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!» А мать прибавляла: «глаза бы мои тебя не видали!». Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою.

Наконец, утенок не выдержал, перебежал двор — и через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Они испугались меня — такой я безобразный!» — подумал утенок и пустился с закрытыми глазами дальше. Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Здесь он пролежал всю ночь. Он устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки поднялись из гнезд и увидели нового товарища.

— Это что за птица? — спросили они.

Утенок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

— Ну и гадкий же ты! — сказали дикие утки. — Впрочем, нам до этого нет дела, только не вздумай, пожалуйста, породниться с нами.

Бедняжка! Где уж ему было думать об этом! Только бы позволили ему посидеть тут в камышах да попить болотной водицы.

Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусака. Они только недавно вылупились из яиц и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой смешной урод, что, право, нравишься нам! Хочешь бродить с нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другое болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «Рап, рап!». Ты такой урод, что чего доброго, будешь иметь у них большой успех.

Пиф! Паф! — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми, а вода покраснела от крови.

Пиф! Паф! — раздалось опять, и целая стая диких гусей поднялась над болотом. Выстрел гремел за выстрелом. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них забрались на деревья и вели стрельбу сверху. Голубой дым облаками окутывал вершины деревьев и стлался над водой. По болоту рыскали охотничьи собаки. Только и слышно было: шлеп-шлеп! И камыш раскачивался из стороны в сторону. Бедный утенок от страха был ни жив, ни мертв. Он хотел было спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним выросла охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она посмотрела на утенка, оскалила острые зубы и — шлеп-шлеп! — побежала дальше.

«Кажется, пронесло, — подумал утенок и перевел дух. — Видно, я такой гадкий, что даже собаке противно съесть меня!»

И он притаился в камышах. А над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелиться.

Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся вокруг и пустился бежать дальше по полям и лугам.

Дул такой сильный встречный ветер, что утенок еле-еле передвигал лапками.

К ночи он добрался до маленькой убогой избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утенка, — приходилось прижиматься к самой земле, чтобы не унесло.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и так перекосилась, что сквозь щель можно легко пробраться внутрь. И утенок пробрался.

В избушке жила старуха со своей курицей и котом. Кота она звала Сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже сыпать искрами, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие коротенькие ножки, и потому ее так и прозвали Коротконожкой. Она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром утенка заметили. Кот начал мурлыкать, а курица кудахтать.

— Что там такое? — спросила старушка. Она поглядела кругом и увидела в углу утенка, но сослепу приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала старушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень.

И она решила оставить бездомную птицу у себя. Но прошло недели три, а яиц все не было. Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой — курица. Оба они всегда говорили: «Мы и весь свет!». Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Утенку, правда, казалось, что на сей счет можно быть другого мнения. Но курица этого не допускала.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

— Нет!

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, сыпать искрами и мурлыкать?

— Нет!

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу, нахохлившись.

Как-то раз дверь широко отворилась, и в комнату ворвались струя свежего воздуха и яркий солнечный луч. Утенка так сильно потянуло на волю, так захотелось ему поплавать, что он не мог удержаться и сказал об этом курице.

— Ну, что еще выдумал? — напустилась на него курица. — Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

— Ах, плавать так приятно! — сказал утенок. — Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубину!

— Вот так удовольствие! — сказала курица. — Ты совсем с ума сошел! Спроси у кота — он рассудительней всех, кого я знаю, — нравится ли ему плавать и нырять? О себе самой я уж не говорю. Спроси, наконец, у нашей госпожи старушки, умнее ее, уж, наверное, никого нет на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубину!

— Вы меня не понимаете! — сказал утенок.

— Если уж мы не понимаем, так, кто тебя и поймет! Ты, видно, хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне! Не дури и будь благодарен за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда поступают истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да сыпать искрами!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда, куда глаза глядят! — сказал утенок.

— Ну и ступай себе! — ответила курица.

И утенок ушел. Он жил на озере, плавал и нырял вниз головой, но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным.

А между тем настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели. Они так и сыпались с ветвей, а ветер подхватывал их и кружил по воздуху. Стало очень холодно. Тяжелые тучи сеяли на землю то град, то снег. Даже ворон, сидя на изгороди, каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о такой стуже!

Плохо приходилось бедному утенку.

Раз под вечер, когда солнышко еще сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудесных, больших птиц. Таких красивых птиц утенок никогда еще не видел — все белые как снег, с длинными гибкими шеями...

Это были лебеди.

Их крик был похож на звуки трубы. Они распростерли свои широкие, могучие крылья и полетели с холодных лугов в теплые края, за синие моря... Вот уж они поднялись высоко-высоко, а бедный утенок все смотрел им вслед, и какая-то непонятная тревога охватила его. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Он не мог оторвать глаз от этих прекрасных птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, потом выплыл опять и все-таки долго еще не мог опомниться. Утенок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал. Ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был рад-радехонек, если бы хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утенок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утенок должен был плавать по озеру без отдыха, чтобы не дать воде замерзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась все меньше и меньше. Мороз был такой, что даже лед потрескивал. Утенок без усталости работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примерз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидел примерзшего ко льду утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и отнес полумертвую птицу домой к жене.

Утенка отогрели.

Дети задумали поиграть с ним, но утенку показалось, что они хотят обидеть его. Он шарханулся от страха в угол и попал прямо в подойник с молоком. Молоко потекло по полу. Хозяйка вскрикнула и всплеснула руками, а утенок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда в бочонок с мукой. Легко представить, на что он стал похож!

Хозяйка бранила утенка и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь была открыта, — утенок выбежал, растопырив крылья, кинулся в кусты, прямо на свежеевыпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья гадкого утенка в эту суровую зиму.

Наконец солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами. Зазвенели жаворонки в полях. Вернулась весна!

Утенок выбрался из камышей, где он прятался всю зиму, взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и подняли его над землей. Не успел он опомниться, как долетел уже до большого сада. Яблони стояли все в цвету, душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

«Полечу к ним, к этим величавым птицам. Они, наверно, заклюют меня насмерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но все равно! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!»

И он опустился на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, а лебеди, завидев его, замахали крыльями и поплыли прямо к нему.

— Убейте меня! — сказал гадкий утенок и низко опустил голову.

И вдруг в чистой, как зеркало, воде он увидел свое собственное отражение. Он был уже не гадким темно-серым утенком, а красивым белым лебедем!

Теперь утенок был даже рад, что перенес столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить свое счастье. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали дети. Они стали бросать лебедям кусочки хлеба и зерно, а самый младший из них закричал:

— Новый прилетел! Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

— Да, новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом с матерью и опять стали бросать в воду кусочки хлеба и пирожного.

И дети, и взрослые говорили:

— Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним головы. А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспоминал то время, когда все смеялись над ним и гнали его. Но все это было позади. Теперь люди говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей. Сирень склоняет к нему в воду душистые ветки, а солнышко ласкает своими теплыми лучами... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким утенком!

Ф. ЗАЛЫТЕН

БЕМБИ

(В пересказе с немецкого Ю. Нагибина, в сокр.)

Он появился на свет в дремучей чащобе, в одном из тех укромных лесных тайников, о которых ведают лишь исконные обитатели леса.

Его большие мутные глаза еще не видели, его большие мягкие уши еще не слышали, но он уже мог стоять, чуть пошатываясь на своих тонких ножках, и частая дрожь морщила его блестящую шкурку.

— Что за прелестный малыш! — воскликнула сорока. Она летела по своим делам, но сейчас разом обо всем забыла и уселась на ближайший сучок. — Что за прелестный малыш! — повторила она. Ей никто не ответил, но сорока ничуть не смутилась.

— Это поразительно! — тараторила сорока. — Такой малютка — и уже может стоять и даже ходить! В жизни не видала ничего подобного. Правда, я еще очень молода, что вам, наверно, известно, — всего год, как из гнезда... Но нет, это истине изумительно и необыкновенно! Впрочем, я считаю, что у вас, оленей, все изумительно и необыкновенно. Скажите, а бегать он тоже может?

— Конечно, — тихо ответила мать. — Но извините меня, пожалуйста, я не в состоянии поддерживать беседу. У меня столько дел... к тому же я чувствую себя немного слабой.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — поспешно сказала сорока. — У меня самой нет ни минутки времени. Но я так поражена!.. Подумать только, как сложно проходят все эти вещи у нас, сорок. Дети вылупляются из яиц такими беспомощными! Они ничего, ну ничего не могут сделать для себя сами. Вы не представляете, какой за ними нужен уход! И они все время хотят есть. Ах, это так трудно — добывать пропитание и следить, чтоб с ними чего не приключилось! Голова идет кругом. Разве я не права? Ну, согласитесь со мной. Просто не хватает терпения ждать, пока они оперятся и приобретут мало-мальски приличный вид!

— Простите, — сказала мать, — но я не слушала.

Сорока улетела. «Глупое создание! — думала сорока. — Удивительное, необыкновенное, но глупое».

Мать не обратила никакого внимания на исчезновение сороки. Она принялась мыть новорожденного. Она мыла его языком, бережно и старательно, волосок за волоском, вылизывая шкурку сына. И в этой нежной работе было все: и ванна, и согревающий массаж, и ласка. Малыш немного пошатывался. От прикосновений теплого материнского языка им овладела сладкая истома, он опустил на землю и замер. Его красная, влажная, растрепанная шубка была усеяна белыми крапинками, неопределившееся, детское лицо хранило тихое, сонное выражение.

Лес густо порос орешником, боярышником и бузиной. Рослые клены, дубы и буки зеленым шатром накрывали чащу; у подножий деревьев росли пышные папоротники и лесные ягоды, а совсем внизу ластились к смуглой, бурой земле листочки уже отцветших фиалок и еще не зацветшей земляники.

Свет раннего солнца проникал сквозь листву тонкими золотыми нитями. Лес звенел на тысячи голосов, он был весь пронизан их веселым волнением. Без усталости ворковали голуби, свистели дрозды, сухонько пощелкивали синицы и звонко бил зяблик. В эту радостную музыку врываются резкий, злой вскрик сыча и металлическое гуканье фазанов. Порой всю многоголосицу заглушало звенящее, взхлеб, ликование дятла. А в выси, над кронами деревьев, неумолчно гортанными голосами ссорились вороны и, прорезая их хриплое, назойливое бормотанье, долетали светлые, гордые ноты соколиного призыва.

Малыш не различал голосов, не узнавал напевов, он не понимал ни одного слова в напряженном и бурном лесном разговоре. Не воспринимал он и запахов, которыми дышал лес. Он чувствовал лишь нежные, легкие толчки, проникавшие сквозь его шубку, в то время как его мыли, обогрели и целовали. Он вдыхал лишь близкое тепло матери. Тесно прижался он к этому мягкому, ароматному теплу и в неумелом голодном поиске отыскал добрый источник жизни.

И пока сын пил из нее благостную влагу, мать тихо шептала: «Бемби». Она вскидывала голову, прядала ушами и чутко втягивала ноздрями воздух. Затем, успокоенная и счастливая, целовала своего ребенка.

— Бемби, — говорила она, — мой маленький Бемби!

Ранней летней порой воздух тих, деревья стоят недвижно, простирая руки-ветви к голубому небу, и молодое солнце изливает на них свою щедрую силу.

Белые, красные, желтые звездочки усеяли живую изгородь кустарника. А другие звездочки зажглись в траве. Сумеречная лесная глубь сверкает, пылает всеми красками цветения. Лес крепко и остро благоухает свежей листвой, цветами, влажной землей, юными нежно-зелеными побегами. Все звонче и богаче его многоголосье; гогот пчел, жужжанье ос, низкий звук шмелиной трубы влились в лесной оркестр. Первая пора детства Бемби...

Бемби шел за матерью по узкой тропе, пролежавшей между кустами. Это было приятное путешествие. Густая листва, уступая дорогу, мягко колотила его по бокам. Ему то и дело мерещились неодолимые преграды, но преграды рушились от одного его прикосновения, и он спокойно шел дальше. Тропинок было не счесть, они во всех направлениях исчертили лес. И все они были знакомы его матери. Когда Бемби остановился перед непроницаемой зеленой стеной жимолости, мать мгновенно отыскала лаз.

Бемби так и сыпал вопросами. Он очень любил спрашивать. Для него не было большего удовольствия, чем задавать вопросы и выслушивать ответы матери. Бемби казалось вполне естественным, что вопросы возникают у него на каждом шагу. Он восхищался собственной любознательностью. Но особенно восхитительным было то нетерпеливое чувство, с каким он ожидал ответа матери. Пусть он порой и не все понимал, но тогда он мог спрашивать дальше, и это тоже было прекрасно. Иногда Бемби нарочно не спрашивал дальше, пытаясь своими силами разгадать непонятное, и это тоже было прекрасно. Подчас он испытывал чувство, будто мать нарочно чего-то недоговаривает. И это тоже было прекрасно, потому что наполняло его ощущением таинственности и неизведанности жизни, что-то сладко замирало в нем, пронзая все его маленькое существо счастливым страхом перед величием и неохватностью подаренного ему мира. Вот сейчас он спросил:

— Кому принадлежит эта тропа, мама?

А мать ответила:

— Нам.

Бемби спросил:

— Тебе и мне?

— Да.

— Нам обоим?

— Да.

— Нам одним?

— Нет, — ответила мать. — Нам, оленям.

— Что это такое — оленя? — спросил Бемби, смеясь.

Мать посмотрела на сына и тоже рассмеялась.

— Ты — олень, я — олень, мы — олень. Понимаешь?

От смеха Бемби подпрыгнул высоко в воздух.

— Понимаю. Я — маленький олень, ты — большой олень. Правильно?
Мать кивнула.
— А есть еще олени, кроме тебя и меня? — став серьезным, спросил Бемби.
— Конечно, — ответила мать. — Много-много оленей.
— Где же они? — воскликнул Бемби.
— Здесь... всюду.
— Но я их не вижу!
— Ты их увидишь.
— Когда? — Охваченный любопытством, Бемби остановился.
— Скоро, — спокойно сказала мать и пошла дальше.
Бемби последовал за ней. Он молчал, раздумывая над тем, что значит «скоро». Ясно, что «скоро» — это не «сейчас», это «потом». Но ведь «потом» может быть и «не скоро». Вдруг он спросил:
— А кто проложил эту тропу?
— Мы, — ответила мать.
Бемби посмотрел удивленно:
— Мы? Ты и я?
Мать ответила:
— Ну, мы — олени.
Бемби спросил:
— Какие?
— Мы все, — ответила мать. И они пошли дальше.
Бемби развеселился. Он храбро прыгал в сторону от дороги, но тут же возвращался к матери. Вдруг что-то зашуршало в траве. Закачались папоротники, тонкий, как ниточка, голосочек жалко пропищал, затем все смолкло, лишь тихо шептались стебельки и травы, растревоженные чьим-то незримым бегом. Это хорек охотился за мышью. Вот он прошмыгнул мимо них, осмотрелся и принялся уничтожать добычу.
— Что это было? — возбужденно спросил Бемби.
— Ничего, — сказала мать.
— Но... — Бемби дрожал. — Я же видел...
— Не бойся, — сказала мать. — Это всего-навсего хорек убил мышью. — И она повторила: — Не бойся.
Но Бемби был ужасно испуган, незнакомое щемящее, жалкое чувство проникло к нему в сердце. Долго не мог он вымолвить слова, потом спросил:
— Зачем он убил мышью?
— Зачем?.. — Мать колебалась. — Пойдем скорей! — проговорила она, будто ей что-то внезапно пришло на ум. Она быстро устремилась вперед, и Бемби пришлось потрудиться, чтоб не отстать от матери. Он скакал изо всех силенок, а мать молчала, она как будто забыла о его вопросе.
Когда же они снова пошли обычным шагом, Бемби спросил подавленно:

— А мы тоже когда-нибудь убьем мышью?
— Нет, — ответила мать.
— Никогда?
— Никогда.
— А почему так? — с облегчением спросил Бемби.
— Потому что мы никогда никого не убиваем, — просто сказала мать.
Они проходили мимо молодого ясеня, когда сверху послышался громкий, злой крик. Мать спокойно продолжала путь, но Бемби, полный нового любопытства, остановился. Высоко в ветвях над лохматым гнездом ссорились два ястреба.
— Убирайся отсюда, негодяй! — кричал один.
— Не очень-то задавайся, болван! — отвечал другой. — Мы и не таких видавали!
— Вон из моего гнезда! — бесновался первый. — Разбойник! Я разможду тебе голову! Такая подлость! Такая низость!
Другой, заметив стоящего под деревом Бемби, слетел на нижнюю ветку и гаркнул: — А тебе что надо, морда? Пошел вон!
Бемби скакнул прочь, нагнал мать и пошел за ней следом, притихший и напуганный.
Мать не подавала виду, что заметила его короткое отсутствие, и через некоторое время Бемби заговорил сам:
— Мама, что такое подлость?
Мать сказала:
— Я не знаю.
Бемби немного подумал, затем начал снова:
— Мама, а почему те двое так злились друг на друга?
Мать ответила:
— Они повздорили из-за еды.
Бемби спросил:
— А мы, олени, тоже ссоримся из-за еды?
— Нет, — сказала мать.
— Почему нет?
— Потому что тут достаточно еды для всех нас.
Но Бемби хотелось еще кое-что узнать.
— Мама...
— Что тебе?
— А мы, олени, злимся когда-нибудь друг на друга?
— Нет, маленький, у нас, оленей, этого не бывает.
Они шли дальше. В какой-то миг перед ними разверзлась широкая светлая, слепяще-светлая щель. Там кончалась живая изгородь кустарника, обрывалась тропа. Еще несколько шагов — и перед ними во все стороны распахнулся залитый солнцем простор. Бемби хотел прыгнуть вперед, но мать стояла недвижно.

— Что это такое? — воскликнул он нетерпеливо, очарованный новой прелестью мира.

— Поляна, — ответила мать.

— А что такое поляна?

— Это ты скоро сам увидишь, — строго сказала мать.

Она стала серьезной и настороженной. Вскинув голову, она к чему-то напряженно прислушивалась и глубоко втягивала ноздрями воздух.

— Все спокойно, — произнесла она, наконец.

Бемби прыгнул вперед, но мать преградила ему дорогу:

— Жди, когда я тебя позову.

Бемби послушно остановился.

— Вот так, — одобрила мать. — А теперь слушай меня внимательно.

Бемби чувствовал скрытое волнение в голосе матери. Он напряг все свое внимание.

— Это не так просто — идти на поляну, — сказала мать. — Это трудное и опасное дело. Не спрашивай почему, — когда-нибудь ты и сам узнаешь. А сейчас запомни хорошенько, что я тебе скажу. Обещаешь?

— Да, — ответил Бемби.

— Так вот. Сперва я пойду одна. Ты стой здесь и не спускай с меня глаз. Если увидишь, что я бегу назад, то и ты беги прочь, беги как можно быстрее. Я уж догоню тебя.

Она замолчала, о чем-то думая, затем продолжала глубоким, проникновенным голосом:

— Во всяком случае, беги, беги изо всех сил. Беги... если даже что случится со мной... Если увидишь, что я... что я упала... не обращай внимания. Что бы ты ни увидел, что бы ни услышал, — прочь отсюда, немедленно прочь... Обещаешь?

— Да, — сказал Бемби тихо.

— А сейчас мы пойдем на поляну, сперва я, потом ты. Тебе там очень понравится. Ты будешь играть, бегать. Только обещай, что при первом же моем зове ты будешь около меня. Обещаешь?

— Да, — сказал Бемби еще тише — ведь мать говорила так серьезно.

— Когда ты услышишь мой зов, не глазей по сторонам, ни о чем не спрашивай, а сразу, как ветер, лети ко мне. Без промедления, без раздумий. Запомни это. Если я побегу, мчись за мной и не останавливайся, пока мы не очутимся в чаще. Ты не забудешь?

— Нет, — ответил Бемби с тоской.

— А теперь я пойду, — сказала мать и двинулась вперед.

Она выступала медленно, высоко поднимая ноги. Бемби не спускал с нее глаз. Любопытство, страх, ожидание чего-то необычайного боролись в его душе. Он видел, как мать настороженно прислушивается, видел, как напряжено ее тело, и

сам напрягся, готовый в любую секунду броситься наутек. Но вот мать вытянула шею, удовлетворенно осмотрелась и крикнула:

— Иди сюда!

Бемби прыгнул вперед. Огромная радость, охватившая его с волшебной силой, прогнала страх. В чаще он видел лишь зеленый свод листвы, сквозивший кое-где голубыми крапинами неба. А сейчас ему открылась вся неохватная голубизна небесного свода, и он чувствовал себя счастливым, сам не ведая почему. В лесу он почти не знал солнца. Он думал, что солнце — это широкие полосы света, скользящие по стволам деревьев, да редкие блики в листве. А сейчас он стоял в ослепительном сиянии, в благостном царстве тепла и света; чудесная, властная сила закрывала ему глаза и открывала сердце.

Бемби был потрясен, опьянен, одурманен. Он подпрыгивал на месте — два, три, четыре, пять, шесть... десять раз. Это делалось помимо его воли, он и не прыгал даже — его подбрасывало в воздух. Его юные члены так напрягались, его грудь дышала так полно и глубоко ароматным, пряным воздухом поляны, что его возносило вверх. Ведь Бемби был ребенком. Будь он сыном человеческим, он бы громко кричал от счастья. Но он был олененком, а оленятам недоступно выражение радости на человеческий лад. Бемби ликовал по-своему.

...На каждом шагу его восхищенному и жадному взгляду открывались все новые чудеса поляны. Здесь совсем не было потайных уголков, как в глубине леса. Каждое местечко просматривалось до последнего стебелька, до самой крошечной травинки, и так манило повалиться, понежиться в этой чудесной благоуханной мягкости! Зеленый простор был усеян белыми звездочками маргариток, толстенькими головками фиолетовой и розовой кашки, золотыми свечками львиного зева.

— Смотри, мама! — воскликнул Бемби. — Цветочек полетел!

— Это не цветок, — сказала мать. — Это бабочка.

Бемби изумленно смотрел на мотылька, который то кружился в полете, то присаживался на стебелек, то вновь взмывал ввысь. Теперь Бемби видел, что множество таких же мотыльков кружится над поляной, стремительно и вместе плавно опускаясь на облюбованный стебелек. Они и в самом деле напоминали летающие цветы, веселые цветы, покинувшие свои докучно неподвижные стебли, чтобы немного потанцевать. А еще они казались цветами, спустившимися с солнца. Чужаки на земле, они без усталости ищут пристанища, но все лучшие стебли заняты земными цветами; им ничего не остается, как продолжать свой тщетный поиск...

Бемби хотелось рассмотреть бабочку вблизи или хотя бы проследить полет одной бабочки, но они мелькали так быстро, что кружилась голова.

Когда взгляд его снова обратился к земле, он заметил, что каждый его шаг подымает из травы тысячи крошечных проворных существ. Они прыскали во все

стороны мелким зеленым дождиком и, лишь на краткий миг обнаружив свое существование, вновь поглощались зеленым покровом земли.

— Что это такое, мама? — спросил Бемби.

— Так... Всякая мелочь, — ответила мать.

— Нет, ты посмотри! — вскричал Бемби. — Травинка, а прыгает!.. И как высоко прыгает!

— Какая же это травинка? — сказала мать. — Это самый настоящий кузнечик.

— Зачем же он так прыгает? — спросил Бемби.

— Мы испугали его.

— О! — Бемби повернулся к кузнечнику, усевшемуся на стебель маргаритки.

— О! Вы напрасно пугаетесь, мы не сделаем вам ничего плохого, — сказал Бемби вежливо.

— Я не из пугливых, — скрипучим голосом ответил кузнечик. — Я только в первый момент немного испугался. От неожиданности. Я разговаривал с женой...

— Извините, пожалуйста, — сказал Бемби огорченно. — Мы вам помешали...

— Не беда, — проскрипел кузнечик. — Раз это вы — не беда. Но ведь никогда не знаешь заранее, кто идет. Приходится быть начеку.

— Видите ли, — доверительно начал Бемби, — я первый раз в жизни попал на поляну. Моя мать...

Кузнечик капризно склонил голову, нахмурился и проскрипел:

— Знаете, меня этонисколько не интересует. У меня нет времени выслушивать болтовню. Меня ждет жена. Хоп!.. — И он исчез.

— Хоп! — повторил Бемби, ошеломленный изумительным прыжком кузнечика.

Он подбежал к матери:

— Знаешь... я говорил с ним!

— С кем?

— С кузнечиком. Он очень приветливый. И мне он тоже понравился. Он такой зеленый, а потом вдруг стал совсем прозрачным, прозрачней самого тоненького листа.

— Это крылья, — сказала мать. — Он выпустил крылья.

— Да? — Бемби продолжал свой рассказ. — У него такое серьезное, задумчивое лицо. И очень милое. А как он прыгает! Наверно, это ужасно трудно. Сказал «хоп» и сразу пропал.

Они пошли дальше. Беседа с кузнечиком разволновала и немного утомила Бемби — ведь он никогда еще не беседовал с посторонними. Он почувствовал, что должен подкрепить свои силы, и потянулся к матери. Когда он вновь стоял спокойно в нежном дурмане того легкого опьянения, какое всегда испытывал, насытившись из тела матери, он заметил в плетении травинки светлый, подвижный цветок. Нет, это не цветок, это опять бабочка. Бемби подкрался ближе. Мотылек лениво повис на стебельке и тихонько двигал крыльшками.

— Пожалуйста, посидите вот так! — попросил Бемби.

— Почему я должен сидеть? Я же бабочка! — удивленно отозвался мотылек.

— Ах, посидите хоть одну минуточку! — умолял Бемби. — Мне так хотелось увидеть вас вблизи. Окажите милость!..

— Ну, если вы так просите, — снисходительно сказала белянка. — Только недолго.

— Как вы прекрасны! — восторгался Бемби. — Вы прекрасны, как цветок!

— Что? — Бабочка захлопала крыльшками. — Как цветок? В нашем кругу принято считать, что мы красивее цветов.

Бемби смутился.

— Конечно... — пробормотал он. — Куда красивее. Извините, пожалуйста... Я только хотел сказать...

— Мне совершенно безразлично, что вы хотели сказать, — оборвал его мотылек.

Он жеманно изгибал свое хилое тельце, кокетливо двигал усиками.

— Как вы прелестны! — восхищался Бемби. — Что за чудо эти белые крылья! Мотылек расправил крыльшки, затем плотно сложил их парусом.

— О! — воскликнул Бемби. — Теперь я вижу: вы куда красивее любого цветка! К тому же вы еще можете летать, а цветы не могут. Ведь они привязаны к одному месту.

— Хватит, — сказал мотылек. — Я действительно могу летать.

Он так легко вспорхнул, что Бемби не уловил момента взлета. Мотылек плавно и грациозно взмахивал белыми крыльшками и вот уже парил в сиянии солнечного луча.

— Только по вашей просьбе просидел я так долго на одном месте, — сказал он, порхая вокруг Бемби, — но теперь я улетаю. И все это было поляной...

В глубине леса хоронилось убежище, принадлежащее матери Бемби. Маленькая хижина, настолько тесная, что Бемби и его матери едва хватало места, настолько низенькая, что, когда мать стояла, голова ее упиралась в ветви, образующие потолок. Всего в нескольких шагах от хижины проходила оленья тропа, и все же хижину было очень трудно, почти невозможно обнаружить. Надо было знать особую примету, скрытую в кустарнике... Густое плетение орешника, боярышника и бузины лишало хижину даже того скудного света, который проникал в лес сквозь кроны деревьев; ни один лучик солнца не достигал травяного пола хижины. Здесь, в этой хижине, появился на свет Бемби, здесь ему предстояло жить.

Сейчас усталая мать крепко спала. Бемби тоже было задремал, но вдруг проснулся, полный свежих жизненных сил. Он вскочил на ноги и огляделся. Хижина была погружена в тень, и можно было подумать, что уже наступили сумерки. Лес негромко шелестел. По-прежнему слышался слабый писк синицы, порой высокий хохоток дятла или радостный крик вороны. Но все эти отдельные звуки тонули в большой тишине, объяввшей полдневный мир. Если же хорошенько

прислушаться, то можно было уловить, как в раскаленном зное кипит воздух. Источная духота наполняла хижину.

Бемби наклонился к матери:

— Ты спишь?

Нет, мать уже не спала. Она проснулась в тот самый миг, когда Бемби вскочил на ноги.

— А что мы сейчас будем делать? — спросил Бемби.

— Ничего, — ответила мать. — Нам нечего делать. Ложись спать.

Но спать Бемби совсем не хотелось.

— Пойдем, — завел он. — Пойдем на поляну.

Мать подняла голову:

— На поляну? Сейчас... на поляну?

Страх, звучавший в ее голосе, передался Бемби.

— Разве сейчас нельзя на поляну? — спросил он робко.

— Нет, — резко и твердо прозвучал ответ. — Нет, сейчас это невозможно.

— Почему? — Бемби чувствовал, что за этим скрывается что-то таинственное и грозное. Но вместе со страхом росло в нем желание знать все, до самого конца. — Почему мы не можем пойти на поляну?

— Ты все узнаешь, когда подрастешь.

— А я хочу сейчас, — не отставал Бемби.

— В свое время ты узнаешь, — повторила мать. — Ты еще маленький, а с детьми не говорят о таких вещах. Сейчас... на поляну!.. Как можно думать об этом!..

Средь бела дня...

— Но ведь мы уже были на поляне, — возразил Бемби.

— Это совсем другое дело, — сказала мать. — Мы были ранним утром.

— Разве только ранним утром можно ходить на поляну?

Бемби был очень любопытен, но терпение не изменяло матери.

— Да, ранним утром или поздно вечером... или ночью.

— И никогда днем? Никогда?..

Мать колебалась.

— Бывает, что некоторые из нас ходят туда и днем, — сказала она, наконец. Но я не могу тебе всего объяснить, ты слишком мал... Те, кто ходит туда, подвергают себя великой опасности.

— А что значит «великая опасность»?

Бемби был очень упрям, когда его что-либо интересовало.

— Вот теперь ты видишь сам, что тебе этого не понять, — уклонилась мать от ответа.

Бемби казалось, что он мог бы все понять, если б мать захотела ему объяснить, как следует. Но он замолчал.

— Мы все любим день, — продолжала мать, — особенно в детстве. И все же днем мы должны затаиваться. Только с вечера до утра можем мы свободно гулять. Понимаешь?

— Да...

— Вот потому-то, дитя мое, мы и должны оставаться дома. Здесь мы в безопасности... А теперь ложись спать.

Но Бемби никак не мог уговориться.

— Почему мы здесь в безопасности? — спросил он.

— Потому что нас охраняют кусты, валежник и старые, прошлогодние листья, потому что в вышине несет свой дозор ласточка. Все они наши друзья, в особенности старые, сухие листья, устилающие землю. Чужой может подкрасться, не потревожив кустарника, не хрустнув сучком валежника, он может обмануть даже зоркий глаз ласточки, но ему не обмануть старую, пожухлую, вялую и чуткую прошлогоднюю листву. Она тут же подаст нам знак сухим и громким шорохом. И мы задолго узнаем о приближении чужака.

— А что такое «прошлогодняя листва»? — осведомился Бемби.

— Поди, сядь подле меня, — сказала мать. — Я расскажу тебе...

Бемби послушно уселся рядом с матерью, и та начала свой рассказ. Оказывается, деревья не всегда зеленеют, и солнце не всегда льет с неба свое щедрое тепло. Наступает пора, когда солнечный свет слабеет, и холод окутывает землю. Тогда листья теряют свою свежую зеленую окраску, желтеют, краснеют, буреют и медленно опадают. И лишившиеся своего наряда деревья, словно жалкие нищие, простирают к небу голые, черные, обобранные ветви. Опавшая листва устилает землю и громко шуршит при каждом прикосновении. Попробуй-ка подкрасться незамеченным! О, эти добрые сухие листья — усердные и неусыпные стражи! Даже сейчас, среди лета, схоронившись под свежей травой, несут они свою верную службу...

Бемби прижался к матери, он забыл о поляне. Когда мать кончила рассказывать, он глубоко задумался. В нем пробудилась любовь к милым старым листьям, так прилежно творящим свою добрую работу, несмотря на то, что они увяли и давно утратили тепло жизни. Но что же такое, в конце концов, «опасность», о которой постоянно твердит мать? Раздумье утомило его. Кругом было тихо, лишь снаружи приглушенно кипел на жаре воздух. И Бемби уснул.

Однажды вечером Бемби вновь пришел с матерью на поляну. Он думал, что знает поляну вдоль и поперек, что он видел там все, что можно увидеть, слышал все, что можно услышать. Но оказалось, мир куда богаче и разнообразнее, нежели он себе представлял. Вначале все было так же, как и в первый раз. Он долго играл с матерью в веселую игру «догонялку». Он самозабвенно носился по поляне, хмельной от воздуха, простора и небесной голубизны, как вдруг заметил, что мать остановилась. Бемби затормозил так круто, что все его четыре ноги разъехались в разные стороны, и ему пришлось высоко подпрыгнуть, чтобы снова собрать их под собой.

Судя по всему, мать с кем-то разговаривала, но высокие травы скрывали ее собеседника. Бемби подошел ближе. Рядом с матерью в метелках травы шевелились два уха, два больших серо-коричневых, разрисованных черными полосками уха. Бемби никогда не видел таких ушей и немного оробел, но мать сказала:

— Иди сюда. Это наш друг заяц. Подойди, не бойся и дай на себя посмотреть.

Бемби не заставил себя просить дважды. Он шагнул вперед и тут же увидел зайца. Его большие, похожие на ложки уши то вскидывались кверху, то вдруг падали, как будто от внезапного приступа слабости.

Бемби смутили усы зайца, торчащие во все стороны вокруг маленького рта прямыми, длинными стрелами. Но это не помешало ему заметить, что лицо у зайца симпатичное, с хорошим, открытым выражением и глядит он на мир двумя блестящими круглыми глазами. Нет, в дружелюбии зайца невозможно было усомниться.

— Добрый вечер, молодой человек, — приветствовал его заяц с изысканной любезностью.

Бемби только кивнул: «Добрый вечер». Он и сам не знал, почему он ограничился кивком — очень приветливым, очень учтивым, но все же чуточку снисходительным. Должно быть, это было у него врожденным.

— Что за прелестный юный принц! — сказал заяц.

Он разглядывал Бемби, ставя торчком то одно ухо, то другое, порой вскидывая их одновременно, порой бессильно роняя. Эта манера не понравилась Бемби, в ней было что-то нарочитое. А заяц все рассматривал Бемби большими круглыми глазами. При этом его нос и рот с великолепными усами беспрестанно двигались, будто он превозмогал желание чихнуть. Бемби рассмеялся. Тотчас засмеялся и заяц, лишь глаза его оставались задумчивыми.

— Поздравляю вас, — сказал он матери, — от всего сердца поздравляю с таким сыном. Да, да, да, это истинный принц... да, да, да, иначе его не назовешь...

Заяц выпрямился и, к немалому удивлению Бемби, уселся на задние ноги. Поставив уши торчком, он внимательно прислушался, затем опробовал воздух своим подвижным носом и снова чинно опустился на все четыре ноги.

— Мое почтение достойным господам, — сказал заяц. — У меня столько дел сегодня вечером! Покорнейше прошу извинить меня.

Он повернулся и поскакал прочь, тесно прижав уши, достигавшие ему до середины спины.

— До свиданья! — крикнул ему вдогонку Бемби.

Мать улыбнулась.

— Славный заяц!.. Такой милый и скромный. Ему тоже нелегко живется на свете. — В ее словах чувствовалась глубокая симпатия.

Пока мать обедала, Бемби пошел немного побродить. Он рассчитывал встретить кого-либо из старых знакомых и завязать новые знакомства. Не то чтобы он в этом особенно нуждался, но ему приятно было самое чувство ожидания. Вдруг до его слуха долетел какой-то шорох и словно бы негромкий топот. Он присмотрелся. Вдалеке, на опушке леса, что-то промелькнуло в траве. Какое-то существо... за ним второе. Бемби быстро оглянулся на мать. Но та, ничуть не тревожась, глубоко погрузила голову в траву. А неизвестные существа бегали по кругу точь-в-точь, как проделывал это сам Бемби.

Он был озадачен и невольно подался назад, словно намереваясь пуститься наутек. Мать заметила его волнение и подняла голову.

— Что с тобой? — крикнула она.

Но Бемби лишился дара речи, он мог только пролепетать: — Там... там...

Мать проследила за его взглядом.

— Ах, вот оно что! Это моя кузина Энна. Ну, конечно же, у нее тоже маленький... нет, целых двое. — Мать говорила весело, но вдруг посерьезнела: надо же! У Энны двойня... В самом деле двойня.

Бемби глядел во все глаза. На поляне у опушки он обнаружил существо, очень похожее на его мать. Странно, что он его раньше не приметил. А в траве кто-то по-прежнему выписывал круги, но ничего не было видно, кроме двух рыженьких спинок, двух красноватых тоненьких полосок...

— Идем, — сказала мать. — Вот, наконец подходящая для тебя компания.

Бемби охотно бы побежал, но мать выступала медленно, при каждом шаге осматриваясь по сторонам, и ему пришлось сдерживать шаг. Он был очень недоволен, он просто изнывал от нетерпения и любопытства.

Мать рассуждала вслух:

— Я была уверена, что мы встретим тетю Энну. «Где она пропадает?» — думала я. Конечно, я знала, что у нее тоже ребенок, об этом легко было догадаться. Но двойня!..

Энна наконец-то увидела кузину с племянником. Она подозвала детей и двинулась навстречу родичам.

Нужно было бы как следует приветствовать тетку, но Бемби ничего не замечал, кроме своих будущих товарищей.

— Ну, — сказала тетка, обратившись к Бемби, — вот это Гобо, а это Фалина. Можешь с ними играть.

Три малыша стояли как вкопанные, не в силах отвести глаз друг от дружки. Гобо рядом с Фалиной, Бемби напротив них. Стояли и смотрели во все глаза. Не шевелясь.

— Пусть их, — сказала мать. — Они сами разберутся.

— Прелестный ребенок! — сказала тетя Энна. — Крепкий, сильный, стройный!..

— Конечно, нам не на что жаловаться, — сказала польщенная мать. — Но у тебя двое, Энна!..

— Да, это так, это так! — подхватила Энна. — Ты же знаешь, дорогая, детьми я никогда не была обижена.

— Бемби мой первенец... — сказала мать.

— Видишь ли, — начала Энна, — раз на раз не приходится. Возможно, что в дальнейшем...

Дети все еще стояли неподвижно, тараща глаза. Ни один не проронил ни слова. Внезапно Фалина подпрыгнула и кинулась в сторону. Ей надоело такое

бессмысленное времяпрепровождение. Бемби бросился за ней, Гобо последовал его примеру. Они гонялись друг за дружкой, носились взад и вперед, выписывая красивые полукружья. Это было замечательно! Когда же, немного утомленные и запыхавшиеся, они остановились, то уже не было сомнений, что знакомство состоялось. Они принялись болтать. Бемби рассказал о своих беседах с кузнечиком и бабочкой-белянкой.

— А с майским жуком ты разговаривал? — спросила Фалина.

Нет, с майским жуком Бемби не разговаривал. Он даже не был с ним знаком. По правде, Бемби в глаза его не видал.

— Я частенько с ним болтаю, — заметила Фалина чутьочку свысока.

— А меня обругал ястреб! — сообщил Бемби.

— Не может быть! — поразился Гобо. — Неужели он тебя обругал? — Гобо вообще легко удивлялся. — А меня ежик уколол в нос, — заметил он, но так, между прочим: Гобо был очень скромн.

— Кто это — ежик? — заинтересовался Бемби.

Приятно иметь таких осведомленных друзей.

— Еж — ужасное создание! — воскликнула Фалина. — Весь в иголках и такой злющий!

— Ты думаешь, он злой? — сказал Гобо. — Он же никому не делает ничего плохого.

— А разве он тебя не уколол? — быстро возразила Фалина.

— Ах, я сам приставал к нему с разговорами. Да и уколол-то он меня совсем не больно.

Бемби повернулся к Гобо:

— А почему он не хотел с тобой разговаривать?

— Он ни с кем не желает разговаривать, — вмешалась Фалина. — Когда к нему подходишь, он сворачивается в клубок и весь ошетиливается иголками. Наша мама говорит, что он вообще ни с кем не водится.

— Может быть, он просто боится? — скромно заметил Гобо.

Но Фалина заявила решительно:

— Мама говорит, что от таких надо держаться подальше.

Бемби спросил Гобо тихонько:

— А ты знаешь, что такое... опасность?

Все трое, разом посерьезнев, тесно сблизили головы. Гобо задумался. Он и сам хотел бы понять, что такое опасность. Он видел, с каким нетерпением ждет его ответа Бемби.

— Опасность, — прошептал он, — опасность... это очень плохо.

— Я сам понимаю, что плохо, но... какая она?..

Все трое дрожали от страха.

Вдруг Фалина вскричала громко и весело:

— Опасность — это когда надо удирать! — и резво скакнула в сторону.

Ей надоело стоять и бояться неведомого. Гобо и Бемби прыгнули за ней.

И снова началось... Они прятались, зарываясь в душистый шелк травы, кувыркали, дурачились и совсем забыли о том большом и грозном, что волновало их несколько минут назад. Наигравшись властью, они снова стали болтать. Их матери тоже не теряли времени даром: они пощипывали траву и вели дружескую беседу. Но вот тетя Энна подняла голову и крикнула:

— Гобо, Фалина! Собирайтесь домой!..

Мать Бемби тоже позвала сына:

— Идем!.. Нам пора!..

— Еще немножечко! — бурно запротестовала Фалина. — Ну, еще чутьочку!

Бемби умолял мать:

— Побудем еще! Пожалуйста! Здесь так хорошо!

И Гобо повторял застенчиво:

— Так хорошо... еще чутьочку!..

И тут случилось нечто, что было куда значительнее и важнее всего, что пережил Бемби в этот день. Из леса донесся грохочущий топот, от которого дрогнула земля. Затрещали сучья, зашумели ветви, и, прежде чем можно было навести уши, это грозно грохочущее вынеслось из чащи, оставив там по себе треск, гул, свист. Словно ураган, промчались двое по поляне звонко-гремящим галопом и скрылись в чаще; но не прошло и минуты, как они вновь появились на том же месте, что и в первый раз, и замерли на фоне опушки, будто окаменели, шагах в двадцати друг от друга.

Бемби смотрел на них, как зачарованный. Они были очень похожи на мать и тетю Энну, но голову каждого из них венчала ветвистая корона в коричневых бусинах и белых зубцах. Бемби безмолвно переводил взгляд с одного на другого. Один — поменьше ростом, и корона его скромнее. Другой — величественно прекрасен. Он высоко и гордо нес голову, и бесконечно высоко возносились его рога. Переливчатый тон их колебался от совсем темного до белесого; они были усеяны множеством бусин и широко простирали свои сияющие белые отростки.

— О! — воскликнула Фалина восхищенно.

— О! — тихонько повторил Гобо.

Бемби молчал.

Но вот те двое зашевелились, повернули в разные стороны и медленно направились к лесу. Величественный олень прошел совсем близко от детей. В покойной красоте прошествовал он, гордо неся царственную голову и никого не удостоив взглядом.

Дети боялись дышать, пока он не скрылся в чаще. Они отважились обменяться взглядом лишь в тот момент, когда лес задернул свой зеленый полог за великолепным незнакомцем.

Фалина первая прервала молчание.

— Кто это был? — воскликнула она, и ее маленький дерзкий голосок дрожал.

Гобо повторил чуть слышно:

— Кто это был?

Бемби молчал.

Тетя Энна ответила торжественно:

— Это были отцы.

Больше ничего не было сказано, и родичи расстались. Тетя Энна с детьми сразу скрылась в ближнем кустарнике — там пролегал их путь. Бемби и его матери пришлось пересечь всю поляну, чтобы попасть к старому дубу, откуда начиналась их тропа. Бемби молчал очень долго. Наконец он спросил:

— Они нас видели?

— Да, они видят все, — ответила мать.

Странное чувство владело Бемби: он и боялся спрашивать и не мог молчать.

— Почему они... — начал он и осекся.

Мать пришла к нему на помощь:

— Что ты хотел сказать, маленький?

— Почему они не остались с нами?

— Да, они не остались с нами, — ответила мать, — но настанет время...

— Почему они с нами не говорили? — перебил ее Бемби.

Мать ответила:

— Сейчас они с нами не говорят... но настанет время... Нужно терпеливо ждать, когда они придут, и нужно ждать, когда они заговорят. Все будет так, как они захотят.

— А мой отец будет со мной разговаривать? — замирая, спросил Бемби.

— Конечно, дитя мое. Когда ты подрастешь, он будет с тобой разговаривать. И порой тебе будет дозволено находиться при нем.

Бемби молча шел рядом с матерью, все его существо было потрясено встречей с отцом. «Как он прекрасен! — шептал он про себя. — Как дивно прекрасен!». И все думал о величественном олене.

Мать как будто угадала мысли сына:

— Если ты сохранишь жизнь, дитя мое, если ты будешь благоразумен и сумеешь избежать опасности, ты будешь когда-нибудь так же силен и статен, как отец, и будешь носить такую же корону.

Бемби глубоко дышал. Его сердце заходило радостью, тревогой, надеждой...

<...>

...Бемби пробрался сквозь чащу, вышел на маленькую лесную прогалину и вдруг замер...

Там, на другом конце прогалины, в зарослях орешника стояло неведомое, небывалое существо. От него тянуло незнакомым, резким запахом, чужим, тяжким, сводящим с ума. Бемби был не в силах отвести глаз от незнакомца. Тот стоял удивительно прямо, на двух ногах, тонкий и узкий, у него было белесое лицо, совсем голое вокруг глаз и носа, отвратительно голое. Несказанным, холодным ужасом веяло от этого лица, но и странной, повелительной силой. Бемби не мог оторвать от него взгляда.

Незнакомец долго оставался недвижимым. Затем он поднял верхнюю ногу, расположенную так близко от лица, что Бемби поначалу даже не заметил ее. Но сейчас он вдруг увидел эту странную ногу, простертую в воздухе, и одного этого движения незнакомца было достаточно, чтобы Бемби сдунуло в сторону, как пушинку. Он и сам не заметил, как оказался в чаще. Откуда-то возникла мать и помчалась с ним рядом. Они мчались бок о бок сквозь кусты и валежник, мчались изо всех сил. Мать вела по одной ей ведомой тропе. Они сдержали шаг лишь у порога своей хижины.

— Ты видел?.. — тихо спросила мать.

Бемби не мог ответить, у него сперло дыхание. Он лишь кивнул головой.

— Это был... Он! — сказала мать. И обоих пронизала дрожь...

...Удивительный случай произошел с ним однажды днем. Он долго плутал по лесу без цели и смысла. Не выбирая дороги, он сворачивал то влево, то вправо, то возвращался вспять, то снова брел вперед. А затем в какой-то момент он остановился и звонким, отчаянным голосом стал звать маму. Не то чтобы он испугался — он просто не мог больше оставаться один, ему не под силу стало одиночество. И вдруг рядом с ним оказался один из отцов. Бемби не слышал его приближения и сильно струхнул. Этот старый олень был самым мощным из всех виденных Бемби, самым рослым и горделивым. Шуба его полыхала ярко-красным пламенем, от лица исходило серебристо-серое мерцание, развесистые, в темных буграх рога высоко возносились над чутко прядящими ушами. Он смерил Бемби суровым взглядом.

— Чего ты кричишь? — произнес он. — Ты что же, не можешь быть один? Стыдись!

Бемби хотел сказать, что ему уже не раз приходилось оставаться одному, что он привык быть один, но язык словно прилип к гортани. Жгучий стыд охватил все его маленькое существо. А старый олень повернулся и вмиг исчез, будто провалился сквозь землю. Это было невероятно: как ни прислушивался Бемби, его слух не уловил ни топота копыт, ни хотя бы слабого шороха потревоженного кустарника. Бемби обнюхивал воздух — никого. Он вздохнул облегченно, и все же он бы много дал, чтобы еще раз увидеться со старым оленем и снискать его расположение.

Бемби ни слова не сказал матери об этой встрече. Но теперь он уже не кричал, не звал ее, когда она исчезала. Бродя в одиночестве, он страстно мечтал о встрече со старым оленем. Он бы сказал ему: «Видишь, я больше не боюсь». И тогда старый олень, может, похвалил бы его...

Настала зима... Мир неузнаваемо изменился. И нелегко было Бемби приспособиться к этому изменившемуся миру. На смену прежнему богатству пришла нищета. Бемби считал чем-то само собой разумеющимся, что его окружали

избыток и довольство, что он никогда не знал недостатка в еде, что спал он в прекрасной, убранной зеленью хижине и разгуливал в красивой, гладенькой красной шубке. Но теперь все стало по-иному...

Тут-то и пришла нужда. Ветер и дождь чисто сделали свое дело. Ни одного листочка не сохранилось на кустах и деревьях. Лесные исполины стояли нагие, обобранные и жалобно простирали к небу свои голые коричневые ветви-руки. Трава на лужайке пожухла и стала такой низенькой, будто вросла назад в землю. Голой и бесприютной выглядела хижина. С тех пор как исчезли ее зеленые стены, там уже нельзя было чувствовать себя так надежно, как прежде, к тому же со всех сторон пронзительно дуло. <...>

...Порой непогода стихала — ненадолго опять валил снег, наметывая огромные, непролазные сугробы. Когда же пригревало солнце, снег подтаивал. Ночью его прихватывало морозом, на поверхности застывала тонкая ледяная корочка. Стоило поскользнуться, и корочка трескалась, острые ее края больно ранили нежные суставы ног.

Последние дни стоял трескучий мороз. Ядреный, звенящий воздух был чист и прозрачен. Но в притихшем, будто очарованном, лесу вершились страшные, кровавые дела. Ворона напала на маленького больного сына зайца и заклевала его насмерть. Долго звучал в лесу его тонкий, страдающий голосок. Друг-приятель заяц находился в это время в пути, и, когда до него дошло печальное известие, он едва не лишился рассудка.

В другой раз куница разорвала белочке горло. Белочка вырвалась из ее цепких когтей, взобралась на дерево и, как одержимая, стала кататься по ветвям. Иногда она вдруг садилась, в отчаянии подымала передние лапки, обхватывала бедную свою голову, и красная кровь струилась по белой грудке. Внезапно она сжалась, хрустнули сучья, и белочка упала в снег. Тотчас к тушке слетелись голодные сойки и принялись за свое мрачное пиршество.

А вскоре после этого лиса разорвала красивого, сильного фазана, которого любил и уважал весь лес.

Весть о его гибели разнеслась далеко окрест, вызвав всеобщее сожаление и горячее сочувствие к безутешной вдове. Лиса выкопала фазана из-под снега, где он перемогал зиму в полной уверенности, что он надежно укрыт. Теперь уж никто не мог считать себя в безопасности, коль такое случалось среди бела дня. Нужда, которой не предвиделось конца, породила ожесточение и грубость. Нужда усыпляла совесть, пресекала добрые побуждения, разрушала хорошие обычаи, убивала жалость.

— Гха-х! — вскричала сойка и громко прокричала знакомый всем сигнал тревоги.

Внезапно олени тесно сбились в кучу. То был Он!

Волна невыносимого запаха плыла сквозь чащу, дурманила голову, ужасом холодила сердце. Вздурораженный лес наполнился движением, щебетом, писком.

В ветвях шныряли синицы — сотни маленьких пушистых комочков — и пищали изо всех силенок:

— Вперед! Вперед!

С паническим криком пронесся черный дятел. Сквозь темную сетку обнаженного кустарника было видно, как на снегу металась узкая, длинная тень. То были фазаны. Посреди них мелькало что-то красное, вероятно лиса. Но никто теперь не боялся ее. Тяжкий, невыносимый запах тек сквозь лес, примиряя всех его обитателей в общем страхе, в общем стремлении спастись, во что бы то ни стало.

Этот таинственный, давящий запах пронизывал лес с такой неслыханной, небывалой силой, что все поняли: на этот раз Он не один. Он идет с себе подобными.

Не двигаясь, смотрели олени на встрепанных, растерянных синиц и дроздов, на белок, отчаянно скачущих со ствола на ствол, и думали, что всем этим малюткам, в сущности, нечего бояться. И все же олени понимали их: ведь и эти малютки чуяли Его, а ни одно лесное существо не может вынести Его приближение...

Вот прискакал друг-приятель заяц, на миг остановился и поспешно заскакал дальше.

— Что там происходит? — крикнул ему вдогон Карус.

Друг заяц присел, но лишь повел глазами, говорить он не мог.

— К чему спрашивать? — сумрачно проговорил Ронно.

Друг заяц глотнул воздуха.

— Мы окружены, — прошептал он беззвучно. — Выхода нет. Всюду Он!

И в тот же миг все услышали Его голос. Десять, двадцать, тридцать раз подряд Он прокричал: — Хо-хо-хо-хо! Ха-ха-ха-ха!..

Это звучало сокрушительно, как буря или ураган. Он колошматил по стволам деревьев, заставляя их громко стонать. Это было ужасно. Шорох и свист раздвигаемых кустов, стон деревьев, гром и треск ломаемых сучьев сопровождал каждый Его шаг. Он шел сюда, в самую чащу.

Там, откуда Он шел, послышались короткие, свистящие трели, всхлопы широких крыльев — это поднялся фазан. Секунду или две было слышно, как набирает он высоту, и тут раздался резкий удар грома. Тишина. Затем глухой удар о землю.

— Он убит, — трепеща, сказала мать Бемби.

— Первая жертва, — добавил Ронно.

Марена, юная девушка, почти ребенок, сказала:

— В этот час погибнут многие из нас. И я буду среди них.

Но сейчас было не до нее, над всем господствовал страх. Бемби пытался понять происходящее, но все нарастающий шум путал его мысли. Гремело, свистело, трещало, громыхало со всех сторон, и в этом сумбуре звуков Бемби слышал, как бьется его сердце.

Время от времени мать говорила ему: «Будь подле меня». Она говорила громко, почти кричала, но в окружающем гуле казалось, что она шепчет. Это «будь подле меня» давало Бемби какую-то опору. Слова матери приковывали его будто

цепью, иначе бы он давно кинулся наутек. Но всякий раз, когда он терял над собой власть, слышал он эти слова.

Бемби осмотрелся. Вот проскочила чета ласок: две узенькие, извивающиеся полоски, едва уловимые глазом. Еж жадно прислушивался к каждой новости, которую, запинаясь, сообщал ему вконец отчаявшийся заяц. Вертелась лиса в сутолоке мельтешащихся фазанов. Они не обращали на нее никакого внимания, сновавали под самым ее носом, но и лисе было не до них. Вытянув шею, насторожив уши, она всюю работала носом, пытаясь что-нибудь понять во всей этой суматохе. Рыжим пушистым хвостом она часто колотила себя по ногам.

Торопливо подбежал фазан. Он выскочил из самого пекла и был вне себя.

— Только не подниматься! — кричал он своим. — Только не подниматься! Бежать, бежать и бежать! Он без конца твердил одно и то же, будто хотел убедить самого себя, но едва ли сознавал, что говорит.

— Хо-хо-хо!.. Ха-ха-ха!.. — прозвучало совсем рядом.

— Только не подниматься! — крикнул фазан и тут же, с громким треском расправив крылья, взлетел.

Бемби следил, как прямо и круто взмыл он между деревьев, шурша крыльями, мерцая синим и коричневым в золото глянец своего роскошного убора, чудесного, как драгоценность. Шлейф его длинных хвостовых перьев гордо распространялся по воздуху. Резко прозвучал короткий удар грома. Фазан сложился, перевернулся через голову, будто желая ухватить клювом собственные ноги, и тяжело рухнул наземь. Он упал посреди фазаньей сутолоки и больше не двигался. Пять или шесть фазанов одновременно поднялись в воздух, громко шурша крыльями.

— Не подниматься! — кричали остальные, бросившись врассыпную.

Гром ударил пять или шесть раз, и взлетевшие фазаны бездыханными упали на землю.

— Теперь идем! — сказала мать.

Бемби обернулся. Ронно и Карус уже ушли. Исчезла и тетя Неттла. Лишь одна Марена осталась с ними. Они двинулись вперед: Бемби рядом с матерью, позади скромно выступала Марена.

Бушевало, ревело, трещало, гремело со всех сторон. Мать оставалась спокойной. Она, правда, не могла унять дрожь, но сохраняла ясный разум.

— Бемби, дитя мое, — говорила она, — об одном прошу: держись все время возле меня. Мы отсюда выберемся, только не надо торопиться.

А канонада все нарастала. Десять–двенадцать раз подряд прогремел гром, который Он извлекал из своих рук.

— Спокойно, — повторяла мать. — Только не бежать! Когда мы найдем лаз, тогда беги, беги изо всех сил. И помни, дитя мое: ты не должен обращать внимания на меня. Что бы ни случилось со мной... даже если я упаду...помни одно: бежать, бежать изо всех сил!

Мать расчетливо, шаг за шагом, продвигалась вперед, не обращая внимания на то, что творилось вокруг.

Взад и вперед носились фазаны, с размаху зарывались в снег, тут же выпрастывались и мчались дальше. Вычерчивая зигзаги, прискакала вся зайчиная семья, присела и враз дружно заскакала дальше.

Никто не произносил ни слова. Измученные страхом, оглушенные непрерывными раскатами грома, лесные обитатели словно утратили разум.

Лес немного проредился, и впереди, в плетении кустарника, засияла светлая щель. А позади, приближаясь с каждой секундой, раздавался барабанный постук по стволам деревьев, треск ломаемых сучьев, раскатистое «Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!..».

Дорогу оленям перескочил друг-приятель заяц с двумя сородичами. Бум-тар-рах! — прогремел гром. Бемби увидел, как заяц на бегу перекувырнулся, показав светлое брюшко, и остался лежать. Он дернулся раз, другой и затих. Бемби в страхе остановился. Но тут раздался чей-то крик:

— Они идут!.. Прочь отсюда!.. Скорее прочь!..

Громкий шорох широко распластанных крыльев, свист, рыдание, шелест оперения — это всей стаей поднялись фазаны. А громовые удары рвали воздух в клочья. Было слышно, как глухо шлепались на землю сбитые птицы, как отряхивались те из них, кому удалось спастись.

И вдруг Бемби услышал чью-то незнакомую поступь и оглянулся. То был Он. Он возник из всех кустов, ближних и дальних. Отовсюду, куда ни кинешь взгляд, круша все на своем пути, барабана по стволам деревьев, ломая кустарник, со всех сторон надвигался Он.

— Пора! — сказала мать. — Вперед! Не прижимайся ко мне, держись чуть поодаль. — Одним прыжком достигла она лаза и, взметнув столб снега, выскочила наружу. Бемби ринулся следом. Гром гремел над самой его головой; казалось, раскалывается небо. Ничего не видя перед собой, Бемби мчался вперед. Лишь одно неистовое желание владело им: вырваться из этого грохота и чадного дурмана, спастись, спастись, во что бы то ни стало, иного не было в его сердце. Он бежал. На какой-то миг Бемби привиделось, будто мать упала, но, возможно, это только показалось ему. Пелена застилала глаза. Гонимый страхом, мчался он вперед, мчался без памяти, без чувств, без разума...

До самого вечера носился Бемби по гремящему, грохочущему лесу. Лишь с наступлением темноты все утихло. Легкий ветерок выдул прочь отвратительный запах, успевший проникнуть в самые укромные уголки леса <...> Бемби никогда больше не видал своей матери...

...Бемби перебрался через овраг и стал искать старого вождя. Давно уже, с самой гибели Гобо, не виделись они.

Наконец Бемби увидел старого и со всех ног кинулся ему навстречу. Некоторое время они молча шли бок о бок. Затем старый спросил: — Ну, часто среди ваших вспоминают о нем? Бемби догадался, что тот имеет в виду Гобо. — Не знаю... я почти все время один... — И нерешительно добавил: — Но я... часто думаю о нем. — Значит, ты теперь один? — Да, — сказал Бемби и выжидательно посмотрел на старого. Но старый молчал. Они пошли дальше. Внезапно старый остановился. — Ты ничего не слышишь? Бемби прислушался. Нет, он ничего не слышит. — Идем! — воскликнул старый и поспешно зашагал вперед. Бемби следовал за ним. И снова старый остановился: — Ты все еще ничего не слышишь? На этот раз Бемби уловил какой-то невнятный шорох. Похоже было, что где-то пригнулись и резко распрямились ветви. При этом что-то пухло и мягко ударились о землю. Бемби приготовился к бегству. — Идем туда! — приказал старый и, повернувшись на шум, устремился вперед. — А там не опасно? — спросил на бегу Бемби. — Как же!.. — мрачно отозвался старый. — Там большая опасность! Вскоре они увидели рослый куст черемухи. Ее ветки порывисто раскачивались вверх и вниз, словно кто-то дергал и тряс. Подбежав ближе, они обнаружили, что здесь пролегает небольшая просека. И в самом начале просеки, на земле, простерся друг-приятель заяц. Он то метался в разные стороны, то вдруг замирал, то снова начинал метаться, причем каждое его движение отзывалось на ветвях черемухи. Бемби заметил тонкую нить, похожую на побег или усик растения. Туго натянутая нить спускалась с ветки, другим концом захлестнув шею зайца. Верно, друг-приятель заяц услышал, что кто-то идет. Он подскочил, упал, снова вскочил, порываясь бежать, но тут же кувырком полетел в траву и беспомощно забарахтался. — Спокойно, друг заяц! Спокойно, это я! — сказал старый вождь мягким, исполненным сострадания голосом, пронявшим Бемби до самого сердца. — Только не двигайся! Главное — не двигайся! Заяц послушался. Теперь он лежал совсем тихо, лишь из груди его вырывалось сдавленное, хриплое дыхание. Старый взял губами ветку черемухи, пригнул книзу и наступил на ее конец. Плотно придавив ветку копытом, он одним ударом рогов переломил ее. Затем повернулся к зайцу: — Крепись, как бы больно тебе ни было. Склонив голову набок, он прижал один из рогов короны к затылку зайца, глубоко просунул его за ушами-ложками в мех и стал нащупывать петлю. Короткая судорога пронизала тело зайца. Старый тотчас его отпустил.

— Спокойно! — сказал он. — Дело идет о жизни! Сызнова принялся он за свою работу. Заяц лежал тихо и неподвижно. Бемби следил за ними в молчаливом изумлении. Рог старого далеко проник в мех зайца и нащупал, наконец, петлю. Опустившись на колени, старый сверлящим движением головы просунул рог глубоко в петлю, чуть ослабив ее хватку. Заяц судорожно глотнул воздух, и тотчас же его ужас и боль вырвались из него громким воплем. — Молчи же! — сказал старый вождь с кроткой укоризной. Его рот упирался в плечо зайца, рог торчал между ушами-ложками, и было, похоже, словно он насквозь проткнул друга-приятеля зайца. — Не будь же таким глупым и перестань плакать, — совсем не строго ворчал старый. — Ты что же, хочешь лису сюда приманить? То-то и оно! Лежи спокойно!.. И он продолжал работать медленно, осторожно, сосредоточенно. Внезапно петля со свистом скользнула прочь. В первое мгновение заяц даже не заметил, что оказался на свободе. Затем он вскочил, сделал шаг и ошеломленно припал к земле. Но вот он прыгнул, еще раз и еще. Вначале робко, затем все смелее и вдруг припустил со всех ног. — Даже не поблагодарил!.. — возмущенно воскликнул Бемби. — Он еще не пришел в себя, — мягко сказал старый вождь. Петля лежала на земле, на вид такая мирная и неопасная. Бемби тихонечко дотронулся до нее копытом. Она тонко зашипела, и Бемби испуганно отдернул ногу. Этот звук не принадлежал к знакомым ему лесным шумам. — Он? — тихо спросил Бемби. Старый вождь кивнул. Не спеша двинулись они прочь. — Запомни этот урок, — говорил старый вождь. — Когда идешь по просеке, всегда проверяй ветки. Выставляй вперед рога и води ими вверх и вниз и, если услышишь такой вот шип, поворачивай назад. Будь вдвойне внимателен и осторожен в то время, когда ты не носишь корону. Я в эту пору вообще не хожу по просекам. Бемби молчал, погруженный в свои думы. — Так Его самого здесь нет... — прошептал он, наконец, в глубоком удивлении. — Нет, сейчас Его нет в лесу, — подтвердил старый. — И все-таки Он есть! — горько сказал Бемби. Старый вождь пристально взглянул на Бемби. — Как это говорил ваш Гобо? Кажется, бедняга называл Его всемогущим и всемилостивейшим? — А разве Он не всемогущий?.. — прошептал Бемби. — Так же как и не всемилостивейший! — гневно сказал старый вождь. — А как же с Гобо?.. — робко пробормотал Бемби. — С Гобо он был добр...

Старый остановился.

— Ты так думаешь, Бемби? — спросил он печально. Впервые назвал он Бемби по имени.

— Не знаю! — воскликнул Бемби томительно. — Я ничего не знаю!

Старый вожь проговорил медленно:

— Что же, учись жизни и будь настороже.

В этот день с Бемби случилось несчастье.<...> Бемби стоял один под старым дубом, на краю поляны, и пил утренний ветерок, который был так чист, что ничем не тревожил обоняние. Влажный, бодрящий ветерок, приятно и свежо пахнущий землей, росой, травой и сырым деревом. Бемби всей грудью вобрал воздух. Ему вдруг стало так легко на душе, как давно уже не было. Весело вышел он на поляну, окутанную бледным туманом.

И тут ударил гром.

Страшный толчок заставил Бемби покачнуться, осесть на задние ноги. В неистовом ужасе прыгнул он назад в чащу и бросился бежать. Он не понимал, что случилось, он не мог сосредоточиться ни на одной мысли, но только бежал, бежал. Страх с такой силой сдавил ему сердце, что трудно было дышать. Внезапно он почувствовал острую, колющую боль, правое бедро облилось нестерпимым жаром. Он невольно сдержал бег, затем перешел с бега на шаг. Задние ноги налились тяжестью, и Бемби показалось, что у него сломлен крестец. Он опустился на землю.

Какое наслаждение тихо лежать и ни о чем не думать!..

— Вставай, Бемби! Вставай! — Он почувствовал, что кто-то толкает его в плечо.

Он приоткрыл глаза и увидел старого вождя.

— Я не могу... — Бемби и сам не знал, произнес ли он это вслух или только подумал.

— Вставай, Бемби, вставай! — В голосе старого вождя было столько властного напора и вместе нежности, что даже боль, переполнявшая Бемби, на мгновение стихла.

— Вставай! Ну, вставай же!.. — Глубокий, мощный голос впервые дрогнул испугом. — Надо бежать, дитя мое!..

«Дитя мое!» Эти слова непроизвольно вырвались из сердца старого вождя, и вмиг Бемби встал на ноги.

— Вот так! — кивнул старый вожь, тяжело дыша. — Сейчас ты пойдешь со мной... Теперь ты всегда будешь со мной!..

Он быстро зашагал вперед. Бемби побрел за ним, но его томило желание опуститься на землю, смежить веки и потерять себя в неведомом боли забытии.

Старый вожь догадывался о том, что происходит с Бемби.

— Сейчас ты должен стерпеть любую боль. Ты не смеешь думать о покое... Думай только о спасении, только о спасении, и ни о чем больше... Ты слышишь меня,

Бемби? Беги... иначе ты погиб... Думай о том, что Он идет по твоим следам и убьет тебя без сожаления. Ну, прибавь шагу... так... хорошо... Вперед, дитя мое, вперед!

Но Бемби уже ни о чем не думал. Каждый шаг причинял ему невыносимую муку, казалось, все его тело стало сплошной кровоточащей раной.

Старый вожь описывал широкий круг. Это длилось бесконечно долго. Сквозь пелену боли и слабости Бемби с удивлением обнаружил, что они вновь оказались у старого дуба. <...> Еще некоторое время вел он Бемби по прежнему следу, затем сделал петлю и принялся описывать новый круг. Бемби следовал за ним в полузабытии. Вторично, но уже с другой стороны вышли они к дубу, вторично прошли место, где Бемби упал, затем вожак вновь круто изменил направление.

— Ешь вот это! — Старый вожь остановился и указал Бемби на крохотные темно-зеленые жирные и курчавые листочки, росшие у самой земли.

Бемби повиновался. Вкус листочков был горек и невообразимо противен. Через некоторое время старый спросил:

— Ну, как теперь?

— Лучше, — ответил Бемби.

К нему внезапно вернулся дар речи, сознание прояснилось, и усталость как рукой сняло.

— Теперь ты пойдешь впереди, — приказал старый вожь. Долго шел он позади Бемби, пока не остановил его вдруг радостным возгласом:

— Наконец-то!..

Бемби недоуменно оглянулся.

— Твои раны больше не кровоточат, — пояснил старый вожь. — Кровь перестала капать на кусты и травы и уже не указывает Ему и Его собаке дорогу к твоей жизни!

Старый вожь казался усталым, измученным, но голос его вновь был полон бодрой силы.

— Идем же, — сказал он, — теперь тебе нужен покой.

Они подошли к широкому рву. Старый вожь спустился вниз, затем в несколько могучих прыжков одолел крутой подъем. Бемби последовал за ним, но ему никак не удавалось взобраться на другую сторону. Боль снова проснулась в нем, он спотыкался, падал, вставал, карабкался дальше и вновь оскользал назад.

— Я ничем не могу помочь тебе, — говорил сверху старый вожь, — но ты должен — слышишь меня, Бемби? — должен взобраться сюда.

И мучительным, неистовым усилием Бемби одолел кручу.

Он чувствовал, как стремительно истаивает в нем сила, тяжелый жар боли подкатил к самому сердцу.

— Твоя рана опять кровоточит, хотя и не так сильно, — сказал старый вожь. — Я этого ждал. Но сейчас это не причинит нам вреда...

Медленно, шаг за шагом, продвигались они сквозь высокий, чуть не до неба, кустарник. Почва была твердой и гладкой. Ноги разъезжались, идти становилось

все труднее. Бемби снова захотелось лечь на землю, закрыть глаза и ни о чем не думать. У него начиналась лихорадка, голова раскалывалась, темная пелена застилала зрение. И ничего не осталось в нем, кроме желания отдыха и покоя, да еще равнодушного удивления перед тем, как внезапно, в один миг, изменилась его жизнь. Неужели был он когда-то здоровым и добрым?.. Да, был... еще сегодня утром... совсем недавно... Но казалось, что это счастье было пережито в какие-то неправдоподобно далекие времена...

И все же он шел. Позади остался дубняк, молодой ольшаник, и вот громадный, потрескавшийся ствол бука в густотище боярышника преградил им путь.

— Мы пришли... — как сквозь сон, где-то в стороне от себя, услышал Бемби голос старого вождя.

Слепой от боли и усталости, он двинулся на голос и вдруг провалился в какую-то яму.

— Вот так! — спокойно сказал старый вождь. — Теперь продвигайся немного вперед и ложись.

Яма, в которую упал Бемби, уходила под ствол бука, там она углублялась и расширялась наподобие пещеры. Боярышник и дрок сомкнулись над ее входом, укрыв Бемби от всего света.

— Здесь ты будешь в безопасности, — донесся сверху голос старого вождя.

Шли дни. Бемби лежал в теплом лоне земли, над головой — гнилая кора поверженного дерева. Он прислушивался к своей боли, которая вначале все росла и ширилась в его теле, затем словно сжалась, стянулась в малый очажок, все еще оставаясь острой, и вдруг начала быстро, день ото дня, слабеть, утихать.

Изредка Бемби выбирался наружу. Вначале он мог только стоять на своих ослабевших ногах, но вскоре отважился сделать два-три шатких, неверных шага. Теперь он мог добывать себе пищу. Бемби выбирал такие травы, на которые никогда бы не польстился прежде, даже в зимнюю бескормицу. Но сейчас они манили, притягивали его своим ароматом редкой, влекущей остроты. То, чем он прежде брезговал, что выплевывал, случайно прихватив вместе с хорошей, сладкой травой, казалось теперь удивительно вкусным, пряным яством. Некоторые стебли и травы и сейчас были противны ему по вкусу, но он заставлял себя есть их, чувствуя их целебную силу. И раны его быстро затягивались.

Бемби был почти здоров, но все еще не покидал яму. Лишь ночью выходил он немного размяться, а день проводил в своей надежной земляной постели.

Только сейчас, когда боль отпустила его, Бемби впервые осознал, как бы нано-во пережил все, что произошло с ним, и великий ужас потряс его душу.

Он выздоровел телом, но еще долго не мог вернуть себе свою прежнюю, несмятенную душу и потому не решался выйти в большой мир, зажить прежней вольной жизнью.

Дни, недели лежал он в яме под стволом поверженного бука, испытывая то страх, то стыд, то удивление, то глубокую благодарность к своему спасителю, и был порой то безнадежно грустен, то почти счастлив.

Вначале старый вождь не покидал Бемби ни днем, ни ночью. Потом он стал ненадолго отлучаться, считая, что Бемби полезно одинокое раздумье. Но и тогда он держался поблизости от пещеры.

Бемби стоял на маленькой укрытой лужайке, выкроившей себе местечко в непроходимой, глухой чаще. Над его головой в луче солнца плясал и кружился комариный рой. Тихое жужжание донеслось из листвы орешника, приблизилось, и рядом с Бемби пролетел большой майский жук. Пронизав комариный рой, он поднимался все выше и выше к маковкам деревьев, где он привык отсыпаться до самого вечера. Его роговицы остренько торчали, его крылышки звенели. Раздавшийся комариный рой вновь сомкнулся за ним.

Но еще некоторое время в перехвате солнечного луча сверкало его золотисто-коричневое тельце, опутанное стеклянными сверком крылышек.

Проводив взглядом майского жука, Бемби двинулся дальше.

— Вы знаете, кто это? — взволнованно гудели комары, роясь почти над самой его короной.

— Это старый вождь, — говорили одни. А другие добавляли:

— Все его родичи давно умерли, а он все живет и живет.

— Сколько же ему лет? — любопытствовал крошечный комарик.

— Это трудно сказать, — ответил взрослый комар. — Олени живут долго, чуть не целый век. Возможно, они тридцать, сорок раз видят солнце... Наша жизнь тоже длится немало, но мы видим день лишь однажды или дважды.

— А старый вождь? — спросил комарик.

— Он пережил всех своих. Вероятно, он стар, как мир... Он столько видел, столько испытал, что это невозможно представить себе.

«Комариные песни, — подумал Бемби, — комариные сказки».

Нежный, боязливый клич достиг его уха.

Бемби прислушался и пошел напролом сквозь густую заросль, совсем тихо, совсем беззвучно, — это давно уже стало его привычкой.

Снова прозвучал зов, настойчивый, жалостный, в два голоса, и эти голоса напомнили Бемби его былой, детский голос.

— Мама!.. Мама!..

На прогалинке, тесно прижавшись друг к дружке, стояли два малыша в красных шубках, брат и сестра, покинутые и унылые.

— Мама!.. Мама!..

Еще не замер их горестный крик, когда перед ними предстал Бемби.

Робко уставились малыши на пришельца.

— У матери нет сейчас времени для вас, — строго сказал Бемби. — Он заглянул в глаза маленькому: — Ты что же, не можешь быть один? Стыдись!

Малыш и его сестренка испуганно молчали. Бемби повернулся и исчез в заросли орешника. «Малыш нравится мне, — думал он с нежностью, бесшумно

скользя сквозь рослые травы, кустарник и бурелом. — Мы еще встретимся с ним, когда он подрастет... И маленькая тоже очень мила. Она похожа на Фалину, когда та была девочкой...»

Он шел все дальше и дальше, пока сумеречная глубина леса не поглотила его.

А. ЛИНДГРЕН

ПРИНЦЕССА, НЕ ЖЕЛАЮЩАЯ ИГРАТЬ В КУКЛЫ

(Пер. со швед. Е. Соловьевой)

Жила-была на свете принцесса. Звали ее Лисе-Лотта. Волосы у нее были светлые, кудрявые, глаза голубые, почти как у всех принцесс. А еще была у нее целая комната игрушек. Чего там только не было: и чудесная маленькая мебель, и игрушечные кухонные плиты с настоящими маленькими кастрюльками и кофейниками. Были там и всякие игрушечные звери, и мягкие игрушечные кошки, и косматые игрушечные собачки, и кубики, и коробки с красками, и альбомы для раскрашивания, и настоящий игрушечный магазин с изюмом, миндалем, сахаром и леденцами в коробочках, и много-много кукол. Но принцесса не желала играть в куклы. Не желала — и все тут.

Ее мама-королева всякий раз огорчалась, когда видела, как Лисе-Лотта сидит невеселая в своей красивой комнате с игрушками и все о чем-то думает да думает.

— Лисе-Лотта, почему ты не хочешь в куклы играть?

— Это так скучно, — отвечала Лисе-Лотта.

— Может, тебе купить новую куклу? — спрашивала королева.

— Нет, нет, — отвечала Лисе-Лотта, — я вовсе не люблю кукол.

И тогда королева стала думать, что Лисе-Лотта захворала, и послала за собственным доктором принцессы, который тут же явился и дал новое лекарство. Теперь-то уж она приободрится, повеселеет и начнет играть в куклы, — решил доктор.

Но не тут-то было. Лисе-Лотта, правда, попыталась успокоить свою маму-королеву. Сотни миленьких кукольных платьиц висели на маленьких-премаленьких вешалках, оставалось только выбирать. Она взяла куклу в голубом платьице и надела вместо него красное. Но тут же, едва успев переодеть куклу и взглянуть на нее, сказала:

— Ты такая же противная, как и была.

И, зашвырнув куклу в угол, заплакала.

Принцесса жила в необыкновенно красивом замке вместе с папой-королем и мамой-королевой. И была у них целая сотня придворных дам и столько же кавалеров. У Лисе-Лотты ни братьев, ни сестер не имелось, и других детей она не знала. Королева считала, что маленькой принцессе не подобает играть с детьми, которые родились не принцессами и не принцами. Лисе-Лотте, никогда не выдавшей других детей, казалось, что на свете есть одни только взрослые, а маленькая она одна. Если иногда какая-нибудь из придворных дам пыталась поиграть с

Лисе-Лоттой, девочка замыкалась, потому что считала это нелепым, садилась на стул и молчала.

Замок располагался посреди большого сада, а вокруг тянулась высокая каменная стена. Заросшая колючими розами, она все равно оставалась высокой каменной стеной, так что не выглянешь на волю и не узнаешь, что за этой стеной находится. Правда, в той стене были чудесные ворота с высокими решетками, которые открывались и закрывались всякий раз, когда король выезжал в своей золоченой, запряженной шестеркой белых лошадей карете. Но у ворот всегда несли службу королевские солдаты, и Лисе-Лотта не хотела туда ходить: она была немножко застенчива.

В самой глубине сада находилась маленькая-премаленькая решетчатая калитка. Ни одного солдата возле нее на страже не стояло, калитка была заперта, а ключ висел рядом на крючке. Принцесса часто гуляла у этой калитки и смотрела на волю.

Но однажды случилось нечто удивительное. Подойдя к решетке, принцесса увидела, что за ней стоит человек ничуть не больше ее самой. Это была просто-напросто маленькая девочка, точь-в-точь такая же маленькая, как и сама принцесса, только платье на этой девочке было не шелковое, как на Лисе-Лотте, а ситцевое, в скромную клеточку. Девочку звали Майей.

— Почему ты такая маленькая? — спросила Лисе-Лотта.

— Не меньше, чем ты, — ответила Майя.

— Так-то оно так, — сказала Лисе-Лотта, — но мне казалось, что я — единственная на свете такая малышка.

— Мы с тобой, пожалуй, одинаковые, — сказала Майя. — Тебе бы нужно поглядеть моего братца у нас дома, он — вот такой малюсенький.

И Майя показала руками, какой именно он величины. Лисе-Лотта осталась весьма довольна. Подумать только, на свете есть люди, такие же маленькие, как она сама. А может, найдутся и еще меньше.

— Открой мне калитку и мы сможем поиграть, — предложила Майя.

— Ну уж нет, — сказала Лисе-Лотта, — хуже игр ничего на свете нет, уж я-то знаю. А ты любишь играть?

— Еще бы! И в самые разные игры, — сказала Майя. — Вот с этой моей куклой.

Она протянула что-то, больше похожее на чурбанчик, закутанный в тряпки. Это была деревянная кукла. Когда-то, возможно, у нее и было лицо, но теперь нос отвалился, а глаза Майя сама нарисовала красками. Лисе-Лотта никогда в жизни не видела такой куклы.

— Ее зовут Крошка, — пояснила Майя. — И она такая славная!

«Может, — подумала Лисе-Лотта, — с Крошкой играть веселее, чем с другими куклами. Как бы то ни было, это очень приятно побыть с кем-то, кто такой же, как ты».

Лисе-Лотта поднялась на цыпочки, достала ключ и открыла Майе калитку.

В этой стороне сада были густые заросли сирени. Девочки укрылись в них, словно в беседке, и их никто не мог видеть.

— Как хорошо! — сказала Майя. — Давай поиграем, будто мы здесь живем, будто я мама, ты служанка, а Крошка — маленький ребенок.

— Я согласна! — сказала Лисе-Лотта.

— Но тебе нельзя называться Лисе-Лоттой, раз ты служанка, — продолжала Майя. — Я буду звать тебя просто Лоттой.

— Я согласна! — повторила Лисе-Лотта.

И они начали играть. Поначалу игра не ладилась, ведь Лисе-Лотта не знала, что должна делать служанка, не знала, как ухаживать за маленькими детьми, но довольно быстро она научилась. «Все-таки играть довольно весело», — подумала принцесса.

Вскоре «хозяйке» понадобилось пойти в город — купить провизию.

— Теперь, Лотта, ты должна подмести пол, — велела она. — И не забудь сварить Крошке молочный суп к двенадцати часам. Если она будет мокрая, переодень ее.

— Хорошо, это я могу сделать, — согласилась Лисе-Лотта.

— Нет, ты не так говоришь, — сказала Майя. — Ты должна отвечать: «Слушаюсь, госпожа».

— Слушаюсь, госпожа, — повторила Лотта.

И тогда «госпожа» отправилась в «город», а Лотта подмела пол веником из ветвей, которые она наломала, и Крошка поела молочный суп; Лисе-Лотта очень за ней ухаживала. Вскоре «хозяйка» вернулась домой, принесла «сахар», «шпинат» и прекрасную «телятину». Лисе-Лотта видела, конечно, что «сахар» — это просто песок, «шпинат» — листья сирени, «телятина» же — обыкновенная дощечка. Но уж очень приятно было думать, что они вправда шие. И до чего весело! Щеки принцессы порозовели, глаза сияли.

Потом «хозяйка» с Лоттой взяли малину и отжимали ее через красивый платочек принцессы, малиновый сок стекал по ее розовому платьицу, и принцесса никогда еще так не веселилась.

Зато какой переполох поднялся в замке. Придворные дамы и кавалеры повсюду искали принцессу, а королева плакала от горя. Наконец она сама отправилась на поиски и отыскала Лисе-Лотту в глубине сада за густыми зарослями.

— Дорогое мое дитя, — еще не придя в себя, закричала королева, — так поступать не годится!

Но тут заплакала Лисе-Лотта.

— Ах, мама, не мешай нам, уходи, ведь мы играем, — попросила она.

Королева увидела «сыр», «шпинат», «жаркое из телятины» и Крошку... И сразу поняла, кто научил Лисе-Лотту играть и почему щеки у принцессы порозовели... Королева была достаточно умна и тут же предложила Майе приходить к ним каждый день и играть с принцессой. Можете представить себе, как обрадовались девочки. Они взялись за руки и закружились на месте.

— Но мама, почему ты никогда не дарила мне такой куклы, как Крошка, с которой можно играть? — полюбопытствовала Лисе-Лотта.

Королева смогла лишь ответить, что никогда не видела подобной куклы в тех дорогих лавках, где обычно покупала игрушки для принцессы. Теперь же, во всяком случае, Лисе-Лотте страшно захотелось иметь у себя такую куклу, как Крошка, и вот королева спросила, не хочет ли Майя поменяться и взять взамен одну из кукол Лисе-Лотты. Поначалу Майя и слышать об этом не хотела. Но королева уговорила ее хотя бы сходить с ними в замок и посмотреть кукол Лисе-Лотты.

Когда Майя вошла в детскую принцессы, глаза ее расширились от удивления и стали такими большими, как блюдца. Столько игрушек сразу ей никогда видеть не доводилось, и сначала она подумала, что попала в игрушечную лавку.

— Ой, сколько кукол! — ошеломленно сказала Майя.

— Миленькая, моя миленькая, можешь взять, какую захочешь, только отдай мне Крошку, — попросила принцесса.

Майя посмотрела на Крошку и посмотрела на все этих кукол с закрывающимися глазами. У Майи никогда ни одной такой не было.

— Да, — сказала она, — надо же подумать и о Крошкином счастье. Так чудесно, как здесь, у меня дома ей никогда не будет. Там ей придется лежать просто в старой обувной коробке. Бери ее.

— Спасибо, милая, милая Майя, — прошептала счастливым голосом Лисе-Лотта. — Не горюй, ты будешь приходить, и видеть ее каждый день.

— Непременно, — согласилась Майя, разглядывая большую куклу с кудрявыми каштановыми волосами, в светло-голубом шелковом платьице.

— Можно я возьму ее? — прошептала она.

Ей позволили. И когда Майя расправляла платьице на животе куклы, та пролепетала: «Мама».

— Мне нужно пойти домой и показать куклу моей маме, — сказала Майя.

И она сбежала по ступенькам и выскользнула из калитки; Майя крепко прижимала к груди куклу и была так рада, что даже забыла попрощаться.

— Приходи завтра опять, — крикнула Лисе-Лотта.

— Обязательно приду, — прокричала Майя. И скрылась из виду.

— Мое самое красивое, милое дитя, — сказала Лисе-Лотта Крошке, — тебе пора спать.

У Лисе-Лотты было несколько игрушечных колясок, но одна была гораздо красивее других. В ней уже лежала кукла, но ее Лисе-Лотта безжалостно швырнула на пол.

И вот теперь Крошка лежала на розовой шелковой, вышитой цветами простынке, а накрыли ее светло-зеленым шелковым одеяльцем. Так она и лежала, с разбитым носом и нарисованными глазками, и глядела в потолок, как будто не могла поверить, что все это правда.

С. ТОПЕЛИУС

Три ржаных колоска

(Пер. со швед. А. Любарской)

Все началось под Новый год.

Жил в деревне богатый крестьянин. Деревня раскинулась на берегу озера, и на самом видном месте стоял дом богача — с пристройками, амбарами, сараями за глухими воротами.

А на другом берегу, возле самого леса, ютилась маленькая бедная избушка — всем ветрам открытая. Да только и ветру нечем было там разжиться.

На дворе была стужа. Деревья так и трещали от мороза, а над озером кружились тучи снега.

— Послушай, хозяин, — сказала жена богатея, — давай положим на крышу хоть три ржаных колоса для воробьев. Ведь праздник нынче, Новый год.

— Не так я богат, чтобы выбрасывать столько зерна каким-то воробьям, — сказал старик.

— Да ведь обычай такой, — снова начала жена. — Говорят, к счастью это.

— А я тебе говорю, что не так я богат, чтобы бросать зерно воробьям, — сказал, как отрезал, старик.

Но жена не унималась.

— Уж, наверное, тот бедняк, что на другой стороне озера живет, — сказала она, — не забыл про воробьев в новогодний вечер. А ведь ты сеешь хлеба в десять раз больше, чем он.

— Не болтай вздор, — прикрикнул на нее старик. — Я и без того немало ртов кормлю. Что еще выдумала — воробьям зерно выбрасывать!

— Так-то оно так, — вздохнула старуха, — да ведь обычай...

— Ну, вот что, — оборвал ее старик, — знай свое дело, пеки хлеб да присматривай, чтобы окорок не подгорел. А воробьи — не наша забота.

И вот в богатом крестьянском доме стали готовиться к встрече Нового года — и пекли, и жарили, и тушили, и варили. От горшков и мисок стол прямо ломился. Только голодным воробьям, которые прыгали на крыше, не досталось ни крошки. Напрасно кружили они над избой — ни одного зернышка, ни одной хлебной крошки не нашли.

А в бедной избушке на другой стороне озера словно и забыли про Новый год. На столе и в печи было пусто, зато воробьям было приготовлено на крыше богатое угощение — целых три колоса спелой ржи.

— Если бы мы вымолотили эти колосья, а не отдали их воробьям, и у нас был бы сегодня праздник. Каких бы лепешек я напекла к Новому году! — сказала со вздохом жена бедного крестьянина.

— Какие там лепешки! — засмеялся крестьянин. — Ну, много бы зерна намолотила бы ты из этих колосьев? Как раз для воробьиного пира.

— И то правда, — согласилась жена. — А все-таки...

— Не ворчи, мать, — перебил ее крестьянин, — я ведь скопил немного денег к Новому году. Собирай-ка скорее детей, пусть идут в деревню да купят нам свежего хлеба и кувшин молока. Будет и у нас праздник — и не хуже, чем у воробьев.

— Боюсь я посылать их в такую пору, — сказала мать, — тут ведь и волки бродят.

— Ничего, — сказал отец, — я дам Юхану крепкую палку, этой палкой он всякого волка отпугнет.

И вот маленький Юхан со своей сестренкой Ниллой взяли санки, мешок для хлеба, кувшин для молока, прихватили здоровенную палку на всякий случай и отправились в деревню на другой берег озера.

Когда они возвращались домой, сумерки уже сгустились. Вьюга намела на озере большие сугробы.

Юхан и Нилла с трудом тащили санки, то и дело проваливаясь в глубокий снег. А снег все валил и валил, сугробы росли и росли, тьма сгущалась все больше и больше, а до дому было еще далеко.

Вдруг во тьме перед ними что-то зашевелилось. Человек не человек, и на собаку не похоже. А это был волк — большущий, худой. Пасть открыл, стоит поперек дороги и воет.

— Сейчас я его прогоню, — сказал Юхан и замахнулся палкой.

А волк даже с места не сдвинулся. Видно, ничуть его не испугала палка Юхана, но и на детей нападать он как будто не собирался. Он завыл еще жалобнее, словно просил о чем-то. И, как ни странно, дети отлично понимали его.

— У-у-у, какая стужа, какая лютая стужа, — жаловался волк, — моим волчатам совсем есть нечего! Они пропадут с голоду!

— Жаль твоих волчат, — сказала Нилла, — но у нас самих нет ничего, кроме хлеба. Вот возьми два свежих караваев для своих волчат, а два останутся нам.

— Спасибо вам, век не забуду вашу доброту, — сказал волк, схватил зубами два караваев и убежал.

Дети завязали потуже мешок с оставшимся хлебом и, спотыкаясь, побрели дальше.

Они прошли совсем немного, как вдруг услышали, что кто-то тяжело ступает за ними по глубокому снегу. Кто бы это мог быть? Юхан и Нилла оглянулись. А это был огромный медведь. Медведь что-то рычал по-своему, и Юхан с Ниллой сначала никак не могли понять его. Но скоро они стали разбирать, что он говорит.

— Мор-р-роз, какой мор-р-роз, — рычал медведь. — Все р-р-р-ручьи замерзли, все р-р-реки замерзли...

— А ты чего бродишь? — удивился Юхан. — Спал бы в своей берлоге, как другие медведи, и смотрел бы сны.

— Мои медвежата плачут, просят попить. А все реки замерзли, все ручьи замерзли. Как же мне напоить моих медвежат?

— Не горюй, мы отольем тебе немного молока. Давай твое ведерко!

Медведь поставил берестяное ведерко, которое держал в лапах, и дети отлили ему полкувшина молока.

— Добрые дети, хорошие дети, — забормотал медведь и пошел своей дорогой, переваливаясь с лапы на лапу.

А Юхан и Нилла пошли своей дорогой. Поклажа на их санках стала полегче, и теперь они быстрее перебирались через сугробы. Да и свет в окне их избышки уже виднелся сквозь тьму и метель.

Но тут они услышали какой-то странный шум над головой. Это был и не ветер, и не вьюга. Юхан и Нилла посмотрели вверх и увидели безобразную сову. Изю всех сил она била крыльями, стараясь не отстать от детей.

— Отдайте мне хлеб! Отдайте молоко! — выкрикивала сова скрипучим голосом и уже растопырила свои острые когти, чтобы схватить добычу.

— Вот я тебе сейчас дам! — сказал Юхан и принялся размахивать палкой с такой силой, что совиные перья так и полетели во все стороны.

Пришлось сове убираться прочь, пока ей совсем не обломали крылья.

А дети скоро добрались до дому. Они стряхнули с себя снег, втащили на крыльцо санки и вошли в дом.

— Наконец-то! — радостно вздохнула мать. — Чего я не передумала! А вдруг, думаю, волк им встретится...

— Он нам и встретился, — сказал Юхан. — Только он нам ничего плохого не сделал. А мы ему дали немного хлеба для его волчат.

— Мы и медведя встретили, — сказала Нилла. — Он тоже совсем не страшный. Мы ему молока для его медвежат дали.

— А домой-то привезли хоть что-нибудь? Или еще кого-нибудь угостили? — спросила мать.

— Еще сову! Ее мы палкой угостили! — засмеялись Юхан и Нилла. — А домой мы привезли два каравая хлеба и полкувшина молока. Так что теперь и у нас будет настоящий пир!

Время уже подходило к полуночи, и все семейство уселось за стол. Отец нарезал ломтями хлеб, а мать налила в кружки молока. Но сколько отец ни отрезал от каравая, каравай все равно оставался целым. И молока в кувшине оставалось столько-же, сколько было.

— Что за чудеса?! — удивлялись отец с матерью.

— Вот как много мы всего накупили! — говорили Юхан и Нилла и подставляли матери свои кружки и плошки.

Ровно в полночь, когда часы пробили двенадцать ударов, все услышали, что кто-то царапается в маленькое окошко.

И что же вы думаете? У окошка топтались волк и медведь, положив передние лапы на оконную раму. Оба весело ухмылялись и приветливо кивали головой, словно поздравляли их с Новым годом.

На следующий день, когда дети подбежали к столу, два свежих каравая и полкувшина молока стояли будто нетронутые. И так было каждый день. А когда пришла весна, веселое чириканье воробьев словно приманило солнечные лучи на маленькое поле бедного крестьянина, и урожай у него был такой, какого никогда

никто не собирал. И за какое бы дело ни взялись крестьянин с женой, все у них в руках ладилось и спорилось.

Зато у богатого крестьянина хозяйство пошло вкривь и вкось. Солнце как будто обходило стороной его поля, и в закромах у него стало пусто.

— Все потому, что мы не бережем добро, — сокрушался хозяин. — Тому дай, этому одолжи. Про нас ведь слава: богатые! А где благодарность? Нет, не так мы богаты, жена, не так богаты, чтобы о других думать. Гони со двора всех попрошаек!

И они гнали всех, кто приближался к их воротам. Но только удачи им все равно ни в чем не было.

— Может, едим слишком много, — сказал старик. И велел собирать к столу только раз в день. Сидят все голодные, а достатка в доме не прибавляется.

— Верно, мы едим слишком жирно, — сказал старик. — Слушай, жена, пойди к тем, на другом берегу озера, да поучись, как стряпать. Говорят, в хлеб можно еловые шишки добавлять, а суп из брусничной зелени варить.

— Что ж пойду, — сказала старуха и отправилась в путь. Вернулась она к вечеру.

— Что, набралась ума-разума? — спросил старик.

— Набралась, — сказала старуха. — Только ничего они в хлеб не добавляют.

— А что, ты пробовала их хлеб? Уж, верно, они свой хлеб подальше от гостей держат.

— Да нет, — отвечает старуха, — кто ни зайдет к ним, они за стол сажают да еще с собой дадут. Бездомную собаку и ту накормят. И всегда от доброго сердца. Вот оттого им во всем удача.

— Чудно, — сказал старик, — что-то не слыхал я, чтобы люди богатели оттого, что другим помогают. Ну да ладно, возьми целый каравай и отдай его нищим на большой дороге. Да скажи им, чтобы убирались подальше на все четыре стороны.

— Нет, — сказала со вздохом старуха, — это не поможет. Надо от доброго сердца подавать...

— Вот еще! — заворчал старик. — Мало того, что свое отдаешь, так еще от доброго сердца!.. Ну ладно, дай от доброго сердца. Но только уговор такой: пусть отработают потом. Не так мы богаты, чтобы раздавать свое добро даром.

Но старуха стояла на своем:

— Нет, уж если давать, так без всякого уговора.

— Что же это такое! — Старик от досады прямо чуть не задохнулся. — Свое, нажитое — даром отдавать!

— Так ведь если за что-нибудь, это уж будет не от чистого сердца, — твердила старуха.

— Чудные дела!

Старик с сомнением покачал головой. Потом вздохнул тяжело и сказал:

— Слушай, жена, на гумне остался небольшой снопок немолоченной ржи. Вынька три колоса, да побереги к Новому году для воробьев. Начнем с них.

❧ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ЗАУЧИВАНИЯ НАИЗУСТЬ ❧

А. ПУШКИН

«Уж небо осенью дышало...»

(Из романа «Евгений Онегин»)

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

Ф. ТЮТЧЕВ

«Зима недаром злится...»

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И все засуетилось,
Все нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

С. ЕСЕНИН

Береза

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.
А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

Н. РУБЦОВ

Про зайца

Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой —
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.

И еще, наверно, долго,
Притаившись в тишине,
Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него

После дедушки Мазая
Не осталось никого...

В. ОРЛОВ

«Ты лети к нам, скворушка...»

Ты лети к нам, скворушка.
Принеси нам солнышко!
Разбуди весну скорей
Звонкой песенкой своей!

Через кручи горные,
Через тучи черные,
Ты лети, лети, лети —
Не сворачивай с пути!

Ты лети к нам, скворушка —
Шелковое перышко!
На березе новый дом
Ждет тебя
В краю родном!

Е. БЛАГИНИНА

Шинель

— Почему ты шинель бережешь? —
Я у папы спросила. —
Почему не порвешь, не сожжешь? —
Я у папы спросила.

Ведь она и грязна, и стара,
Приглядись-ка получше,
На спине вон какая дыра,
Приглядись-ка получше!

— Потому я ее берегу, —
Отвечает мне папа, —
Потому не порву, не сожгу, —
Отвечает мне папа. —

Потому мне она дорога,
Что вот в этой шинели

Мы ходили, дружок, на врага
И его одолели!

Н. ГЕРНЕТ, Д. ХАРМС

Очень-очень вкусный пирог

Я захотел устроить бал,
И я гостей к себе...

Купил муку, купил творог,
Испек рассыпчатый...

Пирог, ножи и вилки тут —
Но что-то гости...

Я ждал, пока хватило сил,
Потом кусочек...

Потом подвинул стул и сел
И весь пирог в минуту...

Когда же гости подошли,
То даже крошек...

Э. МОШКОВСКАЯ

Добежали до вечера

Мы бежали и спешили,
Потому что быстро жили!
Мы бежали и скакали,
И с утра не отдыхали,
И поели
На бегу,
И попили
На скаку,
Запыхались,
Спотыкались,
Утомились,
Удивились:
Добежали мы до ВЕЧЕРА,
Видим — дальше делать нечего:
В небе звездочка зажглась,
Надо жить
Не торопясь...

И. СУРИКОВ

Зима

Белый снег пушистый в воздухе кружится
И на землю тихо падает, ложится.
И под утро снегом поле побелело,
Точно пеленою все его одело.

Темный лес что шапкой принакрылся чудной
И заснул под нею крепко, непробудно...
Божьи дни коротки, солнце светит мало,
Вот пришли морозцы — и зима настала.

Труженик-крестьянин вытащил санишки,
Снеговые горы строят ребятишки.
Уж давно крестьянин ждал зимы и стужи,
И избу соломой он укрыл снаружи.

Чтобы в избу ветер не проник сквозь щели,
Не надули б снега вьюги и метели.
Он теперь покоен — все кругом укрыто,
И ему не страшен злой мороз, сердитый.

П. СОЛОВЬЕВА

Подснежник

В лесу, где березки столпились гурьбой,
Подснежника глянул глазок голубой.
Сперва понемножку
Зеленую выставил ножку,
Потом потянулся из всех своих маленьких сил
И тихо спросил:
«Я вижу, погода тепла и ясна,
Скажите, ведь правда, что это весна?»

С. МАРШАК

Тает месяц молодой.
Гаснут звезды чередой.
Из распахнутых ворот
Солнце красное идет.
Солнце за руку ведет
Новый день и новый год!

☞ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ЧТЕНИЯ В ЛИЦАХ ☜

К. АКСАКОВ

Лизочек

Мой Лизочек так уж мал, так уж мал,
Что из крыльев комаришки
Сделал две себе манишки
И — в крахмал!

Мой Лизочек так уж мал, так уж мал,
Что из грецкого ореха
Сделал стул, чтоб слушать эхо,
И кричал!

Мой Лизочек так уж мал, так уж мал,
Что из листика сирени
Сделал зонтик он для тени
И гулял!

Мой Лизочек так уж мал, так уж мал,
Что из скорлупы яичной
Фазтон¹ себе отличный
Заказал!

Мой Лизочек так уж мал, так уж мал,
Что из скорлупы рачонка —
Сшил четыре башмачонка
И — на бал!

Мой Лизочек так уж мал, так уж мал,
Что, одувши одуванчик,
Он набил себе диванчик,
Тут и спал!

Мой Лизочек так уж мал, так уж мал,
Что наткать себе холстины
Пауку из паутины
Заказал!

¹Фазтон — экипаж, карета.

А. ФРОЙДЕНБЕРГ

Великан и мышь

(Пер. с нем. Ю. Коринца)

Тсс! Тихо! Слушайте, ребята!
Жил великан один когда-то.

Во сне вздохнул он что есть сил
И мышь! живую! проглотил.

Бедняга прибежал к врачу:
Я мышку съел! Я не шучу!

Помилуйте, какие шутки,
Она пищит в моем желудке...

Был врач умнейший человек,
Он строго глянул из-под век:

Откройте рот, скажите «А».
Живую мышь? Зачем? Когда?

Сейчас? Так что же вы сидите!
Идите кошку проглотите!

Д. САМОЙЛОВ

У Слопенка день рождения

Пьеса-сказка

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Слониха
Слоненок
Верблюжонок
Кот
Сурок
Утенок
Поросенок

Сурок

Послушайте необычайно важное сообщение:
У Слопенка сегодня день рождения!
Об этом событии знают все:
Сороки сказали лисе,

Лиса сказала Кротихе,
Кротиха — зайчихе,
Зайчиха — Верблюду,
Верблюд рассказал везде и повсюду,
И это снова дошло до сорок...

Слоненок

Что, во-первых, мама печет пирог,
Что, во-вторых, слоны — особый народ
И рождение справляют два раза в год!

Слониха

Что слоненку ровно семь с половиной лет,
Что приглашены на обед...

Утенок

Утенок — Слоненку ближайший друг,

Поросенок

Поросенок Хрюк,

Волчонок

Волчонок — веселый озорник,

Верблюжонок

Верблюжонок — первый ученик.

Слониха

И конечно — Сурок
Музыкант и педагог,
Ради него-то и печется пирог.

Сурок

Благодарю вас.
Впрочем сейчас
Разговаривать некогда.
Пять часов без пяти минут:
Звери в гости к Слопу идут.

Все (поют)

Мы идем к Слопенку в гости на рождение,
Нам готовят, нам готовят угощение!

Нас ведет Сурок —
Знаменитый педагог,
Он на скрипочке играет,
Звери песенку поют.
Если ты собрался в гости — не опаздывай,
А в гостях плохой характер не показывай.
Нас ведет Сурок —
Знаменитый педагог,
Он на скрипочке играет,
Звери песенку поют.

Слониха

Здравствуйте, здравствуйте, дорогие звери!

Все

Здравствуйте!

Слониха

Проходите, не стойте у двери.

Сурок

Здравствуйте, Слониха!

Слониха

Здравствуйте, Сурок!

Волчонок

Здесь, кажется, есть пирог!
Дайте мне немедленно кусок!

Звери

И нам! И нам!

Слониха

Только не сейчас!

Сурок

Погодите, звери, мне стыдно за вас.
Какая невоспитанность! Какое нетерпение!
Помните — вы приглашены на рождение,
А Слоненка даже не поздравили!

Вы, ей богу, меня покраснеть заставили!
Как это ужасно! Это возмутительно!

Слониха

Но они же дети, им это простительно.

Сурок

Поздравление Слоненку-сыну
И Слонихе-маме
По особой программе
Начнем!

Звери

Мы Слоненка поздравляем,
И желаем, желаем...

Утенок

Чтоб Слоненок был прилежен,

Волчонок

Не небрежен, не изнежен,

Поросенок

И начитан, и воспитан,

Верблюжонок

И не скучен, и послушен.

Голоса

... Чистоплотен и добротен...
... Не всеяден и не жаден...
... И не скуп, и не глуп...
ЖЕЛАЕМ СЧАСТЬЯ И ДОБРА,
ГИП-ГИП-УРА! ГИП-ГИП-УРА!

Слониха

Прекрасно, прекрасно!

Сурок

Я все это написал без единой помарки.

Слоненок

Мама, а где же подарки?
На рождение надо приносить подарки.

Слониха

Ну что вы на это скажете?

Сурок

Сейчас будут и подарки!
Первый — Волчонок.

Волчонок

Я принес тебе марки.
Они невкусные — я съел штук пять,
А потом всю ночь не мог спать.

Слоненок

Спасибо!

Сурок

Теперь — Утенок.

Утенок

Вот перышко из моего хвоста...

Слоненок

Какая красота!
Я немедленно привяжу это перышко к хвосту
И буду носить, пока не подрасту.

Волчонок

Ты стал похож на утенка,
А я очень люблю утят...

Сурок

Веди себя прилично.
В гостях друг друга не едят.
Поросенок!

Поросенок

А я принес калач. Вот он — попрошу.

Слоненок

Можно, я откушу?
Можно, я его съем?

Слониха

Нет, ты должен раздать всем.

Слоненок

Сейчас раздам.

Волчонок

А-ам!

Слоненок

Где же калач?

Все

Где же калач?!

Волчонок

Вот беда.
Я такой рассеянный иногда.
Вот и сейчас — я проглотил его по ошибке.

Слоненок

Зачем он съел мой калач?!

Сурок

Ладно, Слоненок, не плачь.
Верблюжонок тебе приготовил сюрприз.

Верблюжонок

Сейчас будет сюрприз!
Только сначала отвернись.
Заводная механическая игрушка!

Все

Пушка!

Слоненок

А где же пушка?

Сурок

Вот она!

Слоненок

Нет. Это просто маленький пистолет.

Верблюжонок

Нет, Слоненок, это пушка.

Вот ствол, а вот лафет.

Слоненок

То, что для всех — пушка,

Для слона — пистолет.

Лапы вверх! Пиф-паф, пиф-паф...

Слониха

Сейчас не время для этих забав.

Прошу, проходите в слоновую

Столовую!

А вот и пирог.

Все

А-а! Пирог! Пирог!...

Утенок

Какой кря-кря-крясивый!

Волчонок

Какой огромный!

Поросенок

Наверно, сладкий!

Волчонок

Я бы, пожалуй, скушал кусок.

Утенок

А я — два.

Поросенок

А я — сто или двести.

Верблюжонок

Погодите, не лезьте.

Мы, верблюды, не любим съестного,

Честное верблюжачье слово!

И поэтому отойдите, Волчонок и Свинья,

Первым пирог пробую я!

Все

Нет, я! Нет, я!

Сурок

Погодите, молодые друзья,

Вы так ведете себя, в самом деле,

Будто никогда пирогов не ели.

Давайте сначала поиграем, споем.

А угощение будет потом...

Слониха, поставьте пирог на окно.

Звери становитесь в круг,

Нам споет Поросенок Хрюк.

Поросенок (поет)

Все про нас говорят, что мы грязные,

Среди нас, поросят, есть разные.

И глупые, и умные,

И тихие, и шумные —

Разные бывают поросята.

Быть почище один старается,

В каждой луже другой купается,

Есть чистые, опрятные —

Разные бывают поросята!

Поросенком одним восхищаются,

Поросенком другим возмущаются.

Есть славные, примерные,

Есть жадные и скверные —

Разные бывают поросята.

Слониха

Прекрасно, прекрасно!

Какие таланты бывают среди поросят.

Одну минуточку, там стучат.

Кот

Приятно, да-да! Приятно, ха-ха!
О-о-о-чень приятно!
Здравствуйте, уважаемая Слониха,
Почтенный Сурок, очаровательный Слоненок,
Прелестный Утенок, несравненный Верблюжонок,
Прекрасный Волчонок
И восхитительный Поросенок!
Я, кажется, попал на бал?
Я, видите ли, хотел сообщить по секрету
Величайшую новость.
Зайду в другой раз.

Слониха

Ах, Кот, оставайтесь у нас!

Все

Оставайтесь у нас!

Слониха

Расскажите нам секрет.

Кот

Ах, нет.
Ей-богу, я слишком занят,
Я работаю воспитателем в мышином детском саду.
Разрешите, я пойду.

Слониха

Нет, вы наш гость и вы останетесь у нас.

Кот

Я зайду в другой раз.

Слониха

Я обижусь, я вас очень прошу!

Кот

Ну что ж, хотя я и спешу,
Я остаюсь...ох!
Здесь, кажется, есть пирог?

Сурок

Всему свой срок.
Вы, кажется, хотели сообщить нам секрет?

Кот

Секрет? Нет.
Я дал слово, что буду молчать.

Сурок

Но нам вы можете сказать.
Здесь все свои.

Слониха

Скажите! Не томите!

Кот

Нет!

Все

Ах, скажите!

Кот

Ах, нет!

Все

Ну, скажите!

Кот

Нет.
Впрочем, ладно, я скажу.
Итак, сегодня я прохожу...

Все

Где?

Кот

Прохожу мимо....

Все

Чего?

Кот

Прохожу мимо того, где нет ничего,
И вижу того, кто ни на что не похож,
И вижу, как он берет нож...
Где тут нож?
Вот так...он берет нож...

Все

А-ах!

Кот

Отрезает кусок...
Где тут пирог?
Вот так отрезает кусок...
И вот...вот так разевает рот...

Все

А-ах!

Кот

...И вот...вот...
Куска и нет.
Вот, собственно говоря, и весь секрет.

Слоненок

Какой же это секрет?

Верблюжонок

Это бред.

Поросенок

Это обман.

Утенок

Он, по-моему, пьян.

Слониха

Откровенно говоря, я ничего не поняла!

Кот

Именно так и обстояли дела.
Разрешите, я еще раз покажу.

Волчонок

Не смейте прикасаться к ножу!

Слониха

Я, кажется, поняла, в чем дело,
Надо, чтоб детвора играла и пела.

Сурук

Коты порой опасней, чем тигры.
Итак, дети, продолжим наши игры.
Чья очередь?

Волчонок

Моя.
Народный танец «Волк у ручья».
А мне подыграют Слоненок и Сурук.

Слоненок

Где моя труба?

Сурук

Где мой смычок?

(Волчонок танцует.)

Утенок

Прекрасно! Прекрасно!

Волчонок

Ой, с меня градом течет пот.
Выходи, Утенок, твой черед.

Утенок

Я расскажу сказку про Кря-кря-крясную Шапочку.
Это очень крясивая сказка.
Трогательная до слез.

Волчонок

Ну вот, понес...
Рассказывай!

Утенок

Жила-была... Жил-был...
А дальше я забыл...

Сурок

Попробуй вспомнить.

Утенок

Вчера пре-кря-сно помнил,
А сейчас забыл...

Сурок

Ну тогда не задерживай нас,
Расскажешь как-нибудь в другой раз.
А ты, Верблюжонок, чем порадуешь друзей?

Верблюжонок

Ей-ей.
Я сегодня не в настроении.
У нас, верблюдов, бывают припадки эдакой хандры,
Когда мы, так сказать, не очень бодры.
Но тем не менее
Я прочитаю стихотворение
Собственного сочинения.
«В лесу родилась елочка,
В лесу она росла,
Та елочка верблюдику
Подарена была.
Сперва от этой елочки
Он отжевал вершок,
А после скушал елочку
По самый корешок».
Ну как?

Слоненок

А елочку не едят.

Верблюжонок

Как не едят?
Мы, верблюды, едим даже кактус.

Так-то-с!

Мы едим всё и этим горды.
И вообще обходимся без еды.

Поросенок

Ага!
Значит, ты можешь обойтись без пирога!
Отдай его мне.

Верблюжонок

Не желаю этого слушать!
Чтоб потом не есть, надо сперва покушать.
Кстати, пора попробовать пирог.
Что вы об этом думаете, уважаемый Сурок?

Сурок

М-да...

Волчонок

Но где же пирог?

Поросенок

Пирог пропал!

Утенок

Может быть, он упал?

Все

Где, где пирог?

Слониха

Тихо, тихо, я уверена, что это шутка.

Сурок

Пора кончать эту глупую шутку.
Кто спрятал пирог?

Кот

Одну минутку!
Я думаю, что дело крайне серьезно.

Искать пирог — поздно.
Его съел Волчонок,
Пока верблюд читал стихотворение,
На его морде я видел варенье,
Но не придал этому значения.

Слононок

Как ты посмел?
Зачем ты съел?

Все

Как ты посмел?
Зачем ты съел?

Волчонок

Честное слово, я пирога не брал.
Спросите Поросенка, он видал.
Я сидел с ним рядом.

Поросенок

Правильно. Сидел с закрытым ртом.

Сурук

Сейчас я расправлюсь с этим скотом.
Успокойтесь, скоро
Я отыщу вора.
Слониха, пройдемте на кухню
И дайте мне горшок.

Слониха

Пожалуйста, уважаемый Сурук!

Кот

Какое печальное происшествие!
Как это могло случиться?
К сожалению, я вынужден удалиться,
Иначе я бы этого молодца...

Сурук

Нет, Кот, вы останетесь здесь до конца!
Вот, звери, перед вами волшебный горшок.

Он достаточно широк,
Чтоб вы туда сунули ваши лапки.
Просьба одна:
Дотронуться до дна.
Как только вор притронется ко дну,
Горшок закричит. Ну?
Начинай Волчонок.

Волчонок

Горшок молчит. Виноват не я.

Поросенок

Молчит, как копченая свинья.

Утенок

Молчит, как утиный паштет.

Верблюжонок

Молчит, как верблюжий след.

Слононок

Молчит, как слоновый бивень в музее.

Сурук

А ну-ка, Кот. Подходите скорее.
Суйте лапу поближе в горшок.

Кот

Нет уж, вы первый.

Сурук

Молчит, как сурук.
Суйте-ка вашу лапу, Кот.
Поглубже, поглубже! Вот-вот-вот!

Кот

Горшок молчит, как сметана!

Слониха

Все это очень и очень странно.
Кто же все-таки этот плут?

Сурок

Выясним все через пять минут.
А ну-ка, звери, покажите ваши лапы.

Все

А-а!

Волчонок

Наши лапы черны, как арапы.

Верблюжонок

Наши лапы почему-то в саже.

Сурок

А вот вам, звери, виновник кражи.
Глядите на лапу Кота.

Все

Она чиста!

Сурок

В этом-то все и дело.
Горшок, который я вам принес,
Никакой не волшебный,
А самый обыкновенный.
Я сделал с ним только одно,
Немного сажу насыпал на дно,
Все вы дотронулись до дна,
Потому что совесть у вас чиста,
Все, за исключением Кота.

Волчонок

Разрешите, я его укушу!

Слоненок

Я его хоботом оглушу!

Утенок

А я его клюну!

Верблюжонок

А я на него плюну!

Кот

Ха-ха-ха! Любовь к шуткам — мое главное свойство!
Простите за напрасное беспокойство.
Вот ваш пирог,
Я спрятал его в мешок
И откусил лишь маленький кусок.

Слониха

Как вам не стыдно, Кот!
От пирога остались только крохи!

Кот

Но и они не плохи.
Кушайте, звери, кушайте ради бога.

Сурок

Кот, уходите с этого порога!
Вы старый обманщик и старый плут,
Вам нечего делать тут.
Пусть узнают все звери лесные,
Степные и болотные,
Какое вы скверное животное.
Уходите прочь!

Все

Прочь! Прочь!

Кот

Да, я уйду, но вы мне ответите за оскорбление!
Я буду жаловаться в домоуправление!
Я, мяу, я мяу, подлец и прохвост,
Я пакостил всем многократно.
И каждого зверя мне дернуть за хвост —
Приятно, да-да, приятно, ха-ха,
Очень приятно!

Слониха

Ну и мошеник! Как только терпит свет его?
Не печальтесь, я завтра испеку вам пирог лучше этого!
Приходите прямо с утра.

Сурок

А теперь, зверята, пора.
 Пора по домам.
 Не волнуйте ваших пап и мам.
 До свидания, Слониха! До свидания, Слоненок!

Слониха

До свидания, Сурок! До свидания, детвора!

Утенок

Ни пуха, ни пера!

Слоненок

Приходите, я очень люблю гостей,
 Если они не шалуны и проказники,
 Приходите ко мне и в будни, и в праздники.
 Приходите завтра, прямо с утра.

Звери (поют)

Мы уходим, мы уходим,
 Потому что поздний час.
 До свиданья, до свиданья,
 Было весело у вас.
 Замечательно, замечательно!
 До свидания, Слоненок!
 До свидания, Сурок!
 До свидания, Слониха,
 Просим нам испечь пирог.
 Настоятельно, настоятельно!
 Мы уходим, мы уходим,
 Потому что время спать.
 Если будет день рождения,
 Позовите нас опять
 Обязательно, обязательно!

Конец

С. МАРШАК**Кошкин дом***ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА*

Кошка
 Кот Василий
 Котята 1-й, 2-й
 Козел
 Коза
 Петух
 Курица
 Свинья
 Грачи
 Овца
 Старый бобер
 Бобры
 Петушки
 Поросята
 Рассказчик

Хор

Бим-бом! Тили-бом!
 На дворе — высокий дом.
 Ставенки резные,
 Окна расписные.

А на лестнице ковер —
 Шитый золотом узор.
 По узорному ковру
 Сходит кошка поутру.

У нее, у кошки,
 На ногах сапожки,
 На ногах сапожки,
 А в ушах сережки.

На сапожках —
 Лак, лак.
 А сережки —
 Бряк-бряк.

Платье новое на ней,
 Стоит тысячу рублей.
 Да полтысячи тесьма,
 Золотая бахрама.

Выйдет кошка на прогулку
 Да пройдет по переулку,
 Смотрят люди, не дыша:
 До чего же хороша!

Да не так она сама,
 Как узорная тесьма,
 Как узорная тесьма,
 Золотая бахрама.

Да не так ее тесьма,
 Как угодня и дома.

Про богатый кошкин дом
 Мы и сказку поведем.

Посиди да погоди —
Сказка будет впереди!

Рассказчик

Слушайте, дети:
Жила-была кошка на свете,
Заморская,
Ангорская.
Жила она не так, как другие кошки:
Спала не на рогожке,
А в уютной спальне,
На кровати маленькой,
Укрывалась алым
Теплым одеялом
И в подушке пуховой
Утопала головой.

Тили-тили-тили-бом!
Был у кошки новый дом.
Ставки резные,
Окна расписные.
А кругом — широкий двор,
С четырех сторон забор.
Против дома, у ворот,
Жил в сторожке старый кот.
Век он в дворниках служил,
Дом хозяйский сторожил,
Подметал дорожки
Перед домом кошки,
У ворот стоял с метлой,
Посторонних гнал долой.

Вот пришли к богатой тетке
Два племянника-сиротки.
Постучались под окном,
Чтобы их пустили в дом.

Котята

Тетя, тетя кошка,
Выгляни в окошко!
Есть хотят котята.
Ты живешь богато.

Обогрей нас, кошка,
Покорми немножко!

Кот Василий

Кто там стучится у ворот?
Я — кошкин дворник, старый кот!

Котята

Мы — кошкины племянники!

Кот Василий

Вот я вам дам на пряники!
У нас племянников не счесть,
И всем охота пить и есть!

Котята

Скажи ты нашей тетке:
Мы круглые сиротки,
Изба у нас без крыши,
А пол прогрызли мыши,
А ветер дует в щели,
А хлеб давно мы съели...
Скажи своей хозяйке!

Кот Василий

Пошли вы, попрошайки!
Небось хотите сливок?
Вот я вас за заправок!

Кошка

С кем говорил ты, старый кот,
Привратник мой Василий?

Кот Василий

Котята были у ворот —
Поесть они просили.

Кошка

Какой позор! Была сама
Котенком я когда-то.
Тогда в соседние дома
Не лазили котята.

Чего от нас они хотят,
Бездельники и плуты?
Для голодающих котят
Есть в городе приюты!

Нет от племянничков житья,
Топить их в речке надо!

*(Раздается звонок и шум голосов
пришедших гостей.)*

Кошка

Добро пожаловать, друзья,
Я вам сердечно рада.

Рассказчик

К богатой кошке гость пришел,
Известный в городе козел
С женой, седой и строгой,
Козою длиннорогой.

Петух явился боевой,
За ним пришла наседка,
И в мягкой шали пуховой
Пришла свинья-соседка.

Кошка

Козел Козлович, как дела?
Я вас давно к себе ждала!

Козел

М-м-мое почтенье, кошка!
Пром-м-мокли м-мы немножко.
Застиг нас дождик на пути,
Пришлось по лужам нам идти.

Коза

Да, м-мы сегодня с м-мужем
Все время шли по лужам.

Кошка

Привет мой Пете-петушку!

Петух

Благодарю! Кукареку!

Кошка

А вас, кума-наседка,
Я вижу очень редко.

Курица

Ходить к вам, право, нелегко —
Живете очень далеко.
Мы, бедные наседки, —
Такие домоседки!

Кошка

Здорово, тетушка свинья.
Как ваша милая семья?

Свинья

Спасибо, кошечка, хрю-хрю,
От всей души благодарю.
Я и семья покуда
Живем совсем не худо.

Своих малюток-поросят
Я посылаю в ближний сад,
Мой муж следит за домом,
А я хожу к знакомым.

Коза

Сейчас пришли мы впятером
Взглянуть на ваш чудесный дом.
О нем весь город говорит.

Кошка

Мой дом для вас всегда открыт!
Здесь у меня столовая.
Вся мебель в ней дубовая.
Вот это стул, —
На нем сидят.
Вот это стол, —
За ним едят.

Свинья

Вот это стол, —
На нем сидят!..

Коза

Вот это стул, —
Его едят!..

Кошка

Вы ошибаетесь, друзья,
Совсем не то сказала я.
Зачем вам стулья наши есть?
На них вы можете присесть.
Хоть мебель несъедобна,
Сидеть на ней удобно.

Коза

Сказать по правде, мы с козлом
Есть не привыкли за столом.
Мы любим на свободе
Обедать в огороде.

Свинья

А посади свинью за стол —
Я ноги положу на стол!

Петух

Вот потому о вас идет
Весьма дурная слава!
(Кошке):
В какую комнату ведет
Вот эта дверь направо?

Кошка

Направо — шкаф, мои друзья, —
Я вешаю в нем платья.
Налево — спальенка моя
С лежанкой и кроватью.

Петух *(тихо курице)*

Смотри, перина — чистый пух!

Курица *(тихо)*

Она цыплят крадет, петух!

Козел

А это что?

Кошка

Обновка —
Стальная мышеловка.
Мышей ловить я не люблю,
Я мышеловкой их ловлю.
Чуть только хлопнет крышка,
В плен попадает мышка!..
Коты на родине моей
Не мастера ловить мышей.
Я из семьи заморской.
Мой прадед — Кот Ангорский!
Зажги, Василий, верхний свет
И покажи его портрет!

Курица

Как он пушист!

Петух

Как он хорош!

Кошка

Он на меня чуть-чуть похож...
А здесь моя гостиная,
Ковры и зеркала.
Купила пианино я
У одного осла.
Весною каждый день я
Беру уроки пеня.

Козел *(козе)*

Смотри, какие зеркала!
И в каждом вижу я козла...

Коза

Протри как следует глаза!
Здесь в каждом зеркале коза.

Свинья

Вам это кажется, друзья, —
Здесь в каждом зеркале свинья!

Курица

Ах, нет! Какая там свинья!
Здесь только мы: петух и я!

Козел

Соседи, до каких же пор
Вести мы будем этот спор?
Почтенная хозяйка,
Ты спой нам и сыграй-ка!

Курица

Пускай с тобой споет петух.
Хвалиться неудобно,
Но у него прекрасный слух,
А голос бесподобный.

Петух

Пою я чаще по утрам,
Проснувшись на насесте.
Но если так угодно вам,
Спою я с вами вместе.

Козел

Я только этого и жду.
Ах, спойте песню вроде
Старинной песни: «Во саду,
В капустном огороде»!

Кошка *(садится за пианино, играет и поет)*

Мяу-мяу! Ночь спустилась.
Блещет первая звезда.

Петух

Ах, куда ты удалилась?
Кукареку! Куд-куда?..

Коза *(козлу тихо)*

Слушай, дурень, перестань
Есть хозяйскую герань!

Козел *(тихо)*

Ты попробуй. Очень вкусно.
Точно лист жуешь капустный.
Вот еще один горшок.
Съешь и ты такой цветок!

Петух *(поет)*

Ах, куда ты удалилась?
Кукареку! Куд-куда?..

Козел *(дождевав цветы)*

Бесподобно! Bravo, bravo!
Право, спели вы на славу!
Спойте что-нибудь опять.

Кошка

Нет, давайте танцевать...
Я сыграть на пианино
Котильон для вас могу.

Козел

Нет, сыграй галоп козлиный!

Коза

Козью пляску на лугу!

Петух

Петушинный танец звонкий
Мне, пожалуйста, сыграй!

Свинья

Мне, дружок, «Три поросенка»!

Курица

Вальс куриный «Де-воляй»!

Кошка

Не могу же я, простите,
Угодить вам всем зараз.

Вы пляшите что хотите,
Лишь бы был веселый пляс!..

(Все пляшут. Вдруг музыка резко обрывается и слышатся голоса котят.)

Котята

Тетя, тетя кошка,
Выгляни в окошко!
Ты пусти нас ночевать,
Уложи нас на кровать.
Если нет кровати,
Ляжем на полати,
На скамейку или печь,
Или на пол можем лечь,
А укрой рогожкой!
Тетя, тетя кошка!

Кошка

Василий-кот, завесь окно!
Уже становится темно.
Две стеариновых свечи
Зажги для нас в столовой
Да разведи огонь в печи!

Кот Василий

Пожалуйста, готово!

Кошка

Спасибо, Васенька, мой друг!
А вы, друзья, садитесь вкруг.
Найдется перед печкой
Для каждого местечко.
Пусть дождь и снег стучат в стекло,
У нас уютно и тепло.
Давайте сказку сочиним.
Начнет козел, петух — за ним,
Потом — коза. За ней — свинья,
А после — курица и я!

Кошка (козлу)

Ну, начинай!

Козел

...Давным-давно
Жил-был козел...

Петух

Клевал пшено...

Коза

Капусту ел...

Свинья

И рыл навоз...

Курица

И как-то раз яичко снес!

Кошка

Вот он мышей ловить пошел...

Козел

Козел?

Петух

Петух, а не козел!

Коза

Нет, нет, коза!

Свинья

Свинья, свинья!

Курица

Такая ж курица, как я!

Кошка

Нет, это кошка, кошка, кошка!..

Козел

Друзья, постойте-ка немножко!

Уже темно, пора нам в путь,

Хозяйке надо отдохнуть.

Курица

Какой прекрасный был прием!

Петух

Какой чудесный кошкин дом!

Курица

Уютней в мире нет гнезда!

Петух

О да, курятник хоть куда!

Козел

Какая вкусная герань!

Коза (тихо)

Ах, что ты, дурень, перестань!

Свинья

Прощай, хозяйюшка, хрю-хрю!

Я от души благодарю.

Прошу вас в воскресенье

К себе на день рождения.

Курица

А я прошу вас в среду

Пожаловать к обеду.

В простом курятнике моем

Пшена мы с вами поклюем,

А после на насесте

Подремлем с вами вместе!

Коза

А мы попросим вас прийти

Во вторник вечером, к шести,

На наш пирог козлийный

С капустой и малиной.

Так не забудьте же, я жду!

Кошка

Я обязательно приду,

Хоть я и домоседка

И в гости езжу редко...

Не забывайте и меня!

Петух

Соседка, с нынешнего дня

Я ваш слуга до смерти.

Пожалуйста, поверьте!

Свинья

Ну, кошечка моя, прощай,

Меня почаще навещай!

Кошка

Прощайте, до свиданья,

Спасибо за компанию.

Я и Василий, старый кот,

Гостей проводим до ворот.

Голоса *(с лестницы, а потом со двора)*

— Спускайтесь осторожно!

— Здесь оступиться можно!

— Налево здесь канава!

— Пожалуйста направо!

— Друзья, спасибо, что пришли!

— Мы чудно вечер провели!

— Спасибо за компанию!

— Прощайте! До свидания!..

Рассказчик

Хозяйка и Василий,

Усатый старый кот,

Не скоро проводили

Соседей до ворот.

Словечко за словечком —

И снова разговор,

А дома перед печкой

Огонь прожег ковер.

Еще одно мгновенье —

И легкий огонек

Сосновые поленья
Окутал, обволоч.

Взобрался по обоям,
Вскарабкался на стол
И разлетелся роем
Золотокрылых пчел.

Вернулся кот Василий
И кошка вслед за ним —
И вдруг заголосили:
— Пожар! Горим! Горим!

С треском, шелканьем и громом
Встал огонь над новым домом,
Озирается кругом,
Машет красным рукавом.

Как увидели грачи
Это пламя с каланчи,
Загубили,
Зазвонили:
Тили-тили,
Тили-тили,
Тили-тили, тили-бом!
Загорелся кошкин дом.

Загорелся кошкин дом,
Бежит курица с ведром,
А за нею во весь дух
С помелом бежит петух.
Поросенок с решетом
И козел с фонарем.
Тили-бом!
Тили-бом!

Грачи

Эй, пожарная бригада,
Поторапливаться надо!
Запрягайте десять пар.
Едем, едем на пожар.

Поскорей, без проволоочки,
Наливайте воду в бочки.
Тили-тили-тили-бом!
Загорелся кошкин дом!

Стой, свинья! Постой, коза!
Что таращите глаза?
Воду ведрами носите.

Свинья

Я несла вам воду в сите,
В новом сите, в решете, —
Расплескала в суете!

Грачи

Чем пожар тушить мы будем?
Где мы воду раздобудем?
Ты не знаешь ли, баран,
Где тут был пожарный кран?
Ты не знаешь ли, овечка,
Где была намедни речка?

Овца

Я сказать вам не могу,
Мы живем на берегу.
А была ли там и речка,
Не видали мы с крылечка!

Грачи

Ну, от этих толку мало —
Прибежали с чем попало.
Эй, работнички-бобры,
Разбирайте топоры,
Балки шаткие крушите,
Пламя жаркое тушите.
Вот уж скоро, как свеча,
Загорится каланча!

Старый бобер

Мы, бобры, народ рабочий,
Сваи бьем с утра до ночи.

Поработать мы не прочь,
Если можем вам помочь.
Не мешайте, ротозей,
Расходитесь поскорее!
Что устроили базар?
Тут не ярмарка — пожар!

Бобры

Все заборы мы обрушим,
На земле огонь потушим.
Не позволим мы огню
Расползаться по плетню!

Кошка

Погоди, старик бобер!
Для чего ломать забор?
Дом от пламени спасите,
Наши вещи выносите,

Кресла, стулья, зеркала —
Все сгорит у нас дотла!
Попроси-ка их, Василий,
Чтобы мебель выносили!

Бобры

Не спасете вы добра —
Вам себя спасать пора.
Вылезайте, кот и кошка,
Из чердачного окошка,
Становитесь на карниз,
А с карниза — прямо вниз!

Кошка

Мне ковров персидских жалко!..

Бобер

Торопись! Ударит балка —
И ковров ты не найдешь,
И сама ты пропадешь!

Старый бобер

Берегитесь! Рухнет крыша!

Свинья

Что такое? Я не слышу!

Бобер

Разбегайтесь кто куда!

Курица

Куд-куда! Беда, беда!..

(Кошкин дом рушится.)

Петух

Вот и рухнул кошкин дом!

Козел

Погорел со всем добром!

Кошка

Где теперь мы будем жить?

Кот Василий

Что я буду сторожить?..

Рассказчик

Черный дым по ветру стелется.
Плачет кошка-погорелица...
Нет ни дома, ни двора,
Ни подушки, ни ковра!

Кошка

Ах, Василий мой, Василий!
Нас в курятник пригласили.
Не пойти ли к петуху?
Там перина на пуху.
Хоть и жесток пух куриный,
Все ж перина — как перина!

Кот Василий

Что ж, хозяйюшка, пойдем
Ночевать в куриный дом!

Рассказчик

Вот шагает по дороге
 Кот Василий хромоногий.
 Спотыкаясь, чуть бредет,
 Кошку под руку ведет,
 На огонь в окошке шурится...
 — Тут живут петух и курица?
 Так и есть — должно быть, тут:
 Петушки в сених поют.

Кошка

Ах, кума моя наседка,
 Сердобольная соседка!..
 Нет теперь у нас жилья...
 Где уютиться буду я
 И Василий, мой привратник?
 Ты пусти нас в свой курятник!

Курица

Я бы рада и сама
 Приютить тебя, кума,
 Но мой муж дрожит от злости,
 Если к нам приходят гости.
 Несговорчивый супруг —
 Кохинхинский мой петух...
 У него такие шпоры,
 Что боюсь вступать с ним в споры!

Петух

Ко-ко-ко! Кукареку!
 Нет покоя старику!
 Спать ложусь я вместе с вами,
 А встаю я с петухами.
 Не смыкаю ночью глаз:
 В полночь петь мне в первый раз.
 Только я глаза закрою,
 Надо петь перед зарею.
 На заре опять встаю,
 В третий раз для вас пою.
 На часах стою я сутки,
 А покоя ни минутки!

Курица

Слышишь, злится мой петух.
 У него отличный слух.
 Если он бывает дома,
 Даже с курицей знакомой
 Не могу я поболтать,
 Чтобы время скоротать.

Кошка

А зачем же в эту среду
 Ты звала меня к обеду?

Курица

Я звала не навсегда,
 И сегодня не среда.
 А живем мы тесновато,
 У меня растут цыплята,
 Молодые петушки,
 Драчуны, озорники,
 Горлодеры, забияки,
 Целый день проводят в драке,
 Ночью спать нам не дают,
 Раньше времени поют.
 Вот смотри — дерутся снова!

Петушки

— Кукареку! Бей рябого!
 — Темя я ему пробью!
 — Кукареку! Заклюю!

Курица

Ах, разбойники, злодеи!
 Уходи, кума, скорее!
 Коль у них начнется бой,
 Попадет и нам с тобой!

Петушки

Эй, держи кота и кошку!
 Дай им проса на дорожку!
 Рви у кошки и кота
 Пух и перья из хвоста!

Кошка

Что ж, пора нам, милый Вася,
 Убраться восвояси.

Курица

Постучись в соседний дом —
 Там живут коза с козлом!

Кот Василий

Ох, невесело бездомным
 По дворам скитаться темным!..

Рассказчик

Идет-бредет Василий-кот,
 Хозяйку под руку ведет.
 Вот перед ними старый дом
 На горке у реки.
 Коза с козлом перед окном
 Играют в дураки.

Козел

Ты с ума сошла, коза, —
 Бьешь десяткою туза!

Коза

Что ворчишь ты, бестолковый?
 Бью десяткою бубновой.
 Бубны — козыри у нас.

Козел

Бубны были в прошлый раз,
 А теперь наш козырь — крести!

Коза (зевая)

Пропади ты с ними вместе!
 Надоела мне игра,
 Да и спать давно пора!
 Нынче за день я устала...

Козел

Нет, начнем игру сначала!
 Кто останется из нас
 В дураках на этот раз?

Коза

И без карт я это знаю!

Козел

Ты потише!.. Забодая!

Коза

Борода твоя долга,
 Да не выросли рога.
 У меня длиннее вдвое, —
 Живо справлюсь я с тобою.
 Ты уж лучше не шути!

Кошка (стучится у калитки)

Эй, хозяйюшка,пусти!
 Это — я и Вася-дворник...
 Ты звала к себе во вторник.
 Долго ждать мы не могли,
 Раньше времени пришли!

Коза

Добрый вечер. Я вам рада!
 Но чего от нас надо?

Кошка

На дворе и дождь, и снег,
 Ты пусти нас на ночлег.

Коза

Нет кровати в нашем доме.

Кошка

Можем спать и на соломе.
 Не жалея для нас угла.

Коза

Вы спросите у козла.
 Мой козел хоть и безрогий,
 А хозяин очень строгий!

Кошка

Что ты скажешь нам, сосед?

Коза *(тихо)*

Говори, что места нет!

Козел

Мне коза сейчас сказала,
Что у нас тут места мало.
Не могу я спорить с ней —
У нее рога длинней.

Коза

Шутит, видно, бородатый!..
Да, у нас здесь тесновато.
Постучитесь вы к свинье —
Место есть в ее жиле.
От ворот пойдете влево
И дойдете вы до хлева.

Кошка

Что же, Васенька, пойдем,
Постучимся в третий дом.
Ох, как тяжело быть без крова!
До свиданья!

Коза

Будь здорова!

Кошка

Что же делать нам, Василий?
На порог нас не пустили
Наши прежние друзья...
Что-то скажет нам свинья?

Кот Василий

Вот забор ее и хата.
Смотрят в окна поросята.
Десять толстых поросят —
Все по лавочкам сидят,
Все по лавочкам сидят,
Из лоханочек едят.

Поросята *(размахивают ложками
и поют)*

Я — свинья и ты — свинья,
Все мы, братцы, свиньи.
Нынче дали нам, друзья,
Целый чан ботвиньи.

Мы по лавочкам сидим,
Из лоханочек едим.
Ай-люли,
Ай-люли,
Из лоханочек едим.
Ешьте, чавкайте дружной,
Братцы-поросята!
Мы похожи на свиней,
Хоть еще ребята.

Наши хвостики крючком,
Наши рыльца пяточком.
Ай-люли,
Ай-люли,
Наши рыльца пяточком.
Вот несут ведро нам,
Полное баланды.

Свинья

Поросята, по местам!
Слушаться команды!
В поило раньше стариков
Пяточком не лезьте.
Тут десяток пяточков,
Сколько это вместе?

Поросята

Ай-люли,
Ай-люли,
Тут полтинник вместе!

Кот Василий

Вот как весело поют!

Кошка

Мы нашли с тобой приют!
Постучимся к ним в окошко.

Свинья

Кто стучится?

Кот Василий

Кот и кошка!

Кошка

Тыпусти меня, свинья,
Я осталась без жилья.
Буду мыть тебе посуду,
Поросят качать я буду!

Свинья

Не твоя, кума, печаль
Поросят моих качать,
А помойное корыто
Хорошо, хоть и не мыто.
Не могу я вас пустить
В нашем доме погостить.

Нам самим простора мало, —
Повернуться негде стало.
Велика моя семья:
Муж-кабан, да я, свинья,
Да еще у нас десяток
Малолетних поросят.
Есть просторнее дома,
Постучись туда, кума!

Кошка

Ах, Василий, мой Василий!
И сюда нас не пустили...
Обошли мы целый свет —
Нам нигде приюта нет!

Кот Василий

Вот напротив чья-то хата,
И темна, и тесновата,
И убога, и мала, —
В землю, кажется, вросла.
Кто живет в той хате с краю,
Я и сам еще не знаю.

Попытаемся опять
Попроситься ночевать!

Рассказчик

Вот шагает по дороге
Кот Василий хромоногий.
Спотыкаясь, чуть бредет,
Кошку под руку ведет.
Вниз спускается дорожка,
А потом бежит на скат.
И не знает тетя кошка,
Что в избушке у окошка —
Двое маленьких котят,
Двое маленьких котят
Под окошечком сидят.
Слышат малые, что кто-то
Постучался к ним в ворота.

Голос одного из котят

Кто там стучится у ворот?

Кот Василий

Я — кошкин дворник, старый кот.
Прошу у вас ночлега,
Укройте нас от снега!

Котят

Ах, кот Василий, это ты?
С тобою тетя кошка?
А мы весь день до темноты
Стучались к вам в окошко.
Ты не открыл для нас вчера
Калитки, старый дворник!

Кот Василий

Какой я дворник без двора!
Я нынче беспризорник...

Кошка

Простите, если я была
Пред вами виновата.

Кот Василий

Теперь наш дом сгорел дотла,
Впустите нас, котят!

1-й котенок

Я навсегда забыть готов
Обиды и насмешки,
Но для блуждающих котов
Есть в городе ночлежки!

Кошка

Мне до ночлежки не дойти.
Я вся дрожу от ветра!

Кот Василий

Туда окольного пути
Четыре километра.

Кошка

А по короткому пути
Туда и вовсе не дойти!

2-й котенок

Ну, что ты скажешь, старший брат,
Открыть для них ворота?

Кот Василий

Сказать по совести, назад
Брести нам неохота...

1-й котенок

Ну, что поделать! В дождь и снег
Нельзя же быть без крова.
Кто сам просился на ночлег, —
Скорей поймет другого.

Кто знает, как мокра вода,
Как страшен холод лютый,
Тот не оставит никогда
Прохожих без приюта!

2-й котенок

Да ведь у нас убогий дом,
Ни печки нет, ни крыши.
Почти под небом мы живем,
А пол прогрызли мыши.

Кот Василий

А мы, ребята, вчетвером,
Авось починим старый дом.
Я — и печник, и плотник,
И на мышей охотник!

Кошка

Я буду вам вторая мать.
Умею сливки я снимать.
Мышей ловить я буду,
Мыть языком посуду...
Впустите бедную родню!

1-й котенок

Да я вас, тетя, не гоню!
Хоть у нас и тесно,
Хоть у нас и скудно,
Но найти нам место
Для гостей нетрудно.

2-й котенок

Нет у нас подушки,
Нет и одеяла.
Жмемся мы друг к дружке,
Чтоб теплее стало.

Кошка

Жметесь вы друг к дружке?
Бедные котят!
Жаль, мы вам подушки
Не дали когда-то...

Кот Василий

Не дали кровати,
Не дали перины...

Был бы очень кстати
Нынче пух куриный!
Зябнет ваша тетя,
Да и я простужен...
Может быть, найдете
Хлебца нам на ужин?

1-й котенок

Вот сухая корка,
Можем поделиться.

2-й котенок

Вот для вас ведерко,
Полное водицы!

Котятя (вместе)

Хоть у нас и тесно,
Хоть у нас и скудно,
Но найти нам место
Для гостей нетрудно!

Кошка

Спать мне хочется — нет мочи!
Наконец нашла я дом.
Ну, друзья, спокойной ночи...
Тили-тили... тили... бом!

(Засыпает.)

Хор

Бим-бом! Тили-бом!
Был на свете кошкин дом.
Справа, слева — крыльца,
Красные перильца,
Ставенки резные,
Окна расписные.
Тили-тили-тили-бом!
Погорел у кошки дом.
Не найти его примет.
То ли был он, то ли нет...
А идет у нас молва —
Кошка старая жива.

У племянников живет!
Домоседкою слывет.
Уж такая домоседка!
Из ворот выходит редко,
Ловит в погребе мышей,
Дома нянчит малышей.
Поумнел и старый кот.
Он совсем уже не тот.
Днем он ходит на работу,
Темной ночью — на охоту.
Целый вечер напролет
Детям песенки поет...
Скоро вырастут сиротки,
Станут больше старой тетки.
Тесно жить им вчетвером —
Нужно ставить новый дом.

Кот Василий

Непреренно ставить нужно.
Ну-ка, сильно! Ну-ка, дружно!
Всей семьею, вчетвером,
Будем строить новый дом!

Котятя

Ряд за рядом бревна
Мы положим ровно.

Кот Василий

Ну, готово. А теперь
Ставим лесенку и дверь.

Кошка

Окна расписные,
Ставенки резные.

1-й котенок

Вот и печка,
И труба.

2-й котенок

Для крылечка
Два столба.

1-й котенок
Чердачок построим.

2-й котенок
Тесом дом покроем.

Кошка
Щелки паклею забьем.

Все (вместе)
И готов наш новый дом!

Кошка
Завтра будет новоселье.

Кот Василий
На всю улицу веселье.

Все (вместе)
Тили-тили-тили-бом!
Приходите в новый дом!

Конец

Л. ЛЕВИН

Сундук

Идет по дорожке
Серьезный индюк,
Везет на тележке
Железный сундук.

Навстречу
Корова бежит
Налегке.
— Скажите, —
Кричит, —
Что лежит в сундуке?

— Простите,
Я с вами
Почти не знаком,
Пустите,
Не то — зацеплю
Сундуком!

Но грозно корова
Идет к сундуку
И очень сурово
Ревет индюку:

— Ну, нет!
Не уйду я отсюда, пока
Не скажете, что там,
Внутри сундука.

Стоит
До сих пор
На дорожке
Индюк.

Лежит
До сих пор
На тележке
Сундук.

И эта корова —
Не сдвинулась с места.

И что в сундуке —
До сих пор
Неизвестно.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сказки

БЕЛЯЯ УТОЧКА

(Рус., из сборника сказок А. Афанасьева)

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть. Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться¹, худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить. Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось — такая простая, сердечная! «Что, — говорит, — ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила». Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда, и пошла. В саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что, — говорит женщина, — день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная — так и плещет, не искупаться ли нам здесь?» — «Нет, нет, не хочу!» — а там подумала: ведь искупаться не беда! Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спине: «Плыви ты, — говорит, — белою уточкой!» И поплыла княгиня белою уточкой. Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя. Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек, двух хороших, а третьего заморышка, и деточки ее вышли — ребяточки; она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок. «Ох, не ходите туда, дети!» — говорила мать. Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше, и забрались на княжий двор. Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела; вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули, — а заморышка чтоб не застудить, приказала (им) мать в пазушке носить — заморышек-то и не спит, все слышит, все видит. Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает: «Спите вы, детки, иль нет?». Заморышек отвечает: «Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!» — «Не спят!».

¹Ватажиться — знаться, сближаться, связываться, водиться.



Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь: «Спите, детки, или нет?» Заморышек опять говорит то же: «Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!» — «Что же это все один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукою — и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор. На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком. Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпавала,
Темну ночь не досыпала,
Сладок кус не доедала!

«Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает». — «Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!» Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца родного,
Отца родного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уток,
А сама живет — величается!

«Эге!» — подумал князь и закричал: «Поймайте мне белую уточку!» Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала. Взял он ее за крылышко и говорит: «Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!» Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню. Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили. И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать. А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога — там стала кочерга, где рука — там грабли, где голова — там куст да колода; налетели птицы — мясо поклевали, поднялись ветры — кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

Мальчик с пальчик

(Из сказок Ш. Перро, пер. с фран. Б. Дехтерева)

Жил когда-то дровосек с женой, и было у них семеро детей. Все семеро — мальчуганы: три пары близнецов и еще один, самый младший. Этому малышу едва лет семь исполнилось.

И до чего же он был мал! Родился он совсем крохотным. Право, не больше мизинчика. И рос плохо. Так и прозвали его: Мальчик с пальчик.

Зато какой он смысленный, разумный!

Жили они очень бедно, дровосеку трудно было прокормить такую большую семью. А тут еще выдался неурожайный год, и в стране наступил страшный голод. Беднякам и совсем туго пришлось.

Как-то вечером, когда мальчики улеглись спать, дровосек присел с женой к огню и сказал:

— Ну, как нам быть? Ты сама видишь, мне детей не прокормить. А каково нам будет, когда наши ребятишки станут у нас на глазах один за другим умирать от голода? Давай лучше заведем их в лес и там оставим. Пусть уж разом погибнут все вместе, и мы не будем видеть их смерти. А может, им и посчастливится спастись — тут все-таки есть надежда.

— Как! — в ужасе воскликнула жена дровосека. — Неужели мы должны сами бросить своих детей на погибель?

У дровосека у самого сердце сжималось от горя, но он принялся уговаривать жену. Он сказал, что все равно всем им не избежать голодной смерти. Пусть уж поскорей придет конец.

Пришлось ей согласиться, и она легла спать, заливаясь слезами.

А Мальчик с пальчик во время их разговора не спал: он забрался под скамейку, на которой сидел отец, и все слышал. Он так и не заснул в ту ночь, все думал, что теперь делать. И придумал.

Чуть свет вышел он потихоньку из дому и побежал на берег ручья. Там он набрал много белых камешков, сунул их в карманы и вернулся домой.

Утром, когда и остальные ребятишки встали, отец с матерью кое-как покормили их всех и повели в лес. Мальчик с пальчик шел последним. Он то и дело вынимал из кармана белые камешки и бросал их позади себя на дорогу.

Шли они долго и пришли в глухую лесную чащу. Дровосек принялся рубить дрова, а братья собирать хворост. Мальчуганы усердно занялись делом. Тогда дровосек с женой стали потихоньку отходить от них и наконец совсем скрылись.

Немного погодя мальчики заметили, что остались одни, и начали громко кричать и плакать от страха. Не испугался только Мальчик с пальчик.

— Не бойтесь, братцы, — сказал он. — Я знаю, как нам вернуться. Ступайте за мной.

И он вывел их из леса той дорогой, по какой они шли туда: белые камешки указывали ему путь.

Но сразу войти в дом ребятишки побоялись. Они притаились у двери, чтобы послушать, о чем говорят отец с матерью.

А случилось так, что когда дровосек с женой возвратились из лесу, их ждала большая удача.

Богатый сосед прислал им свой долг, десять золотых монет, — это были деньги за очень давнюю работу, бедняк уже и не надеялся получить их.

Дровосек тотчас послал жену к мяснику. Она купила много мяса и сварила его.

Теперь изголодавшиеся люди могли наконец наесться досыта.

Но им и кусок в горло не шел.

— Где-то наши бедные ребятишки? — сказала, плача, жена дровосека. — Что с ними? Одни в дремучем лесу. Может, их уже волки съели. И как это мы решились бросить своих родных детей? И зачем только я тебя послушала!

У дровосека у самого было горько на душе, но он молчал.

— Где вы, где вы, бедные мои детки? — повторяла его жена, плача все громче. Мальчуганы не выдержали и закричали все разом:

— Мы тут! Мы тут!

Мать бросилась отворять дверь, увидела своих детей и стала обнимать и целовать их.

— Ах, как я рада, что снова вижу вас, дорогие мои! Уж как, должно быть, вы устали и проголодались! Сейчас я вас накормлю.

Ребятишки живо уселись за стол и так накинулись на еду, что любо было смотреть. А после ужина все семеро стали наперебой рассказывать, как страшно им было в лесу и как Мальчик с пальчик привел их домой.

Все были счастливы: и дети, и родители.

Но счастье их длилось недолго.

Скоро деньги были истрачены, и опять начался голод.

Дровосек с женой совсем пришли в отчаяние и решили снова завести детей в лес.

Мальчик с пальчик опять подслушал разговор отца с матерью. Он подумал поступить как и в тот раз: сбегать к ручью и набрать там белых камешков. Но это ему не удалось. Дверь в доме была заперта крепко-накрепко.

Мальчик с пальчик не знал, что и придумать. Когда мать дала всем семерым сыновьям на завтрак по куску хлеба, он не стал есть свою долю. Он спрятал хлеб в карман, чтобы по дороге бросать вместо камешков хлебные крошки.

Теперь родители завели детей еще дальше от дома, в самую глубь темного, дремучего леса. И опять они заставили мальчиков собирать хворост, а сами тайком убежали от них.

Мальчик с пальчик не очень тревожился. Он думал, что легко найдет дорогу назад по хлебным крошкам. Но он не нашел ни одной крошки: все поклевали птицы.

Тут братья совсем перепугались и, громко плача, побрели куда глаза глядят. Все глубже и глубже забирались они в лесную чащу.

Наступала ночь, поднялся сильный ветер. Детям стало еще страшнее. Они еле держались на ногах от холода и страха. Им чудилось, что со всех сторон воют волки, что сейчас они набросятся на них и съедят. Бедные ребятишки боялись произнести слово, боялись оглянуться.

А тут еще хлынул дождь и промочил их до костей.

Они спотыкались, падали в грязь, поднимались и снова падали, но шли все дальше.

Мальчик с пальчик выбрал дерево повыше и влез на самую его верхушку. Он хотел посмотреть, не видно ли где дороги или человеческого жилья.

Поглядев во все стороны, Мальчик с пальчик заметил вдалеке мерцающий огонек.

Он проворно спустился с дерева и повел братьев туда, откуда виднелся свет.

Шли они долго-долго и наконец выбрались из лесу. У самой опушки они увидели дом, из окна которого светил огонек.

Дети постучались. На их стук вышла женщина и спросила, кто они такие и что им нужно.

Мальчик с пальчик сказал, что они заблудились в лесу и просят пустить их переночевать.

Женщина посмотрела на них, увидела, какие это славные ребятишки, и заплакала.

— Ах, бедные-бедные детки! — сказала она. — Знаете, куда вы попали? Ведь здесь живет Людоед, он ест маленьких детей!

— Как же нам быть? Если вы нас прогоните, нас все равно этой же ночью съедят в лесу волки, — ответил Мальчик с пальчик. — Пусть уж лучше мы достанемся Людоеду. Может, он сжалится над нами, если вы, сударыня, заступитесь за нас.

Жена Людоеда подумала, что ей, может быть, удастся скрыть детей от мужа. Она впустила их в дом и усадила погреться у огня.

Вскоре послышались громкие удары в дверь — это возвратился домой Людоед. Женщина быстро спрятала детей под кровать и пошла открывать мужу дверь.

Войдя в дом, Людоед сразу же потребовал себе ужин. Жена подала ему на стол целого, даже еще недожаренного барана и большущий кувшин с вином. Людоед жадно набросился на еду и вино.

Вдруг он стал принюхиваться к воздуху.

— Чую запах человеческого мяса, — сказал он.

— Это, должно быть, пахнет телянком, с которого я только что сняла шкуру, — ответила ему жена.

— Нет, это пахнет свежим человеческим мясом! — закричал Людоед. — Меня не проведешь!

Он вскочил из-за стола и бросился прямо к кровати.

— Ага, ты хотела меня надуть! — завопил он. — За такой обман тебя самое следовало бы съесть живьем!

И он вытащил одного за другим всех братишек из-под кровати.

Бедные дети упали перед ним на колени. Они умоляли Людоеда пощадить их. Но это был очень злой, жестокий Людоед. Он и не слушал их жалоб. Он схватил одного из мальчуганов за ногу и хотел было тут же с ним расправиться.

— Что ты так торопишься? — сказала ему жена. — Уже поздно. Завтра успеешь.

— Ладно, — согласился Людоед, — Подожду до завтра. Ты покорми ребят получше, чтобы они не похудели, да уложи их спать.

Добрая женщина обрадовалась и быстро собрала мальчикам ужин. Но они были слишком напуганы, им было не до еды. А Людоед снова уселся за стол. Довольный тем, что назавтра у него будет лакомое блюдо, он выпил целиком весь кувшин вина и завалился спать.

У Людоеда было семь дочек. В тот вечер они уже давно спали в комнате наверху — все вместе на одной большой кровати. В этой комнате стояла вторая такая же большая кровать. На нее жена Людоеда и уложила мальчиков.

Мальчику с пальчик не спалось. Он боялся, как бы Людоед не вздумал схватить их ночью. Как же быть? Мальчик с пальчик заметил золотые веночки на головах дочерей Людоеда. Неслышно встав с постели, он снял с себя и со своих братьев колпачки. Потом так же осторожно снял со спящих людоедок веночки, надел вместо них колпачки, а себе и братьям — веночки.

В полночь Людоед проснулся и тут же решил, не откладывая дела до утра, перетащить мальчиков в подвал. И запереть. А то еще удерут!

Пробираясь впотьмах, он кое-как дошел до комнаты наверху и сразу наткнулся на кровать, в которой спали его дочери. Нащупав на их головах колпачки, он сказал про себя:

— Ага, как раз тут и лежат мальчишки!

Недолго думая он стащил с кровати одну за другой своих дочерей и засунул их в большой мешок. Потом завязал его покрепче и снес в подвал.

И, довольный, пошел досыпать.

Как только Мальчик с пальчик услышал храп Людоеда, он сейчас же разбудил братьев и велел им побыстрее одеться. Они на цыпочках выбрались из дома в сад, перелезли через ограду и побежали со всех ног.

Так бежали о ни всю ночь, сами не зная куда.

А Людоед утром проснулся и сразу отправился в подвал.

Развязал мешок, глянул — а там не мальчишки, а его родные дочки! Он так и остолбенел. А потом заорал и затопал ногами с досады и злости. Понял, что его ловко провели.

— Ну ладно же! — вопил он. — Вы за это поплатитесь, негодные мальчишки! Эй, жена! Подать мне мои сапоги-скороходы!

Людоед пустился в погоню. Долго рыскал он по лесу без толку, но наконец напал на след беглецов. А дети были уже недалеко от своего дома, всего в ста шагах!

Людоед шагал с одной горки на другую, перепрыгивал через реки, как через ручейки.

Братья еще издали увидели Людоеда. Мальчик с пальчик тут же нашел небольшую пещеру в скале, и они все там спрятались.

Людоед устал от долгой погони — в сапогах-скороходах бегать не так-то легко! Он решил передохнуть и случайно уселся как раз на ту скалу, под которой укрылись мальчики.

Через минуту Людоед заснул и так ужасно захрапел, что братишек затрясло от страха. Один только Мальчик с пальчик не струсил и не растерялся. Он велел братьям что есть сил бежать к дому, пока Людоед спит, а сам подкрался к нему и потихоньку стащил с него сапоги-скороходы. Сапоги были, конечно, огромные, но они были волшебные. Они могли делаться то больше, то меньше, любому по ноге. Мальчик с пальчик обулся в них без труда. Они пришлись ему как раз впору.

А что было дальше?

Одни рассказывают, что вместе с сапогами-скороходами Мальчик с пальчик забрал у злого Людоеда толстый кошелек с золотыми монетами. Другие говорят, надев сапоги-скороходы, Мальчик с пальчик отправился к королю, и тот принял его к себе на службу гонцом. И Мальчик с пальчик заработал немало на королевской службе.

Так или иначе, но Мальчик с пальчик вернулся домой к своим родным жив и невредим. И не с пустым карманом!

И как же обрадовались ему дома!

С тех пор дровосек с женой и детьми жили хорошо, не зная ни нужды, ни горя. Вот как оно бывает.

Растут братишки — как все схожи!

Сильны, удалы и пригожи!

Вот только младший сплеховал:

И неказист, и ростом мал.

Зато умен, зато смышлен

И сердцем добрым наделен.

И если вдруг беда нагрянет,

Опорой старшим братьям станет,

Он их от гибели спасет

И счастье дому принесет.

Поэзия

«Вот пришло и лето красное...»

(Рус. нар. песенка)

Вот пришло и лето красное,
Жарким стало солнце ясное.
Землю-матушку прогрело,
Сладка ягодка поспела:
Тут и красна земляничка,
Тут и черная черничка.
Ходят, бродят в лесу девицы,
К земле клонятся красавицы:
Всяку ягодку с кусточка берут,
Да не всяку в кузовок кладут.

А. ФЕТ

«Что за вечер...»

(В сокр.)

Что за вечер! А ручей
Так и рвется.
Как зарей-то соловей
Раздается!
Месяц светом с высоты
Обдал нивы,
А в овраге блеск воды,
Тень да ивы.
Знать, давно в плотине течь:
Доски гнилы, —
А нельзя здесь не прилечь
На перилы.
Так-то все весной живет!
В роше, в поле
Все трепещет и поет
Поневоле.
Мы замолкнем, что в кустах
Хоры эти, —
Придут с песнью на устах
Наши дети;
А не дети, так пройдут
С песнью внуки:
К ним с весною низойдут
Те же звуки.

А. ПУШКИН

«За весной, красой природы...»

(Из поэмы «Цыганы»)

За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет —
И туман, и непогоды
Осень поздняя несет:
Людам скучно, людам горе;
Птичка в дальние страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны.

Н. НЕКРАСОВ

Перед дождем

(В сокр.)

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.

Полумрак на все ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

С. ЧЕРНЫЙ

Перед сном

Каждый вечер перед сном
Прячу голову в подушку:
Из подушки лезет гном
И везет на тачке хрюшку,
А за хрюшкою дракон,
Длинный, словно макарона...

За драконом красный слон,
На слоне сидит ворона,
На вороне стрекоза,
На стрекозке — тетя Даша...
Чуть прижму рукой глаза —
И сейчас же все запляшут!
Искры прыгают снопом,
Колесом летят ракеты,
Я смотрю, лежу ничком
И тихонько ем конфеты.
Сердцу жарко, нос горит.
По ногам бегут мурашки,
Тьма кругом, как страшный кит,
Подбирается к рубашке...
Тише мышки я тогда.
Зашуршишь — и будет баня:
Няня хитрая, беда,
Все подсмотрит эта няня!
«Спи, вот встану, погоди!» —
Даст щелчка по одеялу, —
А ослушаешься — жди,
И нашлапает, пожалуй!

Волшебник

«Я сейчас, дядя Саша, — хотите? —
Превращу вас в кота...
Вы рукав своей куртки ловите
Вместо хвоста,
И тихонько урчите, —
Потому что вы кот,
И, зажмурив глазки, лижите
Свой пушистый живот...
Я поставлю вам на пол блюдце
С молоком, —
Надо, дядя, вот так изогнуться
И лакать языком.
А потом я возьму вас в охапку,
Вы завьетесь в клубок, как удав, —
Оботру я усы вам тряпкой,
И вы скажете: „Мяв!“
А кота, настоящего Пышку,

Превращу я — хотите? — в вас.
Пусть, уткнувшись мордою в книжку,
Просидит целый час...
Пусть походит по комнатам вяло,
Ткнетесь рыльцем в стекло
И, присев к столу, из бокала
Вынет лапкой стило...
Сам себе язык он покажет,
Покачается, как пароход, —
А потом он кляксу размажет,
Папироску в угол швырнет
И, ко мне повернувшись, скажет:
„Не бурчи, бегемот!“»

Но в ответ на мальчишкины бредни
Проворчал я: «Постой!..
Я и сам колдун не последний, —
Погоди, золотой!
За такое твое поведение
Наступлю я тебе на мозоль:
Вот сейчас рассержусь — и в мгновение
Превращу тебя в моль...
Над бокалом завьешься ты мошкой —
Перелет, пируэт, —
Вмиг тебя я прихлопну ладошкой,
И, ау, — тебя нет!
Кот лениво слижет с ладони
Бледно-желтую пыль
И раскинет живот на балконе,
Вскинув хвост, как ковыль...»

Ты надулся: «Какой вы несносный!
Я за это...». Ты топнул и встал:
«Превращу я вас в дым папиросный...»
Но, смеясь, я сказал: «Опоздал!»

Э. МОШКОВСКАЯ

Хитрые старушки

Наверно, у старушек
Полным-полно игрушек!

Матрешек и петрушек
И заводных лягушек.

Но хитрые старушки
Припрятали игрушки
И сели в уголок
Вязать себе чулок,

И гладить свою кошку,
И охать понарошку.
А сами только ждут,
Когда же все уйдут!

И в тот же миг
Старушки — прыг!
Летит чулок
Под потолок!

И достают старушки
Слона из-под подушки,
И куклу, и жирафа,
И мячик из-под шкафа.

Но только в дверь — звонок,
Они берут чулок...
И думают старушки —
Не знает про игрушки

Никто-никто в квартире
И даже в целом мире!

Какие бывают подарки

В подарок
Можно дудеть.
Подарок
Можно надеть.
Подарки вкусные есть.
Мне шоколадка нравится:
Можно подарок съесть,
Золотая бумажка останется.
Подарок
Может взлететь.
В клетке сидеть
И петь.

Подарок
Может ползти.
Плыть.
Плавниками грести.
Но каждый, наверное, хочет
Подарок,
Который ходит!
Который хвостом виляет!
И лает...
Каждый желает!

В. БЕРЕСТОВ

Дракон

В дверь диетической столовой
Вошел дракон семиголовый.
Он хором «Здравствуйте!» сказал
И, улыбаясь, закасал:
— Для этой головы,
Пожалуйста, халвы.
Для этой пасти —
Прочие сласти.
Для этой головки —
Перловки.
Для этой глотки —
Селедки.
Для этой башки —
Пирожки.
Для этой рожи —
То же.
Для этого личика —
Два сдобных куличика.
Что еще?
Лимонада бутылку,
Семь салфеток, ножик и вилку.

Л. ФАДЕЕВА

Зеркало в витрине

Во-о в витрине зеркало,
Как стена!
Половина города
В нем видна!

Отражало зеркало
Все!
Все!
Все!
Все!
Говорило зеркало:
«О!
О!
О!»
Вдруг сказало зеркало:
«А?!».

Это чья-то рожица
В нем видна!
Строит эта рожица
Рожицы себе.
Что сказало зеркало?
Ну конечно:
«Бе-е».

И. ТОКМАКОВА

«Мне грустно...»

Мне грустно — я лежу больной,
Вот новый катер заводной,
А в деревне — лошади.

Папа мне купил тягач,
Кран игрушечный и мяч.
А в деревне — лошади.

Мне грустно — я лежу больной.
Вот вертолетик жестяной.
А в деревне — лошади.

А я в деревне летом был,
Я лошадь серую кормил,
Она сухарь жевала
И головой кивала.

Д. ХАРМС

Веселый старичок

Жил на свете старичок
Маленького роста,

И смеялся старичок
Чрезвычайно просто:
«Ха-ха-ха
Да хе-хе-хе,
Хи-хи-хи
Да бух-бух!
Бу-бу-бу
Да бе-бе-бе,
Динь-динь-динь
Да трюх-трюх!»

Раз, увидя паука,
Страшно испугался.
Но, схватившись за бока,
Громко рассмеялся:
«Хи-хи-хи
Да ха-ха-ха,
Хо-хо-хо
Да гуль-гуль!
Ги-ги-ги
Да га-га-га,
Го-го-го
Да буль-буль!»

А увидя стрекозу,
Страшно рассердился,
Но от смеха на траву
Так и повалился:
«Гы-гы-гы
Да гу-гу-гу,
Го-го-го
Да бах-бах!
Ой, ребята не могу!
Ой, ребята,
Ах-ах!»

Иван Топорышкин

Иван Топорышкин пошел на охоту,
с ним пудель пошел, перепрыгнув забор.
Иван, как бревно, провалился в болото,
а пудель в реке утонул, как топор.

Иван Топорышкин пошел на охоту,
с ним пудель вприпрыжку пошел, как топор.

Иван повалился бревном на болото,
а пудель в реке перепрыгнул забор.

Иван Топорышкин пошел на охоту,
с ним пудель в реке провалился в забор.

Иван, как бревно, перепрыгнул болото,
а пудель вприпрыжку попал на топор.

М. ВАЛЕК

Мудрецы

(Пер. со словац. Р. Сефа)

Шли три мудреца из Трамтарии,
Распевая капустные арии.
И каждая ария вкусная
Была бесконечно капустная.
И звенела мелодия странная,
Симпатичная, белокочанная:

Советуем щи и солянку,
Можно капустный компот
Спозаранку,
И при любой передышке
Вспомните о кочерыжке!».

«Трам-тарарам-тарампам-тарампам!
Ешьте капусту,
Советуем вам!
Ешьте капусту цветную,
Ешьте капусту морскую,
В море,
В ущелье,
Над бездною
Ешьте капусту полезную!
И при любой передышке
Вспомните о кочерыжке!».

Нету на свете
Стихов без конца...

Шли три мудреца из Трамтарии,
Распевая капустные арии.
И каждая ария грустная
Была бесконечно капустная:
«Трам-тарарам-тарара-тарара!
Кислую ешьте капусту
С утра!
В полдень

Шли из Трамтарии три мудреца,
Ветер большие деревья качал,
Первый капустный мудрец замолчал,
Рыбка плеснулась
В реке под горой,
И замолчал почему-то
Второй.
Третий скапустился
В тихой печали,
И мудрецы
Навсегда замолчали.
Трам-таратам-тратата-таратария —
Что же такое
Капустная ария?
Эти капустные три головы
Нам не сумели ответить,
Увы...

Проза

Д. МАМИН-СИБИРЯК

Медведко

— Барин, хотите вы взять медвежонка? — предлагал мне мой кучер Андрей.

— А где он?

— Да у соседей. Им знакомые охотники подарили. Славный такой медвежон, всего недель трех. Забавный зверь, одним словом.

— Зачем же соседи отдают, если он славный?

— Кто их знает. Я видел медвежонка: не больше рукавицы. И так смешно переваливает.

Я жил на Урале, в уездном городе. Квартира была большая. Отчего же и не взять медвежонка? В самом деле, зверь забавный. Пусть поживет, а там увидим, что с ним делать.

Сказано — сделано. Андрей отправился к соседям и через полчаса принес крошечного медвежонка, который действительно был не больше его рукавицы, с той разницей, что эта живая рукавица так забавно ходила на своих четырех ногах и еще забавнее тарасила такие милые синие глазенки.

За медвежонком пришла целая толпа уличных ребятишек, так что пришлось затворить ворота. Попав в комнаты, медвежонок немало не смутился, а напротив, почувствовал себя очень свободно, точно пришел домой. Он спокойно все осмотрел, обошел вокруг стен, все обнюхал, кое-что попробовал своей черной лапкой и, какется, нашел, что все в порядке.

Мои гимназисты натащили ему молока, булок, сухарей. Медвежонок принимал все как должное и, усевшись в уголке на задние лапы, приготовился закусить. Он делал все с необыкновенной комичной важностью.

— Медведко, хочешь молочка?

— Медведко, вот сухарики.

— Медведко!

Пока происходила вся эта суета, в комнату незаметно вошла моя охотничья собака, старый рыжий сеттер. Собака сразу почуяла присутствие какого-то неизвестного зверя, вытянулась, ошетинулась, и не успели мы оглянуться, как она уже сделала стойку над маленьким гостем. Нужно было видеть картину: медвежонок забился в уголок, присел на задние лапки и смотрел на медленно подхажившую собаку такими злыми глазенками.

Собака была старая, опытная, и поэтому она не бросилась сразу, а долго смотрела с удивлением своими большими глазами на непрошеного гостя, — эти комнаты она считала своими, а тут вдруг забрался неизвестный зверь, засел в угол и смотрит на нее, как ни в чем не бывало.

Я видел, как сеттер начал дрожать от волнения, и приготовился схватить его. Если бы он бросился на малютку медвежонка! Но вышло совсем другое, чего

никто не ожидал. Собака посмотрела на меня, точно спрашивая согласия, и по-двигалась вперед медленными, рассчитанными шагами. До медвежонка оставалось всего каких-нибудь пол-аршина, но собака не решалась сделать последнего шага, а только еще сильнее вытянулась и сильно потянула в себя воздух: она желала, по собачьей привычке, сначала обнюхать неизвестного врага. Но именно в этот критический момент маленький гость размахнулся и мгновенно ударил собаку правой лапой прямо по морде. Вероятно, удар был очень силен, потому что собака отскочила и завизжала.

— Вот так молодец Медведко! — одобрили гимназисты. — Такой маленький и ничего не боится.

Собака была сконфужена и незаметно скрылась в кухню.

Медвежонок преспокойно съел молоко и булку, а потом забрался ко мне на колени, свернулся клубочком и замурлыкал, как котенок.

— Ах, какой он милый! — повторили гимназисты в один голос. — Мы его оставим у нас жить. Он такой маленький и ничего не может сделать.

— Что ж, пусть его поживет, — согласился я, любуясь притихшим зверьком.

Да и как было не любоваться! Он так мило мурлыкал, так доверчиво лизал своим черным языком мои руки и кончил тем, что заснул у меня на руках, как маленький ребенок.

Медвежонок поселился у меня и в течение целого дня забавлял публику, как больших, так и маленьких. Он так забавно кувыркался, все желал видеть и везде лез. Особенно его занимали двери. Подковыляет, запустит лапу и начинает отворять. Если дверь не отворялась, он начинал забавно сердиться, ворчал и принимался грызть дерево своими острыми, как белые гвоздики, зубами.

Меня поражала необыкновенная подвижность этого маленького увальня и его сила. В течение этого дня он обошел решительно весь дом, и, кажется, не оставалось такой вещи, которой он не осмотрел бы, не понюхал и не полизал.

Наступила ночь. Я оставил медвежонка у себя в комнате. Он свернулся клубочком на ковре и сейчас же заснул.

Убедившись, что он успокоился, я загасил лампу и тоже приготовился спать. Не прошло четверти часа, как я стал засыпать, но в самый интересный момент мой сон был нарушен: медвежонок пристроился к двери в столовую и упорно хотел ее отворить. Я оттащил его раз и уложил на старое место. Не прошло получаса, как повторилась та же история. Пришлось встать и укладывать упрямого зверя во второй раз. Через полчаса — то же. Наконец мне это надоело, да и спать хотелось. Я отворил дверь кабинета и пустил медвежонка в столовую. Все наружные двери и окна были заперты, следовательно, беспокоиться было нечего.

Но мне и в этот раз не привелось уснуть. Медвежонок забрался в буфет и загремел тарелками. Пришлось встать и вытаскивать его из буфета, причем медвежонок ужасно рассердился, заворчал, начал вертеть головой и пытался уку-сить меня за руку. Я взял его за шиворот и отнес в гостиную. Эта возня начинала

мне надоедать, да и вставать на другой день нужно было рано. Впрочем, я скоро уснул, позабыв о маленьком госте.

Прошел, может быть, какой-нибудь час, как страшный шум в гостиной заста-вил меня вскочить. В первую минуту я не мог сообразить, что такое случилось, и только потом все сделалось ясно: медвежонок разодрался с собакой, которая спала на своем обычном месте в передней.

— Ну и зверина! — удивился кучер Андрей, разнимая воевавших.

— Куда его мы теперь денем? — думал я вслух. — Он никому не даст спать целую ночь.

— А к гимназистам, — посоветовал Андрей. — Они его весьма даже уважают. Ну и пусть спит опять у них.

Медвежонок был помещен в комнате гимназистов, которые были очень рады маленькому квартиранту.

Было уже два часа ночи, когда весь дом успокоился.

Я был очень рад, что избавился от беспокойного гостя и мог заснуть. Но не прошло часа, как все повскакали от страшного шума в комнате гимназистов. Там происходило что-то невероятное. Когда я прибежал в эту комнату и зажег спичку, все объяснилось.

Посредине комнаты стоял письменный стол, покрытый клеенкой. Медвежонок по ножке стола добрался до клеенки, ухватил ее зубами, уперся лапами в ножку и принялся тащить что было мочи. Тащил, тащил, пока не стащил всю клеенку, вместе с ней — лампу, две чернильницы, графин с водой и вообще все, что было разложено на столе. В результате — разбитая лампа, разбитый графин, разлитые по полу чернила, а виновник всего скандала забрался в самый дальний угол; оттуда сверкали только одни глаза, как два уголька.

Его пробовали взять, но он отчаянно защищался и даже успел уку-снуть одного гимназиста.

— Что мы будем делать с этим разбойником! — взмолился я. — Это все ты, Андрей, виноват.

— Что же я, барин, сделал? — оправдывался кучер. — Я только сказал про медвежонка, а взяли-то вы. И гимназисты даже весьма его одобряли.

Словом, медвежонок не дал спать всю ночь.

Следующий день принес новые испытания. Дело было летнее, двери оставались незапертыми, и он незаметно прокрался во двор, где ужасно напугал корову. Кончилось тем, что медвежонок поймал цыпленка и задавил его. Поднялся целый бунт. Особенно негодовала кухарка, жалевшая цыпленка. Она накинулась на кучера, и дело чуть не дошло до драки.

На следующую ночь, во избежание недоразумений, беспокойный гость был заперт в чулан, где ничего не было, кроме ларя с мукой. Каково же было негодование кухарки, когда на следующее утро она нашла медвежонка в ларе: он отворил тяжелую крышку и спал самым мирным образом прямо в муке. Огорченная кухарка даже расплакалась и стала требовать расчета.

— Житья нет от поганого зверя, — объясняла она. — Теперь к корове подойти нельзя, цыплят надо запереть, муку бросить. Нет, пожалуйста, барин, расчет.

Признаться сказать, я очень раскаивался, что взял медвежонка, и очень был рад, когда нашелся знакомый, который его взял.

— Помилуйте, какой милый зверь! — восхищался он. — Дети будут рады. Для них — это настоящий праздник. Право, какой милый.

— Да, милый, — соглашался я.

Мы все вздохнули свободно, когда наконец избавились от этого милого зверя и когда весь дом пришел в прежний порядок.

Но наше счастье продолжалось недолго, потому что мой знакомый возвратил медвежонка на другой же день. Милый зверь накуролесил на новом месте еще больше, чем у меня. Забрался в экипаж, заложенный молодой лошадей, зарычал. Лошадь, конечно, бросилась стремглав и сломала экипаж. Мы попробовали вернуть медвежонка на первое место, откуда его принес мой кучер, но там отказались принять его наотрез.

— Что же мы будем с ним делать? — взмолился я, обращаясь к кучеру. — Я готов даже заплатить, только бы избавиться.

На наше счастье, нашелся какой-то охотник, который взял его с удовольствием.

О дальнейшей судьбе Медведка знаю только то, что он околел месяца через два.

А. РАСКИН

Как папа бросил мяч под автомобиль

Когда папа был еще маленьким и жил в маленьком городе Павлово-Посаде, ему подарили большой мяч удивительной красоты. Этот мяч был как солнце. Нет, он был даже лучше солнца. Во-первых, на него можно было смотреть не щурясь. И он был ровно в четыре раза красивее солнца, потому что он был четырех цветов. А солнце ведь только одного цвета, да и тот трудно разглядеть. Один бок у мяча был розовый, как пастила, другой — коричневый, как самый вкусный шоколад. Верх был синий, как небо, а низ зеленый, как трава. Такого мяча еще никогда не видели в маленьком городе Павлово-Посаде. За ним специально ездили в Москву. Но я думаю, что и в Москве было мало таких мячей. На него приходили смотреть не только дети, но и взрослые.

— Вот это мяч! — говорили все.

И это был действительно прекрасный мяч. И папа очень гордился. Он вел себя так, как будто этот мяч он сам выдумал, сделал и раскрасил в четыре цвета. Когда папа гордо выходил на улицу играть своим прекрасным мячом, со всех сторон сбегались мальчишки.

— Ой, какой мяч! — говорили они. — Дай поиграть!

Но папа хватал свой мяч и говорил:

— Не дам! Это мой мяч! Ни у кого такого нет! Его привезли из Москвы! Отойдите! Не трогайте мой мяч!

И тогда мальчишки сказали:

— Эх ты, жадина!

Но папа все равно не дал им своего чудесного мяча. Он играл с ним один. А одному играть очень скучно. И жадный папа нарочно играл около мальчишек, чтобы они ему завидовали.

И тогда мальчишки сказали так:

— Он жадный. Не будем с ним водиться!

И два дня они с ним не водились. А на третий день сказали так:

— Мяч у тебя ничего. Это верно. Он большой и раскрашен здорово. Но, если бросить его под машину, он лопнет, как самый плохой черный мячик. Так что нечего так уж заирать нос.

— Мой мяч никогда не лопнет! — гордо сказал папа, который к тому времени так зазнался, как будто его самого выкрасили в четыре цвета.

— Еще как лопнет! — смеялись мальчишки.

— Нет, не лопнет!

— А вот идет машина, — сказали мальчишки. — Ну, что же ты? Бросай! Или испугался?

И маленький папа бросил свой мяч под машину. На минуту все замерли. Мяч прокатился между передними колесами и угодил под правое заднее колесо. Машина вся перекосилась, переехала мяч и помчалась дальше. А мяч остался лежать совершенно невредимым.

— Не лопнул! Не лопнул! — закричал папа и побежал к своему мячу. Но тут раздался такой шум, как будто выстрелили из маленькой пушки. Это лопнул мяч. И когда папа добежал до него, он увидел только пыльную резиновую тряпку, совсем некрасивую и неинтересную. И тогда папа заплакал и побежал домой. А мальчишки хохотали изо всех сил.

— Лопнул! Лопнул! — кричали они. — Так тебе и надо, жадина!

Когда папа прибежал домой и сказал, что сам бросил свой чудный новый мяч под машину, его сразу же отшлепала бабушка. Вечером пришел с работы дедушка и тоже отшлепал его.

При этом он говорил:

— Бью не за мяч, а за глупость.

И долго еще потом все удивлялись: как это можно было бросить такой хороший мяч под машину?

— Только очень глупый мальчик мог сделать это! — говорили все.

И долго еще все дразнили папу и спрашивали:

— А где же твой новый мяч?

И только один дядя не смеялся. Он попросил папу все рассказать ему с самого начала. Потом он сказал:

— Нет, ты не глупый!

И папа очень обрадовался.

— Но зато ты жадный и хвастливый, — сказал дядя. — И это очень печально для тебя. Тот, кто хочет один играть со своим мячиком, всегда остается ни с чем. Так бывает и у детей, и у взрослых. Так будет и у тебя всю жизнь, если ты останешься таким же.

И тогда папа очень испугался, и заплакал изо всех сил, и сказал, что он не хочет быть жадным и хвастливым. Он плакал так долго и так громко, что дядя поверил ему и купил новый мяч. Правда, он был не так красив. Но зато все соседские мальчишки играли этим мячом. И было весело, и никто не дразнил папу жадиной.

КАК ПАПА УКРОЩАЛ СОБАЧКУ

Когда папа был еще маленьким, его повели в цирк. Это было очень интересно. Особенно ему понравился укротитель диких зверей. Он очень красиво одевался, очень красиво назывался, и его боялись все львы и тигры. У него был хлыст и пистолеты, но он ими почти не пользовался.

— И звери боятся моих глаз! — заявлял он с арены. — Мой взгляд — вот мое самое сильное оружие! Дикий зверь не выносит человеческого взгляда!

И правда, стоило ему посмотреть на льва, и тот садился на тумбу, прыгал на бочку и даже притворялся мертвым, не вынося его взгляда.

Оркестр играл туш, зрители хлопали в ладоши, все смотрели на укротителя, а он прижимал руки к сердцу и кланялся во все стороны. Это было великолепно! И папа решил, что он тоже станет укротителем. Для начала он задумал укротить своим взглядом какого-нибудь не очень дикого зверя. Ведь папа был еще маленький. Он понимал, что такие крупные звери, как лев и тигр, ему еще не по зубам. Начинать надо с собаки и, конечно, не очень большой, потому что большая собака — это уже почти маленький лев. А вот собака поменьше как раз пригодилась бы.

И такой случай вскоре представился.

В маленьком городе Павлово-Посаде был маленький городской сад. Теперь там большой парк культуры и отдыха, но ведь это было очень давно. В этот сад бабушка пошла гулять с маленьким папой. Папа играл, бабушка читала книжку, а неподалеку сидела нарядная дама с собачкой. Дама тоже читала книгу. А собачка была маленькая, беленькая, с большими черными глазами. Этими большими черными глазами она смотрела на маленького папу так, как будто говорила ему: «Я очень хочу укрощаться! Пожалуйста, мальчик, укроти меня. Я совершенно не выношу человеческого взгляда!».

И маленький папа пошел через весь сад укрощать эту собачку. Бабушка читала книгу, и собачкина хозяйка читала книгу, и они ничего не видели. Собачка лежала под скамейкой и загадочно смотрела на папу своими большими черными

глазами. Папа шел очень медленно (ведь он был еще совсем маленьким) и думал: «Ох, кажется, она выносит мой взгляд... Может быть, все-таки лучше было начать со льва? Кажется, она раздумала укрощаться».

Был очень жаркий день, и на папе были только сандалии и штанишки. Папа шел, а собачка все лежала и молчала. Но, когда папа подошел совсем близко, она вдруг подпрыгнула и укусила его в живот. Тогда в городском саду стало очень шумно. Закричал папа. Закричала бабушка. Закричала собачкина хозяйка. И громко залаяла собачка. Папа кричал:

— Ой, она меня укусила!

Бабушка кричала:

— Ах, она его укусила!

Собачкина хозяйка кричала:

— Он ее дразнил, она совсем не кусается!

Что кричала собачка, вы сами понимаете. Прибежали разные люди и кричали:

— Безобразие!

Тогда пришел сторож и спросил:

— Мальчик, ты ее дразнил?

— Нет, — сказал папа, — я ее укрощал.

Тогда все засмеялись, и сторож спросил:

— А как ты это делал?

— Я шел к ней и смотрел на нее, — сказал папа. — Теперь я вижу, что она не выносит человеческого взгляда.

Опять все засмеялись.

— Вот видите, — сказала дама, — мальчик сам виноват. Никто его не просил укрощать мою собачку. А вас, — сказала она бабушке, — надо штрафовать, чтобы вы смотрели за своими детьми!

Бабушка так удивилась, что ничего не сказала. Она только ахнула. Тогда сторож сказал:

— Вот висит объявление: «Собак не водить!». Если бы висело объявление: «Детей не водить!», я оштрафовал бы гражданку с ребенком. А теперь я оштрафую вас. И прошу вас удалиться с вашей собачкой. Ребенок играет, а собачка кусается. Играть тут можно, а кусаться нельзя! Но играть тоже надо с умом. Ведь собачка не знает, зачем ты к ней шел. Может, ты сам хотел ее укусить? Ей ведь это неизвестно. Понял?

— Понял, — ответил папа. Ему уже совсем не хотелось быть укротителем. А после прививок, которые ему сделали на всякий случай, он совершенно разочаровался в этой профессии.

Насчет невыносимого человеческого взгляда у него тоже было теперь свое особое мнение. И когда он потом познакомился с мальчиком, который пытался как-то выщипывать ресницы у большой и злой собаки, то папа и этот мальчик очень хорошо поняли друг друга.

А то, что этого мальчика не укусили в живот, не имело никакого значения, потому что его укусили сразу в обе щеки. И это, как говорится, сразу бросилось в глаза. А прививки ему все равно делали в живот.

М. ПРИШВИН

КУРИЦА НА СТОЛБАХ

Весной соседи подарили нам четыре гусиных яйца, и мы подложили их в гнездо нашей черной курицы, прозванной Пиковой Дамой. Прошли положенные дни для высиживания, и Пиковая Дама вывела четырех желтеньких гуськов. Они пищали, посвистывали совсем по-иному, чем цыплята, но Пиковая Дама, важная, нахохленная, не хотела ничего замечать и относилась к гусятам с той же материнской заботливостью, как к цыплятам.

Прошла весна, настало лето, везде показались одуванчики. Молодые гуськи, если шеи вытянут, становятся чуть ли не выше матери, но все еще ходят за ней. Бывает, однако, мать раскапывает лапками землю и зовет гуськов, а они занимаются одуванчиками, тукают их носами и пускают пушинки по ветру. Тогда Пиковая Дама начинает поглядывать в их сторону, как нам кажется, с некоторой долей подозрения. Бывает, часами распушенная, с квохтаньем, копает она, а им хоть бы что: только посвистывают и поклевывают зеленую травку. Бывает, собака захочет пройти куда-нибудь мимо нее, — куда тут! Кинется на собаку и прогонит. А после и поглядит на гуськов, бывает, задумчиво поглядит...

Мы стали следить за курицей и ждать такого события, — после которого наконец она догадается, что дети ее вовсе даже на кур не похожи и не стоит из-за них, рискуя жизнью, бросаться на собак.

И вот однажды у нас на дворе событие это случилось. Пришел насыщенный ароматом цветов солнечный июньский день. Вдруг солнце померкло, и петух закричал.

— Квох, квох! — ответила петуху курица, зазывая своих гусят под навес.

— Батюшки, туча-то какая находит! — закричали хозяйки и бросились спасать развешенное белье. Грянул гром, сверкнула молния.

— Квох, квох! — настаивала курица Пиковая Дама.

И молодые гуси, подняв высоко шеи свои, как четыре столба, пошли за курицей под навес. Удивительно нам было смотреть, как по приказанию курицы четыре порядочных, высоких, как сама курица, гусенка сложились в маленькие штучки, подлезли под наседку и она, распушив перья, распластав крылья над ними, укрыла их и угрела своим материнским теплом.

Но гроза была недолгая. Туча пролилась, ушла, и солнце снова засияло над нашим маленьким садом.

Когда с крыш перестало литься и запели разные птички, это услышали гусята под курицей, и им, молодым, конечно, захотелось на волю.

— На волю, на волю! — засвистали они.

— Квох, квох! — ответила курица. И это значило:

— Посидите немного, еще очень свежо.

— Вот еще! — свистели гусята. — На волю, на волю! И вдруг поднялись на ногах и подняли шеи, и курица поднялась, как на четырех столбах, и закачалась в воздухе высоко от земли. Вот с этого раза все и кончилось у Пиковой Дамы с гусятами: она стала ходить отдельно, и гуси отдельно; видно, тут только она все поняла, и во второй раз ей уже не захотелось попасть на столбы.

Ю. КОВАЛЬ

ВЫСТРЕЛ

Школа у нас маленькая.

В ней всего-то одна комната. Зато в этой комнате четыре класса.

В первом — одна ученица, Нюра Зуева.

Во втором — опять один ученик, Федюша Миронов.

В третьем — два брата Моховы.

А в четвертом — никого нет. На будущий год братья Моховы будут.

Всего, значит, в школе сколько? Четыре человека. С учителем Алексей Степанычем — пять.

— Набралось-таки народу, — сказала Нюрка, когда научилась считать.

— Да, народу немало, — ответил Алексей Степаныч. — И завтра после уроков весь этот народ пойдет на картошку. Того гляди, ударят холода, а картошка у колхоза невыкопанная.

— А как же кролики? — спросил Федюша Миронов.

— Дежурной за кроликами оставим Нюру.

Кроликов в школе было немало. Их было больше ста, а именно — сто четыре.

— Ну, наплодились... — сказала Нюрка на следующий день, когда все ушли на картошку.

Кролики сидели в деревянных ящиках, а ящики стояли вокруг школы, между яблонями. Даже казалось, что это стоят ульи. Но это были не пчелы.

Но почему-то казалось, что они жужжат!

Но это, конечно, жужжали не кролики. Это за забором мальчик Витя жужжал на специальной палочке.

Дежурить Нюрке было нетрудно.

Вначале Нюрка дала кроликам всякой ботвы и веток. Они жевали, шевелили ушами, подмигивали ей: мол, давай-давай, наваливай побольше ботвы.

Потом Нюрка выметала клетки. Кролики пугались веника, порхали от него. Крольчат Нюрка выпустила на траву, в загон, огороженный сеткой.

Дело было сделано. Теперь надо было только следить, чтобы все было в порядке.

Нюрка прошла по школьному двору — все было в порядке. Она зашла в чулан и достала сторожевое ружье.

«На всякий случай, — думала она. — Может быть, ястреб налетит».

Но ястреб не налетал. Он кружил вдалеке, высматривая цыплят.

Нюрке стало скучно. Она залезла на забор и поглядела в поле. Далеко, на картофельном поле, были видны люди. Изредка приезжал грузовик, нагружался картошкой и снова уезжал.

Нюрка сидела на заборе, когда подошел Витя, тот самый, что жужжал на специальной палочке.

— Перестань жужжать, — сказала Нюрка.

Витя перестал.

— Видишь это ружье?

Витя приложил к глазам кулаки, пригляделся, как бы в бинокль, и сказал:

— Вижу, матушка.

— Знаешь, как тут на чего нажимать?

Витя кивнул.

— То-то же, — сказала Нюрка строго, — изучай военное дело!

Она еще посидела на заборе. Витя стоял неподалеку, желая пожужжать.

— Вот что, — сказала Нюрка. — Садись на крыльцо, сторожи. Если налетит ястреб, кричи изо всех сил, зови меня. А я сбегая за ботвой для кроликов.

Витя сел на крыльцо, а Нюрка убрала в чулан ружье, достала порожний мешок и побежала в поле.

На краю поля лежала картошка — в мешках и отдельными кучами. Особый, сильно розовый сорт. В стороне была сложена гора из картофельной ботвы.

Набив ботвой мешок и набрав картошки, Нюрка пригляделась: далеко ли ребята? Они были далеко, даже не разобрать, где Федюша Миронов, а где братья Моховы.

«Добежать, что ль, до них?» — подумала Нюрка.

В этот момент ударил выстрел.

Нюрка мчалась обратно. Страшная картина представлялась ей: Витя лежит на крыльце весь убитый.

Мешок с ботвой подпрыгивал у Нюрки на спине, картофелина вылетела из ведра, хлопнулась в пыль, завертелась, как маленькая бомба.

Нюрка вбежала на школьный двор и услышала жужжание. Ружье лежало на ступеньках, а Витя сидел и жужжал на своей палочке. Интересная все-таки это была палочка. На конце — сургучная блямба, на ней петлею затянут конский волос, к которому привязана глиняная чашечка. Витя помахивал палочкой — конский волос терся о сургуч: жжу...

— Кто стрелял? — крикнула Нюрка.

Но даже и нечего было кричать. Ясно было, кто стрелял, — пороховое облако еще висело в бузине.

— Ну, погоди! Вернется братья Моховы! Будешь знать, как с ружьем баловать!.. Перестань жужжать!

Витя перестал.

— Куда пальнул-то? По Мишукиной козе?

— По ястребу.

— Ври-ври! Ястреб над птичником кружит.

Нюрка поглядела в небо, но ястреба не увидела.

— Он в крапиве лежит.

Ястреб лежал в крапиве. Крылья его были изломаны и раскинуты в стороны. В пепельных перьях были видны дырки от дробинок.

Глядя на ястреба, Нюрка не верила, что это Витя его. Она подумала: может быть, кто-нибудь из взрослых зашел на школьный двор. Да нет, все взрослые были на картошке.

Да, видно, ястреб просчитался.

Как ушла Нюрка, он сразу полетел за крольчатами, а про Витю подумал: мал, дескать. И вот теперь — бряк! — валялся в крапиве.

С поля прибежали ребята. Они завопили от восторга, что такой маленький Витя убил ястреба.

— Он будет космонавтом! — кричали братья Моховы и хлопали Витю по спине.

А Федюша Миронов изо всей силы гладил его по голове и просто кричал:

— Молодец! Молодец!

— А мне ястреба жалко, — сказала Нюрка.

— Да ты что! Сколько он у нас кроликов потаскал!

— Все равно жалко. Такой красивый был!

Тут все на Нюрку накинулись.

— А кого тебе больше жалко, — спросил Федюша Миронов, — ястреба или кроликов?

— И тех и других.

— Вот дуруха-то! Кроликов-то жалче! Они ведь махонькие. Скажи ей, Витька. Чего ж ты молчишь?

Витя сидел на крыльце и молчал.

И вдруг все увидели, что он плачет. Слезы у него текут, и он совсем еще маленький. От силы ему шесть лет.

— Не реви, Витька! — закричали братья Моховы. — Ну, Нюрка!

— Пускай ревет, — сказала Нюрка. — Убил птицу — пускай ревет.

— Нюрка! Нюрка! Имей совесть! Тебя же поставили сторожить. Сама должна была убить ястреба.

— Я бы не стала убивать. Я бы просто шуганула его, он бы улетел.

Нюрка стала растапливать печку, которая стояла в саду. Поставила на нее чугун с картошкой.

Пока варилась картошка, ребята все ругались с ней, а Витя плакал.
— Вот что, Нюрка, — под конец сказал Федюша Миронов, — Витька к ястребу не лез. Ястреб напал — Витька защищался. А в сторону такой парень стрелять не станет!

Это были справедливые слова.

Но Нюрка ничего не ответила.

Она надулась и молча вывалила картошку из чугуна прямо на траву.

Литературные сказки

А. УСАЧЕВ

Про умную собачку Сою

(Главы)

Королевская дворняжка

В одном городе, на одной улице, в одном доме, в квартире № 66 жила-была маленькая, но очень умная собачка Соня.

У Сони были черные блестящие глаза и длинные, как у принцессы, ресницы и еще аккуратный хвостик, которым она обмахивалась как веером.

А еще у нее был хозяин, которого звали Иван Иванович Королев.

Поэтому живший в соседней квартире поэт Тим Собакин и прозвал ее королевской дворняжкой.

А остальные подумали, что это такая порода.

И собачка Соня тоже так подумала.

И другие собаки так подумали.

И даже Иван Иванович Королев тоже так подумал. Хотя знал свою фамилию лучше остальных.

Каждый день Иван Иванович уходил на работу, а собачка Соня сидела одна в своей шестьдесят шестой королевской квартире и ужасно скучала.

Наверное поэтому с ней и случались всякие интересные вещи.

Ведь когда становится очень скучно, всегда хочется сделать что-нибудь интересное.

А когда хочешь сделать что-нибудь интересное, что-нибудь обязательно да получится.

А когда что-нибудь получается, всегда начинаешь думать: как же это получилось?

А когда начинаешь думать, почему-то становишься умнее.

А почему — никому не известно.

Поэтому собачка Соня и была очень умной собачкой.

Кто сделал лужу?

Когда маленькая собачка Соня еще не была умной собачкой Соней, а была маленьким умным щенком, она часто писала в коридоре.

Хозяин Иван Иванович очень сердился, тыкал Сою носом в лужу и говорил:

— Кто сделал лужу? Это кто сделал лужу? Воспитанные собаки, — добавлял он при этом, — должны терпеть и не делать луж в квартире!

Собачке Соне это, конечно, ужасно не нравилось. И вместо того чтобы терпеть, она старалась незаметно делать это дело на ковре, потому что на ковре луж не остается.

Но однажды они вышли гулять на улицу, и маленькая Соня увидела перед подъездом огромную лужу.

«Кто сделал такую огромную лужу?» — удивилась Соня.

А за ней она увидела вторую лужу, еще больше первой. А за ней третью...

«Это, наверное, слон! — догадалась умная собачка Соня. — Сколько же он терпел!» — подумала она с уважением...

И с тех пор перестала писать в квартире.

Здравствуйтесь, спасибо и до свидания!

Как-то на лестнице маленькую собачку Сою остановила пожилая незнакомая такса.

— Все воспитанные собачки, — строго сказала такса, — при встрече должны здороваться. Здороваться — это значит говорить «здравствуйтесь», «привет» или «добрый день» — и вилять хвостиком!

— Здравствуйтесь! — сказала Соня, которой, конечно, очень хотелось быть воспитанной собачкой, и, вильнув хвостиком, побежала дальше.

Но не успела она добежать и до середины таксы, оказавшейся невероятно длинной, как ее снова окликнули.

— Все воспитанные собачки, — произнесла такса, — должны быть вежливыми и, если им дают косточку, конфетку или полезный совет, говорить «спасибо»!

— Спасибо! — сказала Соня, которой, конечно же, очень хотелось быть вежливой и воспитанной собачкой, и побежала дальше.

Но только она добежала до таксиного хвоста, как сзади послышалось:

— Все воспитанные собачки должны знать правила хорошего тона и при прощании говорить «до свидания»!

— До свидания! — крикнула Соня и, довольная тем, что знает теперь правила хорошего тона, бросилась догонять хозяина.

С этого дня собачка Соня стала ужасно вежливой и, пробегая мимо незнакомых собак, всегда говорила:

— Здравствуйтесь, спасибо и до свидания!

Жаль, что собаки ей попадались самые обыкновенные. И многие кончались раньше, чем она успевала все сказать.

Что лучше?

Собачка Соня сидела возле детской площадки и думала, что лучше — быть большой или маленькой?...

«С одной стороны, — думала собачка Соня, — большой быть значительно лучше: и кошки тебя боятся, и собаки тебя боятся, и даже прохожие тебя опасаются... Но с другой стороны, — думала Соня, — маленькой тоже быть лучше, потому что никто тебя не боится и не опасается, и все с тобой играют. А если ты большой, тебя обязательно водят на поводке и надевают на тебя намордник...»

Как раз в это время мимо площадки проходил огромный и злющий бульдог Макс.

— Скажите, — вежливо спросила его Соня, — а это очень неприятно, когда на вас надевают намордник?

Макса этот вопрос почему-то страшно разозлил. Он зарычал, рванулся с поводка и, опрокинув хозяйку, погнался за Соней.

«Ой-ой-ой! — думала собачка Соня, слыша за спиной грозное сопение. Все-таки большой быть лучше!...»

К счастью, по дороге им встретился детский сад. Соня увидела дыру в заборе и быстро юркнула в нее.

Бульдог же никак не мог пролезть в дыру — и только громко пыхтел с той стороны, как паровоз...

«Все-таки хорошо быть маленькой, — подумала собачка Соня. — Если бы я была большой, я бы ни за что не проскочила в такую маленькую щель...»

«Но если бы я была большой, — подумала она, — зачем бы я вообще полезла сюда?..»

Но так как Соня была маленькой собачкой, то она все-таки решила, что лучше быть маленькой.

А большие собаки пусть решают сами!

Как Соня научилась разговаривать

Как-то собачка Соня сидела у телевизора, смотрела свою любимую передачу «В мире животных» и думала.

«Интересно, — думала она, — почему люди умеют разговаривать, а животные — нет?»

И вдруг ее осенило!

«А ведь телевизор тоже разговаривает, — подумала Соня, — когда его включают в розетку... Значит, — подумала умная Соня, — если меня включить в розетку, я тоже научусь разговаривать!»

Взяла собачка Соня и сунула хвост в розетку. А там кто-то как вцепится в него зубами!

— Ай-ай-ай! — закричала Соня. — Отпустите! Больно! — И, выдернув хвост, отскочила от розетки.

Тут из кухни прибежал удивленный хозяин.

— Ну и ну! — сказал он. И погладив дрожашую Соню, добавил — глупенькая, ведь там же электрический ток. Будь осторожней!

«Интересно, какой он из себя, этот электрический ток? — думала собачка Соня, с опаской поглядывая на розетку. — Маленький, а какой злой... Хорошо бы его приручить!»

Она принесла из кухни косточку и положила ее перед розеткой.

«Может быть, он не ест косточек или не хочет, чтобы его видели?» — подумала Соня.

Она положила рядом с косточкой шоколадную конфетку и ушла гулять. Но когда она вернулась, все оказалось нетронутым.

«Этот электрический ток не ест вкусных косточек!... Этот электрический ток не ест шоколадных конфеток!... Станный он какой-то!!!» — подумала умная собачка Соня.

И с этого дня решила держаться от розетки подальше.

Б. ПОТТЕР

Сказка про Джемайму Нырнвлужу

(Пер. с англ. И. Токмаковой)

Странное это, доложу я вам, зрелище, когда вдруг увидишь курицу с выводком утят!

Вот лучше вы послушайте про Джемайму-утку по фамилии Нырнвлужу, которую ужасно сердило, что фермерская жена не позволяла ей самой высидывать утят.

Хотя ее золовка (что значит, как тебе, наверно, известно, жена брата) миссис Ребекка Нырнвлужу и говаривала ей:

— Ах, да пусть их высидывает, кто хочет! У меня не хватит терпения просидеть на гнезде двадцать восемь дней. И у тебя не хватит, Джемайма! Поверь мне, ты этих невылупившихся птенцов непременно простудишь!

— Нет, — упрямылась Джемайма. — Я хочу сама вывести утят. И выведу!

Она, было, попробовала припрятывать яйца, но их всегда кто-нибудь находил и забирал.

Утка Джемайма Нырнвлужу пришла, в конце концов, в полное отчаяние. И тут она решила устроить себе гнездо где-нибудь подальше от фермы.

Стояла прекрасная весенняя погода. Джемайма-утка двинулась в путь вдоль проселочной дороги. Дорога эта взбиралась на невысокий холм. На Джемайме была дорожная одежда: шаль и шляпка с высокими полями.

Джемайма доковыляла до вершины холма и в отдалении разглядела лесок. Ей показалось, что как раз там она и найдет себе спокойный приют.

Надо признаться, что Джемайма Нырнвлужу не очень-то умела летать. Она кинулась с холма вниз — в сторону лесочка, размахивая шалью, а затем, неуклюже подпрыгнув, поднялась в воздух. Но понемногу полет ее выровнялся, и лететь стало легче. Она поплыла по воздуху над вершинами деревьев и вскоре приметилла полянку посреди леса, на которой не росли ни дубы, ни ели и не валялось ни ветвей, ни сучьев.

Джемайма опустилась на землю и заковыляла своей обычной походкой вперевалочку в поисках сухого и удобного местечка для гнезда.

Она приглядела пенек в зарослях высоко вымахавшей наперстянки, или, как этот цветок еще называют, листьев уха. Но, подойдя поближе, даже вздрогнула: на пенке сидел элегантно одетый господин и читал газету. У него были острые торчащие ушки и песочного цвета усы.

— Кряк? — сказала Джемайма, склонив голову слегка на сторону. — Кряк?

— Вы заблудились, сударыня, не так ли? — спросил он.

Он сложил газету и засунул ее в задний карман брюк. Джемайма пожаловалась ему на кур, которые, как ни крути, уж очень много на себя берут.

— В самом деле? Как интересно, — заметил учтивый господин. — Хотел бы я встретиться с этими птицами, я бы им показал, как лезть не в свои дела. А что касается гнезда, — продолжил он, — то тут не возникает никаких затруднений. У меня в дровяном сарае огромный запас перьев, и вы, моя дорогая, там никому не помешаете. Устраивайтесь и сидите себе, сколько захочется.

И он повел ее в сторону унылого вида домишки, стоящего в зарослях лисьего уха. Домишко был сооружен из ивовых прутьев, обмазанных глиной, на его крыше две бадейки без доньшек, одетые одна на другую, изображали трубу.

— Это моя летняя резиденция, — проговорил учтивый господин. — В моей зимней норе... я хочу сказать, в моем зимнем доме вам не было бы так уж удобно.

За домом находился кособокий сарай, который был сколочен из старых ящиков из-под мыла. Господин распахнул дверь и пригласил Джемайму войти.

Вся внутренность сарая была почти до краев заполнена перьями. Казалось, что и места для воздуха не осталось. Но зато, какие они были мягкие и теплые!

Джемайма Нырнвлужу слегка удивилась, что в одном месте может оказаться сразу столько перьев. Но очень-то раздумывать на эту тему себе не позволила и быстренько устроила гнездо.

Когда она появились в дверях сарая, господин с песочными усами сидел на бревне и опять читал газету. А может, и не читал. Кто его знает. Во всяком случае, газета была развернута, и он поглядел на утку поверх газетного листа.

Учтивый господин выразил сожаление, что Джемайма должна была на ночь вернуться на ферму. Он обещал, что постережет ее гнездышко до завтра, пока она снова тут не появится. К этому он добавил, что обожает утиные яйца и маленьких утят. И еще он заметил, что он бесконечно горд оттого, что в его сарае скоро будет гнездо, полное утиных яиц.

С того самого дня Джемайма Нырнвлужу являлась в сарай аккуратно каждый день после обеда. И, в конце концов, в гнезде оказалось девять яиц. Они были зеленовато-белые, и рыжему господину очень пришлось по душе. Когда Джемайма отсутствовала, он их пересчитывал и переворачивал для собственного удовольствия.

Наконец Джемайма объявила, что с завтрашнего дня она начинает высиживать утят.

— Я принесу с собой мешочек зерна, — добавила она. — Потому что пока утята не вылупятся, я не должна покидать гнезда. Они могут простудиться.

— Сударыня, не извольте беспокоиться и не носите никаких мешочков! — воскликнул господин с песочными усами. — Я буду каждый день доставлять вам столько овса, сколько пожелаете. Но до того как вы приступите к вашему утомительному сидению, — продолжал он, — я хочу вас как следует угостить. Давайте с вами вместе пообедаем, только вы и я — и больше никого! Я попрошу вас принести кое-какие травки из огорода, чтобы мы могли приготовить душистый... ммм... омлет. Пучок шалфея, ну там еще — немного тимьяна, пару листочков мяты и две луковицы. Да, не забудьте петрушку! А я принесу остальное, чем фаршировать... ммм... я хочу сказать, с чем приготовить омлет.

Джемайма Нырнвлужу была настоящей простушкой: даже упоминание о луке не возбудило у нее никаких подозрений. Она безмятежно бродила по огороду и отщипывала разные травки, которые употребляются в тех случаях, когда готовят фаршированную утку!

Мало этого, она еще и на кухню забрела и взяла из плетеной корзинки две головки репчатого лука.

Когда она выходила из кухни, навстречу ей попался колли по имени Кеп.

— Зачем это тебе понадобился лук? — спросил он строгим голосом. — И куда это ты ходишь каждый день в полном одиночестве, а, Джемайма Нырнвлужу!

Джемайма всегда побаивалась этого колли, и со страху она выложила ему все как есть.

Колли слушал, склонив набок свою мудрую голову. Он ухмыльнулся, когда она описывала учтивого господина с песочными усами.

Колли хорошенько расспросил ее, где в точности находится этот лес и где в нем расположены дом и кривобокий сарай.

И не добавив больше ни слова, повернулся и пошел вдоль по деревенской улице. Он отправился на поиски двух подросших щенков фокстерьера, которые имели обыкновение ходить за тележкой мясника.

А Джемайма Нырнвлужу спешила по проселку, который взбирается на невысокий холм и ведет в сторону леса. День был солнечный и жаркий. Ей было тяжело тащить все эти пучки зелени, да еще две луковицы в придачу.

Но она все-таки долетела до леса и приземлилась рядом с домом длиннохвостого господина. Он восседал на бревне и все как-то принюхивался, и все оглядывался на лесную опушку.

— Давай пошевеливайся, — сказал он резко. — Небось, побежишь сначала любоваться своим сокровищем! Ступай в сарай — да быстро!

Что-то он порастерял свою обычную учтивость! Джемайме еще не приходилось слышать, чтобы он говорил с ней в таком тоне. Она очень удивилась. Ей стало как-то не по себе. Когда она пересчитывала своих будущих утят, до ее слуха донеслись звуки шагов, огибавших сарай. Под дверью показался к чему-то приносящийся черный нос.

Вслед за этим кто-то запер дверь снаружи. Джемайма струсила не на шутку.

А через минуту послышался ужасный шум — рычание, лай, вопли, визг и скулеж. После этого господин с песочными усами исчез навсегда.

Вскоре Кеп открыл дверь сарая и выпустил пленницу.

Увы! Щенки фокстерьера заскочили в сарай, и не успела она оглянуться, как они перебили все яйца.

У Кепа было прокушено ухо, а оба щенка хромали на все лапы.

Джемайму проводили домой. Глаза ее были полны слез, так ей было жаль своих зеленовато-белых яичек.

В июне она снесла еще несколько яиц, и ей разрешили оставить их себе. Но вылупилось почему-то всего четыре утенка...

Джемайма Нырнвлужу уверяла, что это на нервной почве. Но вспомним: она всегда была непоседой!

М. ЭМЕ

КРАСКИ

(Пер. с франц. И. Кузнецовой)

Как-то утром, в каникулы Дельфина и Маринетта сидели на лужайке за домом, разложив коробки с красками. Краски были совсем новенькие. Дядя Альфред подарил их накануне Маринетте на день рождения: ей исполнилось целых семь лет! Когда дядя Альфред ушел, родители начали ворчать:

— Скажите на милость! Краски! Разве нам дарили в детстве краски! Вы уж, наверно, собрались завтра рисовать? И не мечтайте! Работать-то кто за вас будет? Мы рано утром уйдем в поле, а вы потрудитесь здесь: соберете бобы на огороде, а потом нарежете клевера для кроликов.

И пришлось девочкам пообещать, что работа вся будет сделана, а к краскам они даже не притронутся.

И вот на следующее утро, когда родители ушли, девочки отправились в огород собирать бобы и встретили по дороге уточку. Она сразу же заметила, что глаза у них на мокром месте. Это была очень отзывчивая уточка.

— Что с вами, малышки? — спросила она.

— Ничего, — ответили девочки, но Маринетта всхлипнула, а Дельфина шмыгнула носом.

Уточка не могла это так оставить, ведь она была настоящим другом, и девочки в конце концов рассказали ей все: и про новые краски, и про бобы, и про клевер. Неподалеку прогуливались пес и поросенок, они тоже подошли послушать эту печальную историю.

— Как мне жаль вас, малышки! — воскликнула уточка. — Но не огорчайтесь! Идите себе спокойно рисовать, а уж мы о бобах позаботимся. Верно я говорю, а, пес?

— Разумеется, — отозвался пес.

— Да и о клевере тоже, — продолжала уточка. — Можете на меня положиться. Я заготовлю вам клевера на целую неделю.

Обрадовались девочки. Они крепко расцеловали своих друзей и отправились на лужайку. Когда они набирали в баночки воду, к ним подошел ослик.

— Доброе утро, малышки. Что это у вас в коробочках?

Маринетта ответила, что в коробочках у них краски.

— Хочешь, — добавила она, — я нарисую твой портрет?

— О да! — обрадовался ослик. — Очень хочу. Ведь нам, животным, тоже интересно знать, какие мы есть.

Маринетта велела ослику повернуться в профиль и взялась за кисть. А Дельфина тем временем рисовала кузнечика на травинке. Девочки трудились молча, склонив голову и высунув язык. Они очень старались.

Ослик, который все время стоял не шелохнувшись, спросил:

— Можно посмотреть, что получается?

— Подожди, — ответила Маринетта, — дай я только уши дорисую.

— Конечно, конечно, — сказал ослик. — Не спеши. Кстати, раз уж речь зашла об ушах, я как раз хотел тебе сказать... Я знаю, что они у меня длинные, но... ты уж пойми меня правильно... длинные, но в меру.

— Да, да, не волнуйся, я все сделаю как надо, — заверила его Маринетта.

Между тем у Дельфины дела шли неважно. Портрет кузнечика был готов, но на большом листе бумаги он занимал слишком мало места. Тогда Дельфина решила пририсовать к кузнечику лужайку. К несчастью, кузнечик и лужайка оказались одного цвета. В результате все слилось, и от кузнечика ничего не осталось. Это было очень досадно.

Наконец Маринетта тоже отложила кисть и пригласила ослика полюбоваться его портретом. Он не заставил себя просить. Но то, что он увидел, оказалось для него большой неожиданностью.

— Как мало мы себя знаем, — произнес он с грустью. — Я, например, никогда не думал, что у меня бульдожья голова.

Маринетта покраснела, а ослик продолжал:

— Вот и уши тоже... Мне часто говорили, что они у меня длинноваты, но я и предположить не мог, что они такие гигантские.

Маринетта совсем смутилась и покраснела еще больше. Действительно, уши на рисунке занимали примерно столько же места, сколько и туловище.

Ослик понуро стоял перед портретом.

— Что это значит? — вдруг воскликнул он. — Ты нарисовала мне всего две ноги!

Тут Маринетте было что возразить, и она приободрилась:

— Как же иначе? Ведь ты стоял ко мне боком, и я видела только две ноги. Не могу же я рисовать то, чего не вижу!

— Рисуешь ты замечательно, но ног-то у меня все-таки не две, а четыре!

— Нет,— вмешалась Дельфина.— В профиль у тебя их только две.

Ослик замолчал. Он был оскорблен:

— Что ж, — пробормотал он, удаляясь, — две, значит, две!

— Ослик, ну, посуды сам...

— Нет, нет, у меня две ноги, и кончим этот разговор.

Дельфина рассмеялась, и Маринетта тоже, хотя совесть у нее была не совсем чиста. Потом они забыли про ослика и стали искать, кого бы нарисовать еще.

В это время по лужайке проходила пара волов, они шли на речку попить воды. Это были большие белые волы без единого пятнышка.

— Доброе утро, малышки. Что это у вас в коробочках?

Девочки объяснили им, зачем нужны краски, и волы попросили девочек их нарисовать. Наученная неудачей с кузнечиком, Дельфина покачала головой:

— Это невозможно. Ведь вы белые, а значит, того же цвета, что и бумага. Белого на белом просто не будет видно. И получится, что вас как будто и не существует вовсе.

Волы посмотрели друг на друга, и один из них холодно сказал:

— Что ж, если нас не существует, всего доброго.

Девочки растерялись. Но тут услышали за спиной громкие голоса: к ним приближались лошадь и петух. Они ссорились.

— Да, да, мадам, — говорил петух сердито, — я полезнее вас и к тому же умнее. И не усмехайтесь, пожалуйста, а не то я задам вам хорошую трепку.

— Куда тебе, сморчок! — отозвалась лошадь снисходительно.

— «Сморчок»! Да вы и сами-то не больно велики! Неизвестно еще, кто из нас сильнее.

Унять петуха было не так-то просто. И если бы Дельфина не предложила спорщикам нарисовать их, неизвестно, чем бы это все кончилось. Пока Маринетта трудилась над портретом петуха, Дельфина занялась лошадью. Казалось, мир восстановлен. Петух был страшно горд, что его попросили позировать. Он задрал голову и распустил хвост. Но долго молчать он не мог.

— Это, должно быть, очень приятно — писать мой портрет, — сказал он Маринетте. — Ты правильно сделала, что выбрала именно меня. Не хочу хвастаться, но, право же, перья у меня восхитительных оттенков.

Он долго расхваливал на все лады свое оперение, гребешок и хвост, а потом добавил, скосив глаза на лошадь:

— Каждому ясно, что я просто создан для того, чтобы с меня писать портреты. Не то что некоторые убогие создания со скучной одноцветной шкурой.

— Только мелким зверушкам подобает быть такими пестрыми, — возразила лошадь. — Ведь иначе их вообще никто не заметит.

— Сами вы зверушка! — вскричал петух.

Девочки между тем трудились не покладая рук. Вскоре оба, и лошадь, и петух, были приглашены взглянуть на свои портреты.

Лошадь в целом осталась довольна. Дельфина изобразила замечательную гриву, на диво длинную и всклокоченную — она вся стояла дыбом, точно колючки дикобраза, — не пожалела краски на хвост, где некоторые волоски не уступали по толщине топорищу. Во всяком случае, лошади повезло больше, чем ослику: после получаса позирования все четыре ноги у нее оказались на месте.

Петуху вроде бы тоже не на что было жаловаться, однако он не постеснялся заявить, будто хвост его на рисунке напоминает старую швабру.

В это время лошадь перевела взгляд на портрет петуха.

— Как я погляжу, — воскликнула она, — петух у вас получился выше ростом, чем я?

И вправду, лошадь у Дельфины занимала меньше половины листа, а портрет петуха, написанный Маринеттой широкими мазками, занимал весь лист целиком.

— Конечно, я больше, любезная, — злорадствовал петух. — Что ж тут удивляться? Или для вас это новость? Я лично знал это и без портретов.

— Петух больше меня! Нет, это уж чересчур! — возмутилась лошадь.

— Пожалуй, так оно и есть, — сказала Дельфина, сравнив оба рисунка. — Но это не имеет никакого значения.

Девочка слишком поздно заметила, что лошадь обиделась. Лошадь отвернулась и, когда Дельфина ее окликнула, сухо ответила, даже не оглянувшись:

— Ну конечно, разумеется! Я меньше петуха, и это не имеет никакого значения.

Не слушая оправданий Дельфины, она медленно пошла прочь. Следом, на некотором расстоянии, шествовал петух и выкрикивал на каждом шагу:

— Я больше! Я больше!

В полдень вернулись родители. Они нашли дочек на кухне и внимательно оглядели их фартучки. К счастью, девочки были очень осторожны с красками, и на одежде не осталось никаких пятен. Родители спросили, что они успели сделать за утро.

— Нарезали охাপку клевера для кроликов и собрали две полные корзины бобов, — ответили девочки.

Родители проверили, правду ли они говорят, и даже заулыбались от радости. Хотя в корзинках попадались клочья собачьей шерсти и утиные перышки, папа с мамой ничего не заметили.

Никогда еще они не были в таком прекрасном настроении, как в тот день.

— Мы очень вами довольны, — сказали они девочкам. — Вы собрали хороший урожай бобов, да и у кроликов теперь есть клевер по меньшей мере дня на три. Позволяем вам порисовать после обеда. Мы ведь вовсе не собирались на самом деле отбирать у вас краски. Мы только хотели проверить, действительно ли вы послушные девочки.

Дельфина и Маринетта еле слышно прошептали «спасибо».

До конца обеда родители только и делали, что пели, смеялись и загадывали загадки.

— «Две сестрицы убегают, две сестрицы догоняют, по дороге кувырком, все бегом, бегом, бегом». Что это такое?

Девочки делали вид, будто думают, но угрызения совести мешали им сосредоточиться.

— Не знаете? Но ведь это так просто! Что, сдаетесь? Это же колеса автомобиля: задние гонятся за передними. Ха-ха-ха! — веселились родители.

Когда все вышли из-за стола, девочки остались мыть посуду, а родители отправились в хлев отвязывать ослика, чтобы отвезти в поле картофель для посадки.

— Ну, ослик, пора на работу!

— Мне очень жаль, — ответил ослик, — я рад вам услужить, но у меня всего две ноги.

— Две ноги? Что за чушь ты городишь?

— Да, да! Две ноги! Я еле стою. Не понимаю, как это вы, люди, ухитряетесь передвигаться на двух ногах.

Родители подошли поближе и увидели, что у ослика и впрямь две ноги: одна спереди, другая сзади.

— Вот так штука! Ведь еще сегодня утром у тебя все ноги были на месте. Ну и ну! Ладно, пойдем проведем волов.

После яркого солнечного света в хлеву казалось совсем темно.

— Эй, волы, где вы там? — позвали родители. — Придется, видно, вам отправиться на поле. Что вы на это скажете?

— Скажем, что это невозможно, — отвечали из темноты два голоса. — Нам очень неприятно вас огорчать, но мы не существуем.

— Не существуете?

— Посмотрите сами.

И правда, подойдя поближе, родители увидела: в стойле, где раньше стояли волы, теперь пусто. На ощупь найти волов тоже не удалось, хотя в воздухе, над яслями, покачивались две пары рогов.

— Да что же это творится? Пойдем-ка посмотрим, как себя чувствует лошадь.

Лошадь жила в самой глубине хлева, где было меньше всего света.

— Эй, лошадь, где ты там? — окликнули ее родители.

— Я к вашим услугам, — отозвалась лошадь, — но если вы собираетесь меня запрягать, то имейте в виду, что для упряжки я слишком мала.

— Вот как! Слишком мала?

В полумраке, на желтой соломенной подстилке, лежала крохотная лошадка ростом вдвое меньше петуха.

— Я очень изящна, не правда ли? — усмехнулась лошадь.

— Какое несчастье! — простонали родители. — Ты ведь была такая крепкая и так хорошо работала! Но как же это произошло?

— Не знаю, — ответила лошадь уклончиво, и это заставило родителей насто- рожиться. — Я и сама не понимаю.

Ослик и волы ответили то же самое.

Родители вернулись на кухню и подозрительно посмотрели на девочек. Когда на ферме творились вещи не совсем обычные, они первым делом подозревали своих дочек.

— Ну-ка, отвечайте, — сказали папа с мамой, — что здесь произошло, пока нас не было дома?

Девочки онемели от страха и знаками показали: мол, не знают.

— Отвечайте сейчас же, скверные девчонки!

— Бобы, мы собирали бобы... — выдавила из себя Дельфина.

— Резали клевер, — пролепетала Маринетта.

— А как случилось, что у осла осталось две ноги, что волов не существует, а наша прекрасная рослая лошадь уменьшилась до размеров новорожденного кролика?

— Да, как это случилось? Немедленно выкладывайте всю правду!

Дельфина и Маринетта были поражены, но они-то сразу поняли, в чем дело: подействовали портреты! Девочки вложили в свои рисунки столько души, что животные и вправду стали такими, какими их нарисовали.

— Молчите? Ну что ж, тем хуже для вас. Мы поехали за ветеринаром.

Девочки затряслись от ужаса. Местный ветеринар был человеком на редкость проникательным. Они не сомневались, что, осмотрев у животных язык и ощупав им ноги и брюхо, он непременно узнает правду. Девочки тут же представили себе, как он говорит: «Так, так, по-моему это осложнение от рисования. Скажите, в доме никто сегодня, случайно, не рисовал?». А что будет дальше, понятно каждому.

Родители ушли. Дельфина рассказала все уточке и объяснила, почему следовало так опасаться ученого ветеринара. Уточка проявила редкостное присутствие духа.

— Не будем терять времени зря, — сказала она. — Берите ваши краски и выведите скотину на лужайку. То, что рисование испортило, рисование же и исправит.

Сначала девочки вывели ослика. Это было довольно трудно, так как он не умел ходить на двух ногах. А на лужайке пришлось подложить ему под брюхо табурет, иначе он шлепнулся бы на землю. С волами было проще, они шли сами. В это время мимо проходил какой-то крестьянин. Он увидел плывущие по воздуху

рога и даже рот разинул от удивления, но потом, здраво поразмыслив, решил, что у него, наверно, к старости стало портиться зрение.

Когда вывели лошадь, она сначала развеселилась.

— Какие все большие вокруг меня, — воскликнула она, — и как забавно быть маленькой!

Но тут ее заметил петух. Он налетел на бедную маленькую лошадку, яростно захлопал крыльями и закукарекал прямо ей в ухо:

— Ха-ха, вот мы с вами и встретились! Надеюсь, вы не забыли, что я обещал с вами рассчитаться!

Лошадь задрожала всем телом. Уточка хотела было защитить ее, но напрасно. На помощь бросились девочки, но справиться с петухом оказалось не так-то легко.

— Отойдите все, — зарычал пес. — Я сейчас просто съем этого скандалиста!

Он оскалил зубы и двинулся на петуха. Тот мгновенно утратил воинственный пыл и убежал так далеко, что вернулся во двор лишь три дня спустя и в довольно жалком виде.

Когда все собрались на лужайке, уточка откашлялась и обратилась к лошади, ослику и волам с такими словами:

— Дорогие друзья, я не могу выразить, как мне грустно видеть вас в столь тяжелом положении. А ведь всему виной просто досадное недоразумение. Да, да, недоразумение! У девочек и в мыслях не было вас обидеть. Они не меньше меня печалются о том, что с вами произошло, и больше всего на свете хотят помочь вам снова стать такими, как раньше. Позвольте же им это сделать!

Но животные обиженно молчали. Ослик уставился на свое единственное переднее копыто и стоял с неприступным видом. Лошадь, хотя сердце ее еще колотилось от страха, тоже явно не была расположена прислушаться к советам уточки. Волы, поскольку они не существовали, держались как ни в чем не бывало, но их рога — единственное, что можно было видеть, — выражали своей неподвижностью немой укор.

— Вы еще не все знаете, — продолжала уточка. — Родители отправились за ветеринаром. Меньше чем через час он будет здесь. Ветеринар осмотрит вас, и вся правда откроется. Ведь родители запретили девочкам рисовать сегодня утром. Ну что же, делать нечего, придется им расплачиваться за непослушание. Если вы будете дуться и дальше, то девочек отругают, накажут, может быть, даже побьют.

Ослик посмотрел на Маринетту, лошадь — на Дельфину, а рога повернулись вполборота, словно волы взглянули на обеих девочек сразу.

— В сущности, — пробормотал ослик, — четыре ноги иметь лучше, чем две. Это практичнее.

— Щеголять перед всеми в виде пары летающих рогов, разумеется, не очень-то приятно, — согласились волы.

— А смотреть на мир снизу вверх, поверьте, тоже не сладко, — вздохнула лошадь.

Девочки обрадовались и быстро достали краски. Маринетта изобразила ослика и тщательно вырисовала все четыре ноги. Дельфина нарисовала лошадь, а у ее ног петуха, и справедливость была восстановлена. Когда девочки отложили кисти, ослик и лошадь заявили, что вполне довольны своими новыми портретами. Однако лошадь от этого больше не стала и ног у ослика не прибавилось. Все были разочарованы. Уточка с беспокойством спросила у осла, нет ли у него зуда в том месте, где должны быть ноги, а у лошади — не тесно ли ей в своей шкуре. Но нет, оба ответили — нет!

— Тут нужно время, — сказала уточка Дельфине и Маринетте. — Пока вы будете рисовать волон, все устроится, я уверена.

Девочки принялись рисовать каждая по волу, начиная с рогов. Остальное они дорисовали по памяти, и, надо сказать, память их не подвела. Бумагу девочки выбрали серую, чтобы лучше видна была белая краска — ведь волы-то были белые, — и они тоже остались очень довольны портретами. Тем не менее в жизни они по-прежнему не существовали, если не считать рогов. Уточка с трудом скрывала тревогу.

— Подождем, — сказала она. — Подождем.

Прошло еще пятнадцать минут, но ничего не изменилось.

Уточка заметила неподалеку знакомого голубя, подозвала его и что-то сказала. Голубь вспорхнул и улетел. Через несколько минут он вернулся и опустился на рог одного из волон.

— Я видел за поворотом, возле старого тополя, повозку, — сказал он. — В ней едут родители и еще какой-то человек.

— Ветеринар! — испугались девочки. — С минуты на минуту они будут здесь!

Животным было очень жаль девочек. Ослик доковылял кое-как до Маринетты и лизнул ей руку. Он хотел сказать что-нибудь ласковое, но от волнения не мог выговорить ни слова. Глаза его наполнились слезами, и слезы закапали на рисунок. Это были слезы сочувствия и дружбы. Едва они коснулись бумаги, как у ослика страшно закололо в правом боку и, откуда ни возмись, выросли недостающие ноги. Уточка быстро сообразила, что надо делать. Она схватила в клюв портрет лошади и сунула ей под нос. К счастью, лошадь сумела выдавить из себя слезу, и не успели девочки сосчитать до десяти, как лошадь обрела свои нормальные размеры. Повозка была уже метрах в тридцати от фермы.

Волы изо всех сил старались вспомнить что-нибудь очень печальное: иначе они никак не могли заплакать. Один из них все-таки сумел прослезиться и сразу же стал видимым. Его даже можно было теперь погладить. Вторым напрягался, как мог, но напрасно. Заплакать было выше его сил.

Между тем родители и ветеринар уже вылезали из повозки. По приказу уточки пес побежал им навстречу. Он сделал вид, будто приветствует ветеринара, и

так ловко бросился ему под ноги, что тот растянулся в пыли. Родители забегали по двору в поисках дубинки, чтобы обломать ее о спину пса. Потом спохватились, что надо позаботиться о ветеринаре, и кинулись поднимать его и отряхивать. Дубинку они так и не нашли.

Тем временем на лужайке все с тревогой глядели на рога несуществующего вола.

— Простите меня, — сказал он девочкам, — но я чувствую, что у меня ничего не выйдет.

И тут второму волу — тому, который теперь существовал, — пришло в голову спеть своему приятелю песенку. Эту песенку они пели, когда были еще телятами. Мелодия была грустная, и начиналась песенка так:

Одинокий белый вол
Молочка попить пошел,
Му-му-му, му-му-му,

Не успел вол исполнить первый куплет, как рога его несуществующего товарища дрогнули. Несколько раз вздохнув, бедное животное выжало из одного глаза слезинку, такую маленькую, что она даже не могла выкатиться и капнуть. К счастью, Дельфина заметила, как она блеснула, осторожно подцепила ее кисточкой и размазала по портрету. Вол тотчас же сделался видимым. И как раз вовремя. Родители, а с ними и ветеринар, уже появились на лужайке. При виде волов, осла на четырех ногах и лошади, красовавшейся в полный рост, все трое онемели от изумления. Ветеринар, который больно ушибся и был очень сердит, ехидно спросил:

— Так это и есть волы, которых не существует, осел без двух ног и лошадь ростом с кролика? Насколько я вижу, они не очень-то страдают от этих тяжелых болезней.

— Что за наваждение, — забормотали родители. — Только что в хлеву...

— Вам это пригрезилось. По-моему, вам следовало бы пригласить не ветеринара, а доктора. Я лично не потерплю, чтобы меня беспокоили попусту. Да, да! Не потерплю!

Родители начали извиняться наперебой. Наконец ветеринар смягчился и сказал, указывая на Дельфину и Маринетту:

— Ну, на этот раз я вас прощаю, и то только потому, что у вас такие хорошие дочки. Сразу видно, что они очень умные и послушные. Не так ли?

Девочки покраснели до ушей и не смели слова вымолвить, но уточка, не потерявшись, ответила:

— О да, сударь! Послушнее их на всем свете не найти.



РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КОМПОНЕНТ

Фольклор

Заклички

Хлебушек

(Рус. нар.)

Веет ветерок,
Спеет колосок,
Птичьих песен разлив
Среди светлых нив.
— Славный колосок,
Желтенький дружок,
Стань могуч и пригож,
Хлебушек умножь.

«Приди, приди, солнышко...»

(Укр. нар.)

Приди, приди, солнышко,
Под мое оконышко,
Засвети щедрее,
Всех согрей скорее.
Лей щедрее, солнышко,
Золото в оконышко,
Деточки играют, тебя ожидают.

«Ой, зачем ты, жаворонок...»

(Укр. нар.)

Ой, зачем ты, жаворонок, с юга прилетел?
Ой, зачем ты, жаворонок, о весне запел?
Еще в горах снежиночки летят,
Еще в долинах льдиночки лежат...
— Я снежиночки крылышками размечу,
А после льдиночки ножками растопчу.

Легенды

Живая лоза

(Молд. нар.)

Была у одного царя дочь, и приключилась с ней лютая хворь. Час от часу плошала царевна, и никто не мог ее вылечить. Приходили со всего света лекаря и знахари с разными травяными узварами, как в прежние времена, да все попусту.

Вот как-то одна ворожейка, сыскивая в лесу целебные зелья, набрела на виноградный куст. Лоза тогда росла еще почем зря, даже и в бору, и никто о ней слыхом не слыхивал. Сорвала шептунья одну гроздь, отведала зернышко-другое и понравилось ей: вкусно!

Выдавила она в склянку виноградного соку и поплелась прямо ко двору.

А царевна уж на смертном одре лежала.

Отвели стражники бабу в палаты, и дозволил ей царь попользовать дочку новоявленным снадобьем. С первого глотка девица разругнулась, со второго — открыла глаза и заговорила, и царь на радостях вскричал:

— Жива! Жива!

С третьего глотка царевна встала здоровешенька — хоть сейчас в пляс.

Тогда виноградную лозу принесли из лесу и высадили на холме, чтобы росла вольно, и назвали ее «вица де вие» — лозой жизни, живую лозою, потому что оживает от нее человек.

ЛЕГЕНДА О МЭРЦИШОРЕ

(Молд. нар.)

Говорят, давным-давно жил-был нежный цветок с белыми, как снег, что лежал вокруг него, лепестками. Это был Подснежник. Он вырос однажды на взгорке, когда золотое солнце пробилось сквозь темные, мрачные тучи. От лютого мороза спасла его добрая и прекрасная Весна. Но вот вышел из своего снежно-ледяного дворца свирепый Мороз, кинулся на храбрца, осмелившегося ступить в ледяное царство.

В ярости вырвал Мороз из земли куст чертополоха, швырнул в прищельца и поранил мизинец кроткой и милой Весны. Брызнула алая и горячая кровь феи, окропила лепестки Подснежника.

Она согрела и пробудила к жизни поникший цветок. Он радостно вскинул белоснежную голову, и по-над холмами, по-над долинами зазвенел его удивительный голос:

— Радуйтесь, люди! Со мной идет Весна! Со мною Солнце и Жизнь!

МЭРЦИШОР

(Молд. нар.)

В давние времена, когда солнце было еще молодым парнем и частенько сходило в села поплясать с красивыми девушками, подстерег его дракон, выхватил из круга танцоров и бросил в темницу, решетками забранную, железом окованную. Мир погрузился в скорбь: птицы в онемелом лесу забыли о щебетанье; говор источников, девичьи песни, детский смех — все утонуло в печали. Никто не смел роптать против грозного дракона.

Однако, терпя, и камень треснет, и горшок надсадится. Явился среди молодцев храбрец. И отправился он вызволять красное солнце из темницы.

Прошло лето, миновала осень, зима на убыль пошла, когда сыскал храбрец замок дракона. Завязался между ними бой. Силен был дракон, а паренька заломить

не смог. Победил дракона человек. Взломал храбрец стены темницы и выпустил солнце в небо. Ожила природа, возликовали люди. Только не довелось храбрецу увидеть весну. Смертельную рану нанес ему дракон. Истек молодец кровью. Последняя капля крови упала наземь в первый день марта.

С той поры в память о подвиге молодца наши девушки сплетают два тонких шнурка — красный и белый — и дарят мэришоры тем парням, которые им милы. Алый цвет обозначает любовь ко всему прекрасному. Это цвет крови бесстрашного юноши, победившего дракона и спасшего для нас солнце. Белый цвет олицетворяет счастье, здоровье, чистоту первого подснежника, нежного и хрупкого цветка весны...

Произведения поэтов Приднестровья

О. ЮЗИФОВИЧ

Приднестровье

Нежную песню цветочных узоров
Вольно разносят степные ветра,
Нам эту землю оставил Суворов,
Объединенную дойной Днестра.

Слава тебе, Приднестровье родное,
Щедрым садам, плодородным полям.
Мирное солнце и счастье земное
Всем дочерям твоим, всем сыновьям.

А. ВЬРВИЧ

«Земля моя, вдоль берега Днестра...»

Земля моя, вдоль берега Днестра
Ты протянулась узкою полоской.
И слышу я, как в пламени костра
Гудят твоих событий отголоски.

За солнца свет и неба синеву,
Чтоб люди на земле свободны были,
За все, что я люблю и чем живу
Здесь жизнь отцы и деды положили.

Земля моя, прекрасный южный край,
Свободное родное Приднестровье!

Живи, земля, живи и расцветай
Добром, теплом и светом, и любовью.

Б. ШИФРИН

Тирасполь

(Отрывок)

Город родной мой,
Прекрасный наш город,
Парки, аллеи, сады...
Ты по-весеннему сказочно молод,
Город крылатой мечты.
Город — ты гордость моя и опора,
Подвигам ратных не счесть.
Здесь побывал полководец Суворов —
Это великая честь.

Г. БАРАБАШ

«Цвети, мой край...»

Край приднестровский, я живу тобою,
Всем сердцем от тебя неотделим.
Горжусь я щедростью твоей и добротой,
Гостеприимством и радушием твоим.
Цвети, мой край, под мирным небосводом.
Храни в веках людских сердец тепло.
Я славлю мудрость моего народа,
Его труды, свершения его!

Г. ГУРСКИ

Неудачный план

Два кота в кладовку пролезть решили ловко,
Чтоб поесть сметанку завтра спозаранку.
Думали, решали, планы обсуждали.
Слышат: «Эй, ребята, милые котята,
Вытрите мордашки, вам сметана в чашке», —
Мама им сказала.
Стыдно крошкам стало. И поев немножко,
Так решили крошки: будем честно мы теперь
Охранять в кладовке дверь.

Где же сон?

Во сне я на ракете
Лечу к своей планете.
И там я на поляне
Нарву букетик маме
Из клевера, ромашек,
Поймаю двух букашек.
Но как мне сон поймать,
Чтоб маме показать?
Я каждый раз стараюсь,
Но тут же просыпаюсь.
Вот ответьте: где же сон?
Убегает все же он...

Зима

Пришла зима-царица,
Кругла и белолица.
Всем горкам — по папахе,
Холмам раздав рубахи,
Нагладила долины
Холстом широким, длинным.
Село рядом накрыла.
И речку застеклила,
В нее смотреться рады
На зимние наряды.

Зимушке

У зимы, у забияки,
Есть особенные знаки.
Если зимушка пришла —
Много снега принесла,
В шубы домики одела,
Взялись домики за дело:
В небо из трубы дымками
Пишут о зиме стихами.
Строчки выписаны краской.
Зачарованная сказкой,
Пишет ледяной сонет
На стекле зима в ответ.
И трещат дрова в печи,
Согревая нас в ночи.

А. ЛОСЕВА

Прораб

Ванюша в стройке знает толк.
Свою имеет тактику.
Просеет ситечком песок
(Прошел он в этом практику),
Потом лопатку он возьмет,
Ров под фундамент выроет,
И будет ахать здесь народ —
Такое чудо выстроит!
Но только что же это вдруг
Случилось со строителем?
Песочек стряхивает с брюк
И гласом повелительным
Свою он бабушку зовет
К песочку за оградочку
И властно в руку ей сует
Ведерко и лопаточку.
А сам уселся наблюдать.
Указывает пальчиком —
Откуда брать, куда все класть...
Что стало с этим мальчиком?
Видать, пошел другой этап.
Сменились полномочия:
На этой стройке он — прораб,
А бабушка — рабочая.

«Я лежу, болею...»

Горлу больно. Телу жарко
Я от холода дро-ж-ж-жу...
Самого себя мне жалко:
Третий день уже лежу.
Папа с мамой на работе.
Братик в садике еще.
Только мой любимый котик
Посочувствовать пришел:
Лег мне на ноги. Тихонько
Замурлыкал — и тепло
От него ко мне легонько
По коленкам потекло...

Дачники-удачники

Капустку полили,
Свеклу подрыхлили,
Пропололи огурцы.
Мама хвалит:
— Молодцы!
С папой трудимся с утра,
Пообедать бы пора!
А к обеду вкусный-вкусный
Варит мама суп капустный.
И картошка-то, картошка!
Подрумьянилась, шкварчит...
Ты ныряй в тарелку, ложка.
Ох и зверский аппетит!

А. ОРЛОВ

Падает снег

Парашютами снежинки
С неба плавно падают,
Снега первые пушинки
Ребятишек радуют.
Если будет снега много,
Будут приключения!
Подберут объект особый
Вмиг для развлечения.
Горку выберут покруче,
Санками да лыжами
Снег на горке отутюжит
Детвора подвижная.
Снег идет на радость детям...
Вспоминая прошлое,
Смотрят на снежинки эти
С легкой грустью взрослые.

В. КАРАДЖОВ

Ручеек

Это чай там голосок?
Это малый ручеек
Дни и ночи напролет
Словно песенку поет.

Сваренный солнцем жгучим,
Стал он звонким и певучим.
До чего же ты хорош!
Напои меня за грош.
Но веселый ручеек
Бескорыстен, он течет
Под кустами и под ивой,
Где чуть сонно и игриво...
Между сел и деревень
Проплывает всякий день.
И кто воды его наполнил,
Тот весельем заразился...

Н. БОЖКО

Абрикос

Абрикос всегда в чести,
Коль ты хочешь подрасти.
Коль ты хочешь быть здоровым,
Абрикос помочь готов.
Из его плодов варенье
Варят мамы без сомненья,
Варят из него компот,
Так полезен этот плод.
Он большой достоин чести,
И его без всякой лести
На просторах Приднестровья
Называют «плод здоровья».

Береза

У нее целебны почки
И зеленые листочки,
Заготавливают впрок
Из березы чудо-сок.
Для любого молодца
Чудодейственна пыльца.
И давно сказать пора,
Что полезна и кора.
Ну а веник из березы
Просто выбивает слезы,
Плотно к телу прилипает
И здоровья прибавляет.

И. ТКАЧЕНКО (ИЩУК)

Одуванчик

Он вчера был в желтой шляпке
И на солнышко глядел.
А сегодня в белой шапке
Сгорбился и постарел.

Держит шапку меховую
Длинный тонкий стебелек.
Ветерок с полей подует
И сорвет с него пушок.

Разлетятся парашюты,
И глядеть им будет вслед
Одинокий и угрюмый,
С лысой головою дед.

Скороговорки

В перелете перепелке
Перепало в перелеске.
В перепалке перепелка
Перепутала все песни.

Страшный сон увидел слон,
Что проспал свой завтрак он.
И рассольник, и салат
Съели сорок семь слонят.

Ждала ужа на ужин
Ужиха в желтой луже.
Ждала ужиха мужа,
Жаль, испарилась лужа.

Летел кулик из-за моря,
Принес кулик девять замков.
— Кулик, кулик! Замыкай зиму,
Отпирай весну — теплое лето.

Туман, туман,
Уйди с полян!
Уйди пеленой —
К себе домой!

Б. МАРЬЯН

Тем, кто «Р» не говорит

Замарал Валера краской
Брюки, руки и лицо —
Разгадай, какою краской
Красил он вчера крыльцо?

Тем, кто «Ш» не говорит

Купили шарик Шуре,
А с ней был Шарик-пес.
Схватил он Шурина шарик,
И шар его унес.

Н. ДЕНДЕМАРЧЕНКО

Дождика не будет

В небе тучка-невеличка
Загляделась на закат
И зовет свою сестричку
Из толпы других ребят.
Мама-тучка хмурит брови
И торопит дочерей.
Дядя-ветер посуровел,
Дунул с юга посильней.
— Ма-р-рш на север-р-р...
Вр-р-ремя! Вр-р-ремя! —
Папа-гром ворчит вдали.
И, послушаться не смея,
Тучки к северу ушли.
Выводите смело, люди,
На прогулку всех детей:
Нынче дождика не будет.
Видно, где-то он нужней.

История старой лягушки

Историю эту я в детстве слыхала
От старой лягушки. И знаешь, сынок,
Мне сказочка эта не раз помогала
И, может, тебе пригодится урок.
— Урок? Из рассказа какой-то?..
— Ты можешь, сынок, помолчать хоть чуть-чуть?
...Когда-то давно две лягушки-подружки
Упали в сметану и стали тонуть.
Наружу не выбраться, как ни старайся.
Одна из лягушек решила: тону...
Ведь, сколько ни плавай и ни бултыхайся,
Но рано иль поздно пойдем мы ко дну.
— И что?
— Утонула.
— А как же другая?
Другая твердила себе: не беда.
— Пусть выхода нет, но пока ты живая —
Плыви! Утонуть ты успеешь всегда.
И чудо — не тонет она! С удивленьем
Глядит: под ногами надежный комок
Из твердого масла. Ведь это спасенье!
Прыг-скок и — прощай ненавистный горшок.
— Но как же в горшок это масло попало?
Ведь некому было лягушке помочь...
— Не понял? Сама она масло сбивала,
В сметане барахтаясь целую ночь.
— Как жалко, что обе лягушки не стали
Стараться — одна помогала б другой.
Тогда бы скорей они масло сбивали. Ведь правда?
— Как вырос ты, мой дорогой!

Егоркин дом

У Днестра на горке строит дом Егорка.
Дом пока еще ничей.
— Будешь жить в нем, воробей?
— Нет! Нет! Нет! Нет!
Крыша из картонки, три окна из пленки,
Пара щепок для — дверей.
— Хочешь в домик, муравей?
— Нет! Нет! Нет! Нет!

Печка из коробки и труба из пробки,
А из прутиков забор.
— Заходи, Барбос, во двор!
— Нет! Нет! Нет! Нет!
— Кошка Серафима! Что проходишь мимо?
Нету домика теплей — забирайся поскорей.
— Нет! Нет! Нет! Нет!
У Днестра на горке слезы льет Егорка:
— Чем мой домик нехорош?
Никого не зазовешь.
— Нет! Нет! Нет! Нет!
Сказка по дорожке на куриных ножках —
Топ, топ, топ, топ.
К домику на горке, к домику Егорки
Тук, тук, тук, тук.
На крылечко вслед за ней
Воробей и муравей, Серафима и Барбос,
Винни-Пух и Карлик-Нос, Чипполино,
Буратино, и Тортила, и Страшила...
Весело Егорке в домике на горке!
Поселилась сказка в нем,
Всех зовет в Егоркин дом.
Приходи и ты!

Ф. МИРОНОВ

Подушки для ежат

Просили снежинки – посланцы зимы:
— Послушай-ка, лес, с предложением мы,
Ты видишь, совсем загрузили ежата,
И в этом, конечно, зима виновата.
Морозы близки, недалеко метель,
Пожалуйста, лес, постели им постель.
Ты листьев дубовых побольше стряхни,
Чтоб ими подушки набили они.
Мы знаем, что листья ореха мягки,
Пусть ими ежата набьют тюфяки.
Из листьев кленовых, и желтых, и алых
Ежатам их мамы сошьют одеяла.
Тропинки укрой облетевшей листвой
И мерзнуть не будут ежата зимой.

До свиданья, детский сад!

Каштаны грустные и липы,
Нас провожая, шелестят...
— Вам, воспитателям, спасибо!
Ну, до свиданья, детский сад!
Остаться б в садике уютном,
Да новые дела нас ждут:
Нас школьниками завтра утром
Впервые назовут.

Н. ЕВДОКИМОВА

Летний дождь

Ну и погода с утра зарядила:
Холодно, тучи, ветер и дождь.
Небо полдня уже плачет уныло —
Так и гулять никуда не пойдешь.
Вдруг между туч появилось окошко:
Солнце назло всем ветрам и дождям,
Ручками тучки раздвинув немножко,
Весело вновь улыбается нам.
Солнце платочком из радужных кружев
Начало слезы дождю утирать,
Вот только высохнут мокрые лужи —
Снова с тобою пойдем мы гулять.

Веселое солнышко

Разбежавшись с косогора,
И под горку кувырком
Прокатилось вдоль забора
Солнце ярким колобком.
Заглянуло в сад фруктовый,
Постояло над рекой,
И листочек свежий, новый
Теплой тронуло рукой.
Вместе с солнышком проснулись
Птички, травка и цветы,
Дружно солнцу улыбнулись —
Улыбнись ему и ты!

Произведения писателей Приднестровья

Л. КУДРЯВЦЕВА

СОВЕСТЬ

Невесть откуда в эту раннюю летнюю пору бабушка принесла пучочек моркови.

— Ну вот, детка, уж натрем, выжмем сок из морковок, дадим Борюшке, ему и полегчает. Мать-то извелась вся с ним, ночами глаз не смыкает.

Но слова бабушки плохо доходили до меня. Я только и видела пять растопыренных, как собранные вместе пальчики, морковок, которым, по-моему, совсем не хотелось лежать на подоконнике, а хотелось, чтобы их откусывали острые молочные зубы, а они бы похрустывали, наполняя мой рот сочной вкусушкой.

К пяти годам я уже умела складывать и вычитать в пределах двадцати и занималась нехитрой арифметикой. Боре два года, ему хватит и двух морковок, ну а остальные три — законно мои.

Исчезли морковки в мгновение ока, и даже созерцательное наслаждение было длительнее и прекраснее, чем само их истребление.

На остальные две и смотреть не хотелось, и настроение почему-то портилось. И оправдательная арифметика уже не казалась убедительной.

Бабушка, как будто не заметив исчезновения, протерла две оставшиеся морковки, нацедила пол чайной ложечки сока и вылила в запекшиеся губки брата, приговаривая:

— Вот, Борюшка, хотела тебе силенки влить, да не сподобилась. Не углядела, ты уж прости меня, старую.

От этих ее слов мне стало совсем не по себе. И от того, что никто не ругал, было плохо. Только мама заметила:

— Что это Танюшка приуныла, не заболела ли?

На что бабушка ответила:

— Не трожь девочку. Пусть ее совесть помучает.

Кто такая совесть, я не знала, и как она будет мучить, тоже не знала, но на всякий случай проверила, не забыли ли в сенях крючок на двери накинуть. Обычно только доберешься до подушки головой, глаза уже сами закрываются, а тут боюсь их зажмурить, все с опаской на дверь поглядываю. А ну, как она — Совесть — придет да начнет меня терзать? Но в доме все утихло, слышалось лишь хриплое дыхание брата в кровати рядом да время от времени тяжкий мамин вздох у его изголовья.

Утром, когда открылись глаза, тяжелая тишина давила комнату. Не было ни хрипов брата, ни мамы. Я протянула руку, подняла марлевый полог, но маленькая кровать была пуста...

— Бабушка! — кинулась я на кухню.

А в голове молнией — вчерашний день и три съеденные морковки, в которых столько сока, сколько нужно, чтобы братик выздоровел, а теперь вот нет его, и это ничем не поправишь.

— Бабушка, — уткнулась я мокрым от слез лицом в старенький фартук.

— Ну что ты, Танюшка, или привидилось что во сне?

— Где Боря, мама где?

— Борюшку ночью в больницу увезли. Кризис миновал, соседка-фельдшерица с дежурства пришла, сказывала. Теперь ему жить. А ты умойся да садись завтракать.

И вдруг на подоконнике — я глазам своим не поверила — два «вчерашних» пучочка морковки лежат, словно упругие растопыренные пальчики, в кучку собранные. Я потрогала их ласково рукой.

— Бабушка, какая ты хорошая!

Бабушка заметила мой жест:

— Это тебе и Борюшке.

— Нет, бабушка, пусть Боре на сегодня и на завтра, он быстрее выздоровеет.

— Ну, ладно, коль так, — согласилась бабушка.

— Бабушка, а Она так и не пришла.

— Кто не пришла?

— Ну, Совесь-то!

— Так она, внученька, и не ходит. Она каждому человеку от рождения дана. Только у одного она бодрствует, у другого дремлет, у третьего спит, а иной и вовсе ее теряет. А она от дурного поступка бережет, потому и хранить ее надобно. Худо человеку без совести. Не любят таких люди.

И. ТКАЧЕНКО (ИЩУК)

Булавка

Жили-были на трюмо дезодоранты и духи, толстые кремы и плоские пудры. Все они охраняли шкатулку, в глубине которой хранились драгоценные брошки, заколки, колечки.

Однажды в эту сокровищницу попала обыкновенная булавка. Ее бы даже не заметили, если бы она не оказалась рядом с первой красавицей — брошью.

— Эта мерзавка дотронулась до моих бриллиантов! — вскричала королева.

— Это непростительно! — расшумелись заколки и колечки и стали толкать булавку. Так бы и вытолкнули. Если бы булавка не пригрозила острым копьём.

Слух быстро разлетелся по окрестностям трюмо. Дезодоранты пшикали от возмущения, духи морщили носы. Только старая пудра помалкивала.

Но вот настал вечер. Его так долго ждали. Потому как все хотели покрасоваться на балу. Хозяйка выбрала из шкатулки первую красавицу. Брошь торжественно взмыла к платью. И вдруг ее застежка сломалась, и драгоценность полетела вниз.

Обитатели трюмо затихли. Кого же выберет хозяйка? Брошки выставили вперед свои бриллианты. Пальцы окунулись в шкатулку и пригласили булавку.

— Это нечестно! — закричали драгоценности.

— Пш... — изумились духи и дезодоранты. И только старая пудра промолчала. Булавка закрепила упавшую брошь на платье и отправилась на бал.

Как паучка лечили от доброты

Жил-был паучок. Он был очень добрым. Все удивлялись, как он мог таким родиться. Ему бы мух ловить в паутину, а он плетет невесть что. Мама-паук и папа-паук ему нотации читали. Но он хоть бы что, мух ловить не хочет. По утрам нектар пьет, как сладкоежка-бабочка. А днем под лопухом подушечки, кружева плетет.

Обратились папа-паук и мама-паук к доктору. Осмотрел паучка доктор. Все лапки проверил. В порядке лапки. Глаза хорошо видят. Брюшко не болит. И посоветовал родителям паучка отправить его в лесную чащу, где кроме комаров, ничего съедобного нет.

Поплакали мама и папа. А делать нечего. Взяли билет у синицы и отвезли сына в дикую чащу. Проснулся паучок. А кругом бурелом. Ни цветочка на лугу, одни сухие ветки, да крапива. Сплел паучок себе гамачок. А потом подушку и одеяло, чтобы мягче было спать.

— Какая у тебя красивая подушечка, — позавидовала мышка, — мне бы для мышонка такую.

— Бери, я себе еще сделаю, — подарил ей паучок.

Тут к паутине подлетел комар и запутался в ней.

— Бедняга, — сказал паучок, — я тебя сейчас освобожу. — И распутал комара.

— Какой ты удивительный паучок, — сказал комар, — неужели ты не хочешь есть?

— Если честно, то я очень проголодался, — вздохнул паучок, но любимого нектара нигде нет.

Через несколько минут к паучку прибежала мышка и принесла мешочек вкусных ячменных зерен. А потом прилетел комар с бабочками.

— Нам было непривычно лететь в такую чащу, но комар обещал нас провести, — сказали бабочки и протянули паучку бутылочку с нектаром.

А вечером обеспокоенные мама-паук и папа-паук прибыли к сыну. И как же они удивились, что он сытый спокойно спит в гамаке. А мышки укачивают его. Комары поют песенки. А бабочки машут крыльями, чтобы паучку не было душно.

Поняли мама с папой, что сына не исправишь, и разрешили ему вернуться домой. И плести свои подушечки, дарить их бабочкам и пить нектар. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы росло здоровым.

Колыбельная для ежика

— Ежик, тебе пора спать, — говорит мама, затягивая клейкой лентой окно.

Но ежик так заигрался сосновыми шишками, что ничего не слышит.

☞ МОЛДАВСКИЙ ФОЛЬКЛОР. ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОЛДАВСКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ ☞

Сказки

ДВА БРАТА

(Молд. нар.)

Жили-были когда-то два брата. Дружно жили, в мире и согласии. У старшего жена и дети, а младший еще парнем был.

Как-то летом собрали они урожай — каждый со своей делянки, свезли на ток и вместе принялись обмолачивать.

В полдень пошел старший брат обедать, а младший остался пшеницу от воробьев стеречь.

Как только старший ушел, младший взял да пересыпал несколько мер зерна из своего вороха в ворох брата. Он так подумал: «У брата жена и дети. Ему больше надо. А я бобыль. Куда ни пойду, везде хлеба найду. Так пусть его доля больше будет!».

Вернулся женатый брат на ток. Теперь младший пошел обедать. Посмотрел старший на вороха обмолоченного зерна и подумал: «Мне-то легко — и дом у меня, и жена, и дети. Есть, кому обо мне позаботиться. А у брата никого нет. Бобыль он, никто ему не поможет. Подкину-ка я ему несколько мер пшеницы, пусть его доля больше будет!..».

Так и сделал.

И получилось, что доля пшеницы у каждого из братьев не уменьшилась, а душевности и человечности — прибавилось!

ЗОЛОТОЙ ВЕНЕЦ

(Молд. нар.)

Жила-была женщина, и был у нее сын. Годы летели быстрой чередой, мальчик вырос, стал ходить на сельские хороводы, на посиделки, а также сообщая с другими парнями помогал в работе то одному соседу, то другому. И вот пришла ему пора жениться. Подыскал девушку, посватался, стал готовиться к свадьбе. А девушка, надо сказать, была из соседнего села.

Однажды направился парень к своей невесте — договориться насчет свадьбы. Идет он по дороге, а навстречу ему — дракон, да не простой, а самый важный: на голове у дракона — золотой венец. Корона такая. Разинул дракон пасть — верхняя челюсть до неба достает, нижняя до земли отвисла, польхнул пламенем и прошипел:

— Стой, парень, пробил твой час — сейчас я тебя съем!

Увидев такое чудище, парень с горечью подумал: «Выберусь ли я из этой переделки? Надежды немного... Попрошу я кого-нибудь убрать дракона с моей дороги». А вслух сказал:

— Ежик, — фырчит папа из кресла, попутно нажимая кнопки на клавиатуре компьютера, — марш спать.

Ежик начинает собирать шишки в коробку, как учила мама, чтобы в квартире был порядок. Но, увидев шишку, похожую на папу, такую же лохматую и большую, снова отвлекается.

— Давайте я его уложу, — бабушка закрывает дверь кладовки, где сложены сушеные грибы и ягоды, и идет к ежику.

— Хочешь, я расскажу тебе сказку? Только, чтобы ее слушать, ты должен лечь в кровать и укрыться одеялом.

Ежик быстро собирает шишки в коробку и прыгает в кровать:

— Я готов, бабушка.

Бабушка садится на стульчик рядом с кроватью.

— Смотри, ежик, что ты видишь за окном?

— За окном смеркается. Ветер метет рыжими листьями, сорванными с деревьев. Слово рыжий лис, замечает хвостом.

— Правильно, ежик, — соглашается бабушка. — В нашем ежином домике рыжему лису не тронуть нас. Но и нам не выйти на улицу.

— Давай прогоним лиса, — предлагает ежик.

— Его прогонит белый пес, — продолжает бабушка. Он так завоет, заметет своим белым хвостом, что даже хитрый лис убежит из леса.

— И тогда можно будет играть?

— Нет, пес уляжется на лес, на землю, на наш домик, чтобы нам было тепло, и мы не замерзли во сне. А если кто-то из нас проснется, то увидит примерзший хвост пса на окне и белые клоки шерсти за окном. Но лучше в эту пору не просыпаться, а подождать, когда уйдет белый пес.

— Кто же его прогонит? — спросил ежик, зевая.

— Его прогонит зеленый еж, — сказала бабушка. — Сначала он распустит свои иголки, которые будут колоть брюхо белого пса. Пес будет кусать их, рвать когтями. Но еж все равно будет сильнее. Пес даже заплачет от боли. И, уйдя из леса, он оставит о себе напоминанием куски полинялой белой шерсти и большие лужи. И тогда зеленый еж ступит на землю. И лес станет таким, как он, зеленым, и земля тоже станет зеленой. Вот тогда и мы сможем выйти навстречу зеленому ежу.

А пока за окном метет хвостом рыжий лис, уж лучше нам оставаться в теплых постелях до лучшей поры.

Ежик тихонечко сопел, закрыв глаза. Он видел, как рыжий лис убегает от белого пса. Как растут зеленые иголки зеленого ежа и как снова солнечно и зелено в лесу на его опушке под развесистыми елями, где в уютном домике живет их ежиная семья.



— Разреши мне, дракон, молвить несколько слов напоследок...

— А к кому ты хочешь обратиться?

— Да к Солнцу, Ветру и Земле.

— Ладно, — согласился дракон, — говори, что ты там собираешься сказать, после этого я тебя проглочу.

Парень поднял глаза к Солнцу:

— Солнышко, Солнце ясное, могучее и прекрасное, сделай так, чтобы я смог добраться туда, куда сейчас направляюсь.

Солнце по тонкому лучу спустилось к молодому путнику, спросило:

— О чем твоя жаркая мольба?

— Спаси меня от погибели! Убери дракона с дороги, чтобы я смог пройти к моей невесте. Сделай так, чтобы он меня не съел.

— Не могу я погасить лучи, охладить землю, чтобы известить дракона. Только осенью, в месяц листопада, я поубавлю свое тепло, а покуда мой долг — согреть все живые существа на земле, и дракона тоже.

С этими словами Солнце снова вознеслось на небо по тонкому лучу.

Дракон стал надвигаться на парня:

— А-а, ты хочешь меня заморозить! Хочешь меня погубить! Но Солнце, как видишь, тебе не помогло. Сейчас я тебя съем!

Тогда юноша горячо взмолился Ветру:

— Ветер-Ветрище, прилети и спаси меня!

Тотчас же повеяло грозой, взметнулся высокий смерч, и предстал перед ним Ветер:

— Что тебе угодно, добрый молодец?

— Попал я в беду... Спаси меня от дракона! Пусть грянет гроза, пусть хлынет ливень, чтобы дракон отступил, а я бы добрался до своей невесты, справил свадьбу...

— Не могу я выполнить твою просьбу: только что зазеленели поля, зацвели сады, буря для них страшна. Вот когда созреют плоды и колосья, тогда другое дело. Могу пустить в ход и заморозки, и даже поземку... А теперь надо беречь и травы, и леса...

Когда говорил Ветер, набухали почки, распускались цветы, зеленела листва.

— В эту пору мой долг — ласково веять, чтобы всему живому было не слишком холодно и не слишком жарко.

И помчался Ветер по лесам и долам, понес живительные дожди полям и садам, виноградникам и огородам.

Пуще прежнего зарычал дракон:

— Хочешь убрать меня с дороги! Заморозить до смерти! Но Ветер тоже не помог тебе. Сейчас я тебя съем!

И вплотную приблизился к парню. Тот рухнул лицом на Землю.

— Земля-Землица, кормилица наша! Изогнись горой перед драконом, сбрось его в пропасть: вышел он на дорогу, хочет меня жизни лишиться!

Ходуном заходила Земля, выгнулась холмом и заговорила:

— Испокон веку я поддерживаю жизнь всех обитающих на мне существ. Просьбу твою выполнить не могу, потому что не в силах остановить дракона, раньше времени лишит его жизни. Каждому дано прожить свой срок, я не могу его ни убавить, ни прибавить. Я всем даю приют, даже дракону...

Опустилась Земля и стала ровной, как прежде.

Дракон еще пуше накинулся на юношу:

— Хочешь меня уничтожить? Но и Земля не помогла тебе! Сейчас я тебя съем! Что ж парню оставалось делать?

— Ну, ладно, — сказал он, — если пришло время съесть меня, будь по-твоему. Но выполни мое последнее желание: отпусти домой, дай попрощаться со старой матерью, сказать ей, чтобы она меня больше не ждала и не искала.

— Так и быть, ступай, — сказал дракон. — Скажи ей, что хочешь, после этого я тебя съем.

Пришел парень домой. Открыл дверь, усталый и огорченный.

— Что с тобой, сынок? Что случилось? Отчего ты такой мрачный перед свадьбой? Парень грустно ответил:

— Как же мне веселиться? Вышел мне навстречу дракон, верхняя челюсть до неба, нижняя до земли, на голове золотой венец, съесть меня хочет. Ни Солнце, ни Ветер, ни Земля не могли спасти меня. Хорошо еще, что отпустил меня к тебе. Давай простимся, я поскорей вернусь, не то он сюда нагрянет, тогда нам обоим несдобровать.

Узнав про такую беду, опечалилась мать, сердце ее наполнилось скорбью.

— Сынок, — сказала она, — пойду с тобой и я.

Предстала мать перед драконом:

— Добрый день, почтенный дракон!

Дракон выдохнул жаркое пламя в сторону и проворчал:

— Если бы ты со мной не поздоровалась, я бы тебя сразу испепелил!

Мать совсем не испугалась его угрозы и сказала:

— Все совсем не так, как тебе, дракон, кажется...

— А как?

— Сейчас скажу... Вот ты перегородил дорогу моему сыну и хочешь его съесть. Зачем тебе это надо? Пусть идет парень, куда направился, пусть справит свадьбу, проживет свои годы на земле. Того, кто идет жениться, не следует задерживать в пути. Наоборот, кто может, должен помочь ему. Вот тебя, дракон, никто не лишил жизни — ни Солнце, ни Ветер, ни Земля, они тебя не обидели. Не мешай и ты молодому человеку. Пусть идет своей дорогой, пусть его Солнышко греет, Ветер овеивает, Земля привлекает. А если тебе так сильно есть охота, съешь меня! Съешь вместо сына. А его отпусти восвояси.

Удивился дракон:

— Сроду я такого не видывал и не слыхивал! Сегодня впервые узнал, как сильна материнская любовь.

Поклонился он старой матери и сказал:

— Оставляю вас обоих в живых и за вашу сильную любовь друг к другу, какую я сегодня увидел, дарю вам золотой венец.

Дракон снял с головы корону и протянул старухе.

Мать взяла золотой венец и пошла по дороге в соседнее село — готовить свадьбу. Она шла и думала, что под этим венцом будут стоять жених и невеста — в знак большой и верной любви на всю жизнь.

В селе, где жила невеста, ее с сыном радостно приняли. Свадьбу сыграли на славу — с музыкантами-лаутарами, с веселым застольем и огненными танцами. На свадьбе мать держала золотой венец над головами жениха и невесты, желая им такой большой любви, которая может победить даже смерть.

Три дня продолжалась свадьба, долгие годы прожили они в мире и согласии.

С тех пор и тянется старый обычай — на свадьбе держать венец над головами молодых, благословляя большую и верную любовь, которая всегда увенчивается делами достойными и прекрасными.

Вот и сказке конец, а кто слушал — молодец, а кто перескажет ее — еще больше молодец.

И. КРЯНГЭ

КОШЕЛЕК С ДВУМЯ ДЕНЕЖКАМИ

Жили-были дед и баба. Была у бабы курица, а у деда петух. Курица каждый день по два яйца несла. Старуха ими сыта была, а деда хоть бы одним попотчевала! Терпел, терпел дед, да и говорит:

— Слушай, баба, у тебя что ни день, то масленица. Дай-ка ты мне парочку-другую яичек, очень уж мне охота яишенки поесть.

А старуха скупа была.

— Как бы не так! — говорит. — Хочешь яичек, возьми да побей петуха, пусть яйца несет, тогда и ешь себе досыта. Я-то свою курицу побила, так она вишь как несется.

А старик уж больно разлакомился. По бабкиному наущению тут же поймал петуха и давай его колотить.

— Либо, — говорит, — яйца неси, либо убирайся вон из хаты. Нечего даром хлеб есть.

А петух как вырвется у деда из рук, как выскочит из хаты и побежал по дороге куда глаза глядят. Шел он, шел, вдруг видит — кошелек с двумя денежками. Подхватил он его клювом и поворотил назад к дедовой хате.

Глядь — навстречу ему кагит в коляске боярин с какими-то барынями. Боярин так и вонзился глазами в петуха, увидел кошелек и говорит кучеру:

— Ну-ка слезь, посмотри, что там у этого петуха! Кучер живо с козел соскочил, изловчился, поймал петуха, отобрал кошелек и подал боярину. Боярин взял его, недолго думая, положил в карман и поехал дальше.

Обидно стало петуху, бежит он за коляской, не отстает и кричит без умолку:

— Эй, вы, бояре! Кукареку! Отдайте две денежки петуху!

Боярин разозлился и, когда проезжали мимо колодца, говорит кучеру:

— А ну, возьми-ка этого нахала-петуха да брось в колодец.

Кучер немедля соскочил с козел, поймал петуха и швырнул его в колодец. Видит петух — пришла беда! Что тут делать? Давай воду пить! Пил, пил — пока всю воду в колодце не выпил. Потом вылетел наружу, снова за коляской гонится, кричит:

— Эй, вы, бояре! Кукареку! Отдайте две денежки петуху!

Видя это, боярин очень удивился и говорит:

— Ах ты, чертов петух! Вот задам я тебе жару! Ишь ты, щеголь хохлатый да хвостатый! — И, когда приехал домой, велел кухарке изловить петуха, бросить в печь, полную горячих углей, а заслонку камнем привалить. Кухарка, ведьма такая, сделала, как хозяин велел. Видит петух — новая беда! Начал он колодезную воду отрыгать, пока весь жар не залил. Огонь погас, и печь остыла. А петух полную кухню воды напрудил, так что старая карга совсем осатанела. Тут петух как хватит по заслонке, вышиб ее и выскочил из печи цел и невредим. Подлетел он к боярскому окошку, застучал клювом в стекло и закричал:

— Эй, вы, бояре! Кукареку! Отдайте две денежки петуху!

— Вот нажил я себе беду с этим проклятым петухом, — сказал боярин, еще больше удивившись. — Эй, кучер! Унеси ты мое горе! Брось петуха в стадо. Авось какой-нибудь бешеный бык с ним разделается, подымет его на рог, — избавлюсь от этой напасти.

Кучер тут же петуха схватил да и швырнул в середину стада, а петух тому и рад: давай глотать быков, волов и телят, пока все стадо не поглотал. Раздулся он, стал ростом с гору. Подступил опять к боярскому окну, растопырил крылья — солнце заслонил, темно стало. И начал свое:

— Эй, вы, бояре! Кукареку! Отдайте две денежки петуху!

Увидел боярин такое чудовище, чуть не лопнул со страху, не знает, что и делать, как спастись от петуха.

Думал, думал и придумал наконец: «Посажу-ка я его в подвал с казной, начнет он червонцы глотать, авось какой-нибудь золотой ему поперек горла станет, он и подавится. Вот я от него и отделаюсь».

Сказано — сделано: взял петуха за крылья и бросил его в подвал с деньгами. А деньжищ у этого боярина столько было, что он им и счету не знал. Бросился петух червонцы клевать — все до одного склевал. Потом выбрался из подвала (как — про то ему знать!) да опять к боярину под окно. И завел свое:

— Эй, вы, бояре! Кукареку! Отдайте две денежки петуху!

Тут уж видит боярин — делать нечего, и кинул ему кошелек. Поднял его петух и пошел своей дорогой, а боярина на радостях оставил в покое. Как увидела домашняя птица на боярском дворе такую храбрость петушину, вся, сколько была, за ним следом двинулась — что твоя свадьба! Приуныл боярин, глядя, как петух всю его птицу со двора сводит.

— Ну ладно, — говорит, — ступай себе, проваливай! Еще я дешево отделался от этакой беды. Тут, видать, дело было нечисто!..

А петух идет себе гордо и вся птица за ним. Шел он, шел, пока не дошел до дедовой хаты, и запел у ворот: Кукареку! Кукареку!

Дед, как услышал петушиный голос, обрадовался, вышел из хаты. Смотрит за ворота — диву дается. На петуха глянуть страшно: против него и слон — блоха! А следом за ним стая птиц несметная, одна другой красивее; одна другой хохлатее да пышнее. Увидал дед, что петух такой здоровенный да и еще вокруг него столько птицы, и кинулся ворота открывать. А петух говорит:

— Расстели-ка ты, хозяин, рядом вот тут посреди двора. Бросился старик опретью — разостлал рядно.

Стал петух на рядно и изо всей силы крыльями захлопал. И сразу двор наполнился всякой скотиной и птицей, а на рядно петух целую кучу золота вывалил — так и горит на солнце, глазам больно! Увидал дед все это богатство — не знает, что делать от радости, целует-милует петуха.

Тут, откуда ни возьмись, — баба. Увидала она такое, и глаза у нее загорелись, от зависти вот-вот лопнет.

— Дед, а дед, — а сама робеет, — дал бы и мне червончиков!

— Держи карман! Ты мне что сказала, когда я у тебя яиц просил? Побей теперь ты свою курицу, чтоб червонцев тебе принесла. Я побил своего петуха, зачем — сама знаешь... И вот что он мне дал.

Пошла баба в курятник, поймала курицу, ухватила ее за хвост и давай бить. Кто бы увидел — заплакал! Вырвалась бедняжка у бабы из рук и побежала по дороге. Вот шла она, шла, нашла стеклянную бусинку и проглотила. Потом скорей поворотила домой, к бабе, и закудаhtала от ворот: «Куд-куд-куд-куд-кудах!». Баба обрадовалась, вышла курице навстречу. А курица — прыг в ворота, да мимо бабы, да скорей на гнездо! Часу не посидела, соскочила с гнезда и кудахчет. Баба кинулась смотреть — что там курица снесла. Глянула, и что же видит? Курица снесла стеклянную бусинку. Поняла баба: посмеялась над ней курица, и давай ее бить. Била, била пока до смерти не убила.

Так и осталась жадная дура-баба ни с чем. Пришлось зубы на полку положить. Поделом ей, а то мучила курицу ни за что ни про что, убила горемычную!

А дед разбогател: поставил хату большую, сад развел красивый, живет — горя не знает. И с тех пор дед петуха всюду за собой возил наряженного: золотое монисто на шее, желтые сапожки со шпорами, ни дать ни взять — царь Ирод из балагана на ярмарке, а не петух, что в борщ кладут.

А. БУСУЙОК

Сапожки Аиста

Как-то дядюшку Аиста пригласила к себе на именины Лисица, и он очень расстроился. Не потому, что его пригласили. Приглашение, наоборот, его радовало.

Просто у него не было сапог. Все было — и рубашка крахмальная, белая, и галстук черный, и черный костюм, даже красные чулки. А сапог не было.

Пошел дядюшка Аист к Пигалице.

— Пиг, — попросил он, — одолжи мне твои сапоги.

— Охотно, — сказала Пигалица. — Но будут ли они тебе впору?

Попробовал примерить дядя Аист сапоги Пигалицы — даже на мизинец не лезут.

Пошел Аист к Гиппототаму.

— Гиппо, — сказал он, — одолжи мне твои сапоги на один вечер...

— Гм, — сказал Гиппо, — боюсь, как бы они тебе не жали...

Примерил Аист один сапог — и провалился в него, так что едва выкарабкался. Пошел дядя Аист, вконец расстроенный, к Филину.

— Братец Филя, — со слезами в голосе сказал он. — Как мне на именины идти без сапог? У тебя не найдется?

Филин поправил очки (он был ужасно ученый и без очков не ходил).

— Дядюшка Аист, — сказал он, — у меня нет сапог, есть только шлепанцы. Но могу дать тебе совет. Ступай на болото, выбери место, где грязи побольше, и стой там часа четыре. Грязь к твоим красным чулкам пристанет — замечательные будут сапоги!

Аист поблагодарил Филина и полетел на болото...

У Лисицы дом был полон гостей. Веселье было в самом разгаре, когда приземлился дядюшка Аист. С церемонным поклоном подошел он к Лисице, поздравил ее с именинами и преподнес ей в подарок настоящую мышку.

Лисица была очень тронута. Но, посмотрев на ноги Аиста, так и покатилась со смеху.

Гости тоже не могли удержаться от хохота.

А братец Филя подошел к Аисту и сказал:

— Дядюшка Аист! В другой раз, когда будете обзаводиться новыми сапогами, ни в коем случае не стойте в болоте на одной ноге!

Проза

С. ВАНГЕЛИ

Его величество — Гугуцэ

Мама давно уже считала Гугуцэ взрослым и даже присвоила ему звание капитана. А вот для отца он так и остался маленьким.

Утром, уходя на работу, отец задерживал занавески, чтобы солнце не разбудило Гугуцэ слишком рано, а вечером приносил ему хлеб и уверял, как малыша какого-нибудь, будто этот хлеб прислали зайцы.

День-другой Гугуцэ угощался заячьим хлебом, но однажды ночью он потянул нитку от своей руки к отцовской ноге и наутро поднялся вместе с солнышком.

Но в поле отец его все равно не взял: подрасти, мол, ты еще маленький. Он вышел из дому, а Гугуцэ поглядел в окно и вдруг заметил, что отец, отходя от дома, становится и сам все меньше и меньше.

Гугуцэ побежал по селу Три Козленка. То же самое происходило со всеми взрослыми. У окраины села они становились меньше сестренки, потом меньше сестренкиного башмака, не больше маковых зернышек.

Гугуцэ по сравнению с ними был настоящим великаном, и нет ничего удивительного в том, что, когда все взрослые люди и все старшие ребята ушли в поле, Гугуцэ стал королем.

Мальши согласились, что Гугуцэ — король, и повалили к нему во дворец со всякими важными и срочными делами.

— Твое величество, у меня крыша протекает, распорядись, чтобы шифер прислали!

— Твое величество, мне бы телегу, зерно на мельницу отвезти!

Гугуцэ никому не отказывал, уладил все дела. И вот к его крыльцу подвели коня не коня, но подходящего жеребенка. Гугуцэ вскочил на жеребенка и поехал осматривать свои владения.

У ворот его остановил малыш, весь в слезах:

— Твое величество Гугуцэ, у меня утенок пропал!

Гугуцэ свистнул три раза, и, откуда ни возьмись, прискакали не то кони, не то всадники. Во всяком случае, они гикали, как всадники, и цокали копытами, как кони.

— Разыскать утенка! — приказал им Гугуцэ. — Он скорее всего в овраге.

И пустил жеребенка рысью.

Нужно добавить, что Его величество Гугуцэ обходился без сабли и без телохранителей.

На одной улице он увидел, как из трубы дома валит дым. Гугуцэ остановил жеребенка.

— Что такое? Почему развели огонь?

Из дома вышла девочка в переднике, рукава засучены.

— Твое величество, я должна отнести родителям обед. Солнце высоко, до поля далеко, боюсь, не успею вовремя сварить.

— Ясно, — ответил Гугуцэ. — Передай уважаемым родителям, что Его величество Гугуцэ желает им приятного аппетита.

На другой улице Гугуцэ наткнулся на малыша, закутанного в фуфайку и с шапкой на голове — странная одежда для середины лета.

— Твое величество, — малыш снял шапку, — ходит слух, что из колодца даже днем звезды видны. Разреши залезть в колодец, я посмотрю на звезды и заодно колодец почищу.

— Надень шапку. Колодцы чистят по праздникам.

Кони-всадники тем временем нашли утенка. Теперь они маршировали по селу Три Козленка и несли на палке портрет Гугуцэ.

А один конь-всадник с ружьем из бузины дожидался Гугуцэ во дворце:

— Твое величество, нужна пакля для патронов!

Гугуцэ знал, что пакля делается из конопля, велел жеребенку отдохнуть, а сам вместе с конем-всадником прямо перед дворцом вскопал и засеял целую грядку конопля.

— Теперь патронов на весь год хватит! — радовались кони-всадники.

После полудня Его величество Гугуцэ счел необходимым отправиться на луг и заняться там охотой на бабочек. Он ловил их шапкой. Королевская охота была очень удачной. Бабочки так и лезли под корону Его величества. Как видно, им очень хотелось попасть во дворец.

Переделав великое множество столь же важных и неотложных дел, Его величество к вечеру немного утомился и вышел на околицу села.

По всем дорогам, с полей, ферм, виноградников возвращались люди. Сперва они были маленькие, величиной с колосок, потом с кукурузный початок, вот они уже с помидорный куст, нет, с целый подсолнух...

А Его величество, оставаясь на месте, делался все меньше, пока люди не взяли мальчика за руку и не отвели домой.

Ю. КЫРКЕЛАН

Плацынды

Сколько ни просила я моего старшего брата Октавиана взять меня с собой в сад, он всякий раз гнал меня прочь, говоря: «Делать, что ли, нечего? Хвоста мне только недоставало. Я ведь на работу иду, не на посиделки!»

А я только и ждала случая попасть в колхозный сад. Он был так хорошо ухожен, так красиво тянулись вдаль бесконечные ряды яблонь и груш, закруглявшиеся где-то на краю земли... И еще мне нравилось помогать на уборке.

Я вообще любила работать на людях. Но брат нипочем не хотел меня взять.

Как-то в пятницу испекла мама плацынды, и я, наевшись хорошенько, говорю ей:

— Надо бы и Октавиану отнести. Я знаю, он в саду работает.

Вот взяла я узелок с плацындами в одну руку, кувшин со студеной водичкой из нашего колодца — в другую и отправилась в путь.

Идти было далековато. Я знала это потому, что однажды мы всей школой ходили туда на уборку яблок. Так что поначалу я чуть не бегом бежала.

На краю села я встретила девочек из моего класса — они от ручья шли.

— Ты куда, Аурика? — спрашивает одна.

— В сад! — отвечаю гордо.

— А что у тебя в узелке?

— Плацынды, — говорю, — Октавиану нес.

— Ой, — говорят они, глотая слюнки, — а с чем же твои плацынды?

— С брынзой, с тыквой и еще кое с чем!..

Тут, вижу, девочкам моим совсем невтерпеж стало. Поставила я кувшин на до-рогу, положила узелок на колени, раздала всем по куску плацынды и пошла дальше.

Иду я себе, иду, и так мне вдруг есть захотелось, просто сил нет. Села я на траву и мигом уплела целую плацынду. И такой вкусной она мне показалась там, на чистом воздухе, что я не заметила, как укатала еще одну. А потом еще и еще, пока почти со всеми не управилась. Только две плацынды остались.

Пошла дальше. Немножко не доходя до сада, увидела я целую ватагу воробьев, что дрались из-за хлебной корочки. Взяла я плацынду, покрошила мелко, насыпала им — уж очень они были голодны. Воробьи сразу помирились, а я снова в путь.

Долго ли, коротко, пришла я в сад, где бригада Октавиана собирала груши. Брат увидел меня и удивился:

— Ты откуда взялась?

— Я тебе плацынды принесла! — выпалила я и протянула ему последнюю, что оставалась у меня в узелке.

— И это все? — спрашивает он.

Я говорю:

— Мама сказала, чтобы ты домой шел кушать!

— Что ж ты в такую даль тащилась? Я бы и так домой пришел.

— Я тебе воды, — говорю, — принесла из нашего колодца.

А он:

— И на том спасибо. Плацынд я уж досыта наелся, теперь только запить их! — И он подмигнул своим ребятам: — Видите, что за сестренка у меня! Огонь — не девка!

А я подумала: «Плацынды что! Зато я в саду побывала!».

Ни мама, ни брат Октавиан не догадывались об этом.

Поэзия

Г. ВИЕРУ

«Ходит осень за окном...»

Ходит осень за окном
И стучится в каждый дом:
«Собирайтесь, детвора,
Отправляться в класс пора!»

Тем, кто старше, — хорошо:
Взял тетрадки и пошел.
Ну, а мне, чтоб в класс пойти,
Нужно год еще расти!

Говорит спокойно мать,
Что не так уж долго ждать,
Миску яблок достает
И с улыбкой подает.

Я на яблоки смотрю:
— Это много, — говорю. —
Хватит мне и одного,
Лишь бы в школе съесть его!

А. ЧОКАНУ

Мэрцишор

Прилетел к нам Мэрцишор.
Крылья нежные простер,
Как вздохнет да как шагнет —
Ручейками снег течет.

Днестр свои снимает латы,
Лед плывет голубоватый
Прямо к морю день-деньской,
Чтобы сделаться водой.

Заструились с гор потоки,
Размывают все дороги,
Но преград для солнца нет:
До полей доходит свет,

И снега под этим жаром
Улетают в небо паром.
К нам приносит Мэрцишор
Светлый смех и ясный взор,

С юга он несет нам вести,
Праздник с ним приходит вместе,
Мамин день приходит в дом,
То-то спляшем и споем!

Прилетай же в каждый двор,
Мэрцишор!

П. ЗАДНИПРУ

Весна идет!

На орех взобрался Миша.
С ветки даль ему видна.
Смотрит на холмы и крыши,
Не идет ли к нам весна.
За деревней, над долиной,
Где прозрачен небосвод,
Клин увидев журавлиный,
Закричал: «Идет, идет!»

И. ВАТАМАНУ

Слово мамы

Ярче солнечного света
Слово мамы... Помни это!
Слаще яблока из сада,
Слаще меда, винограда...
И своею добротой
Озаряет край родной.
Это слово согревает,
Если трудно — помогает,
Никогда не подведет,
Все простит и все поймет.
Вечно дорого и ново
Это ласковое слово.
Собираясь в дальний путь,
Ты его не позабудь.

В. АЛЕКСАНДРИ

Конец зимы

Страны моей просторы с сугробами расстались,
А бабьи дни и ночи бессонные — промчались,
Струится пар над пашней, и ростепень дорог
Подсушивает легкий весенний ветерок.

Лучи теплее стали и в сердце запросились,
Последние сугробы в оврагах притаились.
Журчит ручей, вздуваясь, сбегая напрямик,
И почки распуститься готовы каждый миг...

Вот бабочка — о боже! — мелькнула и исчезла!
Вот на поле былинка зеленая воскресла,
И, тяжестью своею склоня былинку вниз,
На ней жучок отважный, задумавшись, повис.

Лучом, жучком, былинкой и бабочкой беспечной,
Устав от зимней стужи и скуки бесконечной,
Как будто бы впервые, душа изумлена
И тихим нежным светом опять озарена.



✎ ПРОИЗВЕДЕНИЯ УКРАИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ✎

Проза

М. ЗОЩЕНКО

Глупая история

Петя был не такой уж маленький мальчик. Ему было четыре года. Но мама считала его совсем крошечным ребенком. Она кормила его с ложечки, гулять водила за ручку и по утрам сама одевала его.

Однажды Петя проснулся в своей постельке. И мама стала его одевать. Вот она одела его и поставила на ножки около кровати. Но Петя вдруг упал. Мама думала, что он шалит, и снова поставила его на ножки. Но тот опять упал. Мама удивилась и в третий раз поставила его около кроватки. Но ребенок снова упал.

Мама испугалась и по телефону позвонила папе на службу. Она сказала папе:

— Приезжай скорей домой. Что-то с нашим мальчиком случилось — он на ножках стоять не может.

Вот папа приезжает и говорит:

— Это глупости. Наш мальчик хорошо ходит и бегает, и не может быть, чтобы он у нас падал.

И он моментально ставит мальчика на ковер. Мальчик хочет пойти к своим игрушкам, но снова, в четвертый раз, падает.

Папа говорит:

— Надо скорей позвать доктора. Наверно, наш мальчик захворал. Наверно, он вчера конфетами объелся.

Позвали доктора. Приходит доктор в очках и с трубкой. Доктор говорит Пете:

— Это что за новости! Почему ты падаешь?

Петя говорит:

— Не знаю, почему, но немножко падаю.

Доктор говорит маме:

— А ну-ка, разделите этого ребенка, я его сейчас осмотрю.

Мама раздела Петю, и доктор стал его слушать. Доктор послушал его через трубку и говорит:

— Ребенок совершенно здоровый. И это удивительно, почему он у вас падает. А ну-ка, оденьте его снова и поставьте на ножки.

Вот мама быстро одевает мальчика и ставит на пол. И доктор одевает очки на нос, чтобы получше видеть, как мальчик падает. Только мальчика поставили на ножки — и вдруг он опять упал.

Доктор удивился и говорит:

— Позовите профессора. Может быть, профессор догадается, почему этот ребенок падает.

Папа пошел звонить профессору, а в этот момент к Пете в гости приходит маленький мальчик Коля. Коля посмотрел на Петю, засмеялся и говорит:

— А я знаю, почему у вас Петя падает.

Доктор говорит:

— Глядите, какой нашелся ученый карапуз, — он лучше меня знает, почему дети падают.

Коля говорит:

— Поглядите, как Петя у вас одет. У него одна штанина болтается, а в другую засунуты обе ножки. Вот почему он и падает.

Тут все заахали и заохали.

Петя говорит:

— Это меня мама одевала.

Доктор говорит:

— Не нужно звать профессора. Теперь нам понятно, почему ребенок падает.

Мама говорит:

— Утром я очень торопилась, чтобы ему кашу варить, а сейчас я очень волновалась, и поэтому я так неправильно ему штанишки надела.

Коля говорит:

— А я всегда сам одеваюсь, и у меня таких глупостей с ногами не бывает. Взрослые вечно что-нибудь напутают.

Петя говорит:

— Теперь я тоже буду сам одеваться.

Тут все засмеялись. И доктор засмеялся. Он со всеми попрощался и с Колей тоже попрощался. И ушел по своим делам. Папа пошел на службу. Мама пошла на кухню. А Коля с Петей остались в комнате. И стали играть в игрушки.

А на другой день Петя сам надел штанишки, и никаких глупых историй с ним больше не произошло.

Л. ВОРОНКОВА

Таня выбирает ёлку

Один за другим проходили зимние дни — то вьюжные, то снежные, то морозные и румяные. И с каждым днем все ближе да ближе подходил Новый год.

Как-то раз Таня пришла с улицы с громким плачем.

— Ты что? — спросила бабушка. — Руки отморозила?

— Я не отморозила руки! — прорыдала Таня.

— Ну, тогда что же? Мальчишки отколотили?

— Нет, не отколотили!

— А тогда что же стряслось?

— В школе елку будут делать... А нас не возьмут... Говорят — до школы далеко, маленькие замерзнут... А мы и не замерзнем даже ни капельки!..

— И правда, — сказала бабушка, — куда вы такую-то даль по морозу потащитесь!

— Да-а! «По морозу»! А там елка будет вся наряженная!

— Эка беда какая! А мы возьмем да свою нарядим!

— А где она у нас?

— Вот дед поедет за хворостом да и срубит.

— А чем наряжать?

— Найдем чем.

— И Аленку позовем?

— Конечно, позовем.

Таня вытерла слезы и сразу повеселела. После обеда дедушка стал запрягать лошадь.

Бабушка сказала ему:

— Дед, не забудь, сруби нам елочку. Да получше выбери.

— Какая встретится, ту и выберу, — сказал дедушка.

Но Таня закричала:

— Ой, дедушка, ты не такую выберешь! Надо пушистенькую. И чтобы прямая была. И чтобы густая. Дедушка, давай я сама с тобой поеду, а то ты не такую привезешь!

— Поедем, — сказал дедушка. — А замерзнешь — не реветь.

— Не буду реветь, — сказала Таня.

И тут же забралась в розвальни.

Лошадь бежала рысью по гладкой дороге.

В лесу было тихо, деревья стояли совсем неподвижно. Они словно увязли в снегу да и заснули.

Села какая-то птица на ветку и стряхнула сверху снежок прямо Тане на голову.

— Дедушка, а ведь холодно деревьям в лесу стоять, — сказала Таня.

— Конечно, холодно, — сказал дедушка, — и вьюжно, и морозно.

— А как же они терпят?

— Так вот, терпят и молчат — переживают тяжелое время. Как и человек все равно.

— Человек-то не молчит, — подумав, сказала Таня, — человек-то возьмет да заплачет.

— Ну, кто заплачет, тот человек не настоящий. Настоящий человек беду молча выносит.

Таня вспомнила, как она утром плакала, и примолкла.

В лесу, около самой дороги, лежала куча хворосту. Дедушка ее еще с осени приготовил.

— Я буду хворост на сани складывать, — сказал дедушка, — а ты пока что елку себе выбирай.

Таня пошла по лесной дороге.

Вот хорошая елочка, только ветки не донизу... Вот другая, тоже хорошая, только велика очень, в избу не войдет... Вот и третья, рядом с березкой, — маленькая, пушистая, прямая, как раз такая, какую Тане хотелось!

— Я вот эту выбрала, — сказала Таня.

Дедушка срубил елочку и положил на воз. И Таню на воз посадил. Бодро пошла лошадка, запели полозья по накатанной дороге. Таня сидела на возу и крепко держала свою елочку.

Н. ЗАБИЛА

Ясочкин садик

За окном сегодня ветер, ветер — даже в доме слышно, как гудит. В детский сад ушли давно все дети, только Яся в комнате сидит.

Наша Яся кашляет немножко, был на горке снег такой сырой, видно, Яся промочила ножки, на снегу играя с детворой.

Мамы нет, и на работе папа, в Ясочкином доме тишина. Думаете, Яся будет плакать, в комнате соскучится одна?

Ну уж нет, она скучать не станет! Вон игрушки у нее стоят. Можно посадить их на диване, там у Яси будет детский сад.

В детский сад пришел мохнатый Мишка, кукла Ляля и больной конек, а еще веселый шалунишка, длинноухий маленький щенок.

И котенка записала Яся, но шмыгнул котенок под кровать.

— Непослушный, глупый котик Вася, больше не возьму тебя играть!

В уголок уселись ребятишки — смиренная какая детвора! Что-то лапы грязные у Мишки — он, лентяй, их не помыл с утра.

— Дом из книг для вас построю, дети, повяжу на башенку флажок, дам к обеду по большой конфете, испеку с вареньем пирожок.

А потом возьму из шкафа книжку, покажу вам буквы «А» и «О». Яся знает, что мохнатый Мишка хочет буквы выучить давно.

Яся коврик на полу расстелет, тихий час устроит для ребят:

— Ну, ложитесь, малыши, в постели, и у нас в саду ребята спят!

Спать ложатся Ясочкины дети — и щенок, и кукла, и медведь. За окном сегодня ветер, ветер, но тепло им в комнате сидеть.

Вот и мама в двери постучала, маленькую дочку обняла:

— Молодчина, дочка, не скучала, интересно день свой провела!

Ясочкина грядка

Солнце забирается в окошко, ветерок напомнил о весне.

Вышла Яся в садик по дорожке, где лежал еще недавно снег.

А сейчас летят из ульев пчелки, листья зеленеют на ветвях, новой травки острые иголки проросли в саду на бугорках.

У забора собрались ребята. Сколько смеху, радости, забот!

Смотрит Яся — у ребят лопаты.

«Да они ж копают огород!»

Слышит Яся:

— Посажу я дыни!

— Я — арбузы, сладкие как мед!

— Я — горох, пусть вьется длинный-длинный!

— У меня морковь пускай растет!

Если за работой ребятишки, Ясе тоже отставать нельзя, хоть она совсем еще малышка, будто репка, кругленькая вся.

Тянет Яся и себе лопатку. Тяжела лопатка, на беду. Но у Яси тоже будет грядка, как у всех ребят в ее саду.

И вскопала грядку наша Яся, не отстала от других детей. Правда, ей чуть-чуть помог Михасик, Игорец помог немножко ей.

— Ясочка, а что же ты посеешь?

— А она не знает, что сажать...

— Посадить бы дынек повкуснее — пусть, как свинки, в зелени лежат. Или лучше посадить капусты и гороху, чтобы рвать стручки? И моркови или репы вкусной, огурцы посеять, кабачки?..

Ясочка взяла семян остатки, посадила в землю их подряд.

Погодите, Ясочкина грядка будет краше, чем у всех ребят!

Хорошо работать в огороде.

Мальши забыли про игру.

Тихо солнце по небу проходит, греет и ласкает детвору.

Ласточка

Пригревает жарко солнце, на дворе журчат ручьи, а у нашего оконца стайка ласточек кричит.

Вот последний снег растаял, на дворе весна у нас.

У окошка Яся встала, отвести не может глаз.

— Отвори скорее, мама! Птички к нам хотят влететь. Я не трону их руками, буду издали глядеть.

Подлетели — тише, тише! — с криком вьются у крыльца. Это ласточки под крышей строят гнездышки птенцам.

Глины серые комочки, пух таскают для гнезда...

От зари до поздней ночи птицы заняты всегда.

Скоро пестрые яички будут в гнездышках лежать, согревать их станут птички и птенцов крикливых ждуть.

А потом птенцы-обжоры запищат у вас в саду... Ласточкам придется скоро добывать для них еду.

Подрастут у птичек крылья — мать научит их летать. Так вот Ясочку учила мама азбуку читать.

А потом настанет осень, станет сразу холодней, на поляны лягут росы снега первого белей.

— Мама, ласточек зимою испугают холода. Я тогда окно открою, греться их пушу тогда.

— Нет, за теплыми морями будут птички зимовать. С журавлями, с соловьями улетят они опять. А весна придет — и вскоре под оконом, в зеленый сад, с юга солнечного, с моря наши птички прилетят.

Поэзия

П. ВОРОНЬКО

«Лучше нет родного края!..»

Жура-жура-журавель!
Облетел он сто земель.
Облетел, обходил,
Крылья, ноги натрудил.

Мы спросили журавля:
— Где же лучшая земля?
Отвечал он, пролетая:
— Лучше нет родного края!

Я. АКИМ

Апрель

Долго шла весна тайком
От ветров и стужи,
А сегодня прямоком
Шлепает по лужам.

Гонит талые снега
С гомоном и звоном,
Чтобы выстелить луга
Бархатом зеленым.

«Скоро, скоро быть теплу!» —
Эту новость первой
Барабанит по стеклу
Серой лапкой верба.

Скоро тысячи скворцов
С домиком подружат,
Скоро множество птенцов
Выглянет наружу.

Тучи по небу пройдут.
И тебе впервые
На ладошку упадут
Капли дождевые...

Л. КВИТКО

Скрипка

Я разломал коробочку —
Фанерный сундучок, —
Совсем похож на скрипочку
Коробочки бочок.

Я к веточке приладил
Четыре волоска, —
Никто еще не видывал
Подобного смычка.

Приклеивал, настраивал,
Работал день-деньской...
Такая вышла скрипочка —
На свете нет такой!

В руках моих послушная,
Играет и поет...
И курочка задумалась
И зерен не клюет.

Играй, играй же, скрипочка!
Трай-ля, трай-ля, трай-ли!
Звучит по саду музыка,
Теряется вдаль.

И воробьи чирикают,
Кричат наперебой:

«Какое наслаждение
От музыки такой!?»

Задрал котенок голову,
Лошадка мчится вскачь.
Откуда он? Откуда он —
Невиданный скрипач?

Трай-ля! Замолкла скрипочка...
Четырнадцать цыплят,
Лошадки и воробушки
Меня благодарят.

Не сломал, не выпачкал,
Бережно несу,
Маленькую скрипочку
Спрячу я в лесу.

На высоком дереве,
Посреди ветвей,
Тихо дремлет музыка
В скрипочке моей.

Чудо

Семечко-крошку
Всю зиму хранил,
В рыхлую землю
Весной посадил.

Чудо случилось
Наверное, с ним —
Семечко стало
Живым и большим,

Семечко-крошка
Лежало в земле,

Лежало, согрелось,
Разбухло в тепле.

Сначала разбухло,
Потом проросло,
Тонким росточком
На грядке взошло.

Чубик завил
Этот славный росток,
Выкинул перышки
Нежный листок.

Ну, разве не чудо,
Что чубик такой
Пробился, прорвался
Сквозь слой земляной?

Он землю буравил,
Он лез напролом —
И к свету, и к солнцу
Пробрался с трудом.

А под землю
Опять чудеса —
Что-то растет
Не по дням, по часам.

Выросла вместо
Пылинки зерна
Сочная, сладкая
Овощ одна.

Плутовка-морковка
Скрывается там,
Если не веришь,
Выдерни сам.



БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьев А.Н. Заветные русские сказки. — М.: Эксмо, 200. — 349 с.
2. Библиотека мировой литературы для детей: сказки русских писателей. — М.: Детская литература, 1980.
3. Голубая птица: сборник сказов народов СССР / сост. Л. Елисеева. — М.: Малыш, 1982. — 147 с.
4. Гора самоцветов: сказки народов СССР в пересказе М. Булатова / рис. И. Кузнецова. — М.: Дет. лит. 1984.
5. Дендемарченко Н.И. Егоркин дом: стихи и сказочные истории. — Бендеры: ПАПФ, 2008.
6. Драгоценный ларец. Сказки. — Л.: Лениздат, 1985. — 384 с.
7. Евдокимова Н. Про моих знакомых людей, зверей и насекомых: стихи для детей. — Бендеры: Полиграфист, 2010.
8. За горами, за лесами...: сказки русских писателей первой половины XIX в. / сост., авт. предисл. и коммент. В.А. Грихин; худож. Р.Ж. Авотин. — М.: Просвещение, 1989. — 351.
9. Зальтен Ф. Бемби. Лесная сказка в пересказе с нем. Ю. Нагибина. — М.: Гос. изд-во дет. лит-ры министерства просвещения РСФСР, 1957.
10. Ищук И. Детская площадка: сборник произведений победителей 5-го Ммеждународного конкурса на лучшее произведение для детей. — Одесса: ТЭС, 2017.
11. Книга для чтения в детском саду и дома. 5–7 лет: пособие для воспитателей детского сада и родителей / сост. В.В. Гербова и др. — М.: Оникс, 2008.
12. Полная хрестоматия для дошкольников: с метод. подсказками для педагогов и родителей: для чтения в семье и дет. саду: в 2-х кн. / авт.-сост. С.Д. Томилова. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
13. Посиделки в Кодрах. — Кишинев: Литература артистикэ, 1978.
14. Русские народные былины. — М.: Гос. изд-во дет. лит-ры Министерства просвещения РСФСР, 1958.
15. Хрестоматия для дошкольников 5–7 лет. — 1-е изд. / сост. Н.П. Ильчук и др. — М.: АСТ, 1998.
16. Хрестоматия для детей дошкольного возраста. — Тирасполь, ПГИРО, 2007.
17. Хрестоматия для детей старшего дошкольного возраста. Изд. 4-е, перераб. и доп. / сост. Р.И. Жуковская, Л.А. Пеньевская. — М.: Просвещение, 1981.
18. Хрестоматия для детей старшего дошкольного возраста / сост. З.Я. Рез, Л.М. Гурович и др. — М.: Просвещение, 1990.
19. Журнал «Ребенок в детском саду»: 2002. № 3, № 4, № 6; 2003. № 3; 2007. № 3.
20. Журнал «Дошкольное воспитание»: 1994. № 2; 1995. № 5, № 11; 2000. № 10.

Интернет-источники

21. <http://www.calameo.com>
22. <http://www.books.kostyor.ru>
23. <http://cherny-sasha.lit-info.ru>
24. <http://allforchildren.ru>
25. <http://www.stihi.ru>
26. <http://www.stranamam.ru>
27. <https://solnet.ee/skazki>

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
----------------	---

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

Песенки

«Лиса рожью шла...»	4
«Чигарики-чок-чигары!..»	4
«Зима пришла...»	4
«Идет Матушка-весна...»	4
«Когда солнышко взойдет...»	4

Календарные обрядовые песни

«Коляда! Коляда! А бывает коляда...»	5
«Коляда, коляда, ты подай пирога...»	5
«Как пошла коляда...»	5
«Как на масляной неделе...»	5
«Тин-тин-ка...»	5
«Масленица, Масленица!..»	5

Прибаутки

«Братцы, братцы!..»	6
«Федул, что губы надул?..»	6
«Ты пирог съел?..»	6
«Где кисель — тут и сел...»	6
«Глупый Иван...»	6
«Сбил-сколотил — вот колесо...»	6

Небылицы

«Богат Ермошка...»	6
«Вы послушайте, ребята...»	7

Сказки

Василиса Прекрасная (из сб. сказок А. Афанасьева)	7
Волк и лиса (обработ. И. Соколова-Микитова)	13
Добрыня и Змей (пересказ И. Колтаковой)	14
Снегурочка (по народным сюжетам)	16
Семь Симеонов — семь работников (обработ. И. Карнауховой)	17
Сынко-Филиппко (пересказ Е. Поленовой)	18
Не плюй в колодец — пригодится воды напиться (обработ. К. Ушинского)	20

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ МИРА

Песенки

Перчатки (пер. с англ. С. Маршака)	23
Кораблик (пер. с англ. С. Маршака)	23
«Мы пошли по ельнику...» (пер. со швед. И. Токмаковой)	23
«Что я видел!..» (пер. с франц. Н. Гернет, С. Гиппиус)	24
Трое гуляк (пер. с франц. И. Гернет и С. Гиппиус)	24

Сказки

Айога (нанайск., обработ. Д. Нагишкина)	24
Каждый свое получил (эстон., обработ. М. Булатова)	26
Голубая птица (туркм., обработ. А. Александровой и М. Туберовского)	28
Беляночка и Розочка (пер. с нем. Л. Кон)	33
Самый красивый наряд на свете (пер. с япон. В. Марковой)	35
Кот в сапогах (из сказок Ш. Перро)	36

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Поэзия

А. Пушкин. «Зима! Крестьянин, торжествуя...» (из романа «Евгений Онегин»)	40
А. Пушкин. Птичка	40
М. Лермонтов. «Горные вершины...» (из Гете)	40
В. Жуковский. Жаворонок (в сокр.)	40
Ф. Тютчев. Весенние воды	40
А. Фет. «Уж верба вся пушистая...» (отрывок)	41
С. Есенин. Пороша	41
А. Блок. На лугу	41
С. Волошин. Осенью	41
С. Городецкий. Первый снег	42
С. Городецкий. Весенняя песенка	42
Ю. Владимиров. Оркестр	43
Г. Сапгир. Считалки, скороговорки	44
П. Соловьева. Ночь и день	44
Э. Успенский. Страшная история	44
Э. Успенский. Память	45
Н. Заболоцкий. На реке	45

Проза

А. Куприн. Слоны	46
К. Коровин. Белка (в сокр.)	53
Ю. Коваль. Русачок-Травник	57

Ю. Коваль. Стожок	57
Е. Носов. Как ворона на крыше заблудилась	58
С. Романовский. На танцах	60
С. Алексеев. Первый ночной таран (Талалихин)	63
Е. Воробьев. Обрывок провода	64

Литературные сказки

В. Телешов. Самое лучшее	65
А. Ремизов. Хлебный голос	68
А. Ремизов. Гуси-лебеди	68
В. Даль. Старик-годовик	70
К. Ушинский. Слепая лошадь	70
Г. Скребицкий. Всяк по-своему	72
И. Соколов-Микитов. Соль Земли	78
К. Паустовский. Теплый хлеб	80
К. Драгунская. Лекарство от послушности	86

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СТРАН

Поэзия

Л. Станчев. Осенняя гамма (пер. с болг. И. Токмаковой)	90
Б. Брехт. Зимний разговор через форточку (пер. с нем. К. Орешина)	90
Э. Лир. Лимерики (пер. с англ. Г. Кружкова)	90

Литературные сказки

Г.-Х. Андерсен. Дюймовочка (пер. с дат. А. Ганзен)	91
Г.-Х. Андерсен. Гадкий утенок (пер. с дат. А. Ганзен)	98
Ф. Зальтен. Бемби (пересказ с нем. Ю. Нагибина, в сокр.)	105
А. Линдгрэн. Принцесса, не желающая играть в куклы (пер. со швед. Е. Соловьевой)	132
С. Топелмус. Три ржаных колоска (пер. со швед. А. Любарской)	136

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ЗАУЧИВАНИЯ НАИЗУСТЬ

А. Пушкин. «Уж небо осенью дышало...» (из «Евгения Онегина»)	140
Ф. Тютчев. «Зима недаром злится...»	140
С. Есенин. Береза	140
Н. Рубцов. Про зайца	140
В. Орлов. «Ты лети к нам, скворушка...»	141
Е. Благинина. Шинель	141
Н. Гернет и Д. Хармс. Очень-очень вкусный пирог	141
Э. Мошковская. «Добежали до вечера...»	141
И. Суриков. Зима	142

П. Соловьева. Подснежник	142
С. Маршак. «Таёт месяц молодой...»	142

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ЧТЕНИЯ В ЛИЦАХ

К. Аксаков. Лизочек	143
А. Фройденберг. Великан и мышь (пер. с нем. Ю. Коринца)	144
Д. Самойлов. У Слоненка день рождения	144
С. Маршак. Кошкин дом	163
Л. Левин. Сундук	178

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сказки

Белая уточка (рус., из сб. сказок А. Афанасьева)	179
Мальчик с пальчик (из сказок Ш. Перро, пер. с франц. Б. Дехтерева)	181

Поэзия

«Вот пришло и лето красное...» (рус. нар. песенка)	186
А. Фет. «Что за вечер...» (в сокр.)	186
А. Пушкин. «За весной, красой природы...» (из поэмы «Цыганы»)	186
Н. Некрасов. Перед дождем (в сокр.)	186
С. Черный. Перед сном	186
С. Черный. Волшебник	187
Э. Мошковская. Хитрые старушки	187
Э. Мошковская. Какие бывают подарки	188
В. Берестов. Дракон	188
Л. Фадеева. Зеркало в витрине	188
И. Токмакова. Мне грустно	189
Д. Хармс. Веселый старичок	189
Д. Хармс. Иван Топорышкин	189
М. Валек. Мудрецы (пер. со словац. Р. Сефа)	190

Проза

Д. Мамин-Сибиряк. Медведко	191
А. Раскин. Как папа бросил мяч под автомобиль	194
А. Раскин. Как папа укрощал собачку	196
М. Пришвин. Курица на столбах	198
Ю. Коваль. Выстрел	199

Литературные сказки

А. Усачев. Про умную собачку Соню (главы)	202
Б. Поттер. Сказка про Джеммайму Нырнвлужу (пер. с англ. И. Токмаковой)	205
М. Эме. Краски (пер. с франц. И. Кузнецовой)	208

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КОМПОНЕНТ

Фольклор

Заклички

Хлебушек (<i>рус. нар. закличка</i>)	217
«Приди, приди, солнышко...» (<i>укр. нар. закличка</i>)	217
Улитка (<i>молд. нар. закличка</i>)	217
«Ой, зачем ты, жаворонок...» (<i>укр. нар. закличка</i>)	217

Легенды

Живая лоза (<i>молд. нар. легенда</i>)	217
Легенда о мэрцишоре (<i>молд. нар. легенда</i>)	218
Мэрцишор (<i>молд. нар. легенда</i>)	218

Произведения поэтов Приднестровья

О. Юзифович. Приднестровье	219
А. Вырвич. «Земля моя, вдоль берега Днестра...»	219
Б. Шифрин. Тирасполь (<i>отрывок</i>)	220
Г. Барабаш. «Цвети, мой край...»	220
Г. Гурски. Неудачный план	220
Г. Гурски. Где же сон?	221
Г. Гурски. Зима	221
Г. Гурски. Зимушке	221
А. Лосева. Прораб	221
А. Лосева. «Я лежу, болею...»	221
А. Лосева. Дачники-удачники	222
А. Орлов. Падают снег	222
В. Караджов. Ручеек	222
Н. Божко. Абрикос	222
Н. Божко. Береза	222
И. Ткаченко (<i>Ицук</i>). Одуванчик	223
И. Ткаченко (<i>Ицук</i>). Скороговорки	223
Б. Марьян. Тем, кто «Р» не говорит	223
Б. Марьян. Тем, кто «Ш» не говорит	223
Н. Дендемарченко. Дождика не будет	223
Н. Дендемарченко. История старой лягушки	224
Н. Дендемарченко. Егоркин дом	224
Ф. Миронов. Подушки для ежат	225
Ф. Миронов. «До свиданья, детский сад!...»	226
Н. Евдокимова. Летний дождь	226
Н. Евдокимова. Веселое солнышко	226

Произведения писателей Приднестровья

Л. Кудрявцева. Совесть	227
И. Ткаченко (<i>Ицук</i>). Булавка	228
И. Ткаченко (<i>Ицук</i>). Как паучка лечили от доброты	229
И. Ткаченко (<i>Ицук</i>). Колыбельная для ежика	229

МОЛДАВСКИЙ ФОЛЬКЛОР, ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОЛДАВСКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

Сказки

Два брата (<i>молд. нар.</i>)	231
Золотой венец (<i>молд. нар.</i>)	231
И. Крянгэ. Кошелек с двумя денежками	234
А. Бусуйок. Сапожки аиста	236

Проза

С. Вангели. «Его величество — Гугуцэ»	237
Ю. Кыркелан. Плацынды	239

Поэзия

Г. Виеру. «Ходит осень за окном...»	240
А. Чокану. Мэрцишор	241
П. Заднипру. Весна идет	241
И. Ватаману. Слово мамы	241
В. Александри. Конец зимы	241

ПРОИЗВЕДЕНИЯ УКРАИНСКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

Проза

М. Зоценко. Глупая история	243
Л. Воронкова. Таня выбирает елку	244
Н. Забила. Ясочкин садик	246
Н. Забила. Ясочкина грядка	246
Н. Забила. Ласточка	247

Поэзия

П. Воронько. «Лучше нет родного края...»	248
Я. Аким. Апрель	248
Л. Квитко. Скрипка	248
Л. Квитко. Чудо	249

Библиографический список	250
------------------------------------	-----

Учебное издание

**ХРЕСТОМАТИЯ
ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

***Пособие для воспитателей ОДО
в четырех частях***

Часть IV

(Подготовительная к школе группа — от шести до семи лет)

Составитель
Анна Юрьевна Сударикова

Редактор *Л.Г. Соснина*
Компьютерная верстка *Н.В. Надькиной*

Формат 60×84 1/16. Усл.-печ. л. 14,9. Гарнитура «Times New Roman».
Изготовлено в РИО ГОУ ДПО «ИРОиПК», г. Тирасполь, ул. Каховская, 17.